



Леонид Лейдерман

СЕНЯ И СОНЯ

ИЛИ

ТРИ ГОДА ТЫ МНЕ СНИЛАСЬ...

ТЫ МНЕ СНИЛСЯ

Леонид Лейдерман

**СЕНЯ И СОНЯ,
или
ТРИ ГОДА ТЫ МНЕ СНИЛАСЬ...
ТЫ МНЕ СНИЛСЯ**

**Эпистолярная мелодрама в трех частях
с прологом, лирическими отступлениями
и эпилогом**

**Одесса
«Политехпериодика»
2025**

УДК 82-4

Л42

Лейдерман Л. М.

Л42 Сеня и Соня, или Три года ты мне снилась... Ты мне снился. / Л. М. Лейдерман. — Одесса : Политехпериодика, 2025. — 382 с.

ISBN 978-966-2666-37-3

В основу книги положены письма молодых супругов. Середина прошлого века. Он и она. Им по двадцать лет. Любовь и разлука. Поэзия мечты и проза жизни. Любовь и дружба. Любовь и нежность. Любовь и время.

Книга может быть интересна молодым людям, только вступающим в самостоятельную жизнь, и тем, кто на прожитую жизнь оглядывается.

Отзыв о книге можно оставить на сайте <http://leidermanl.wixsite.com/odessa>

УДК 82-4

ISBN 978-966-2666-37-3

© Лейдерман Л. М., 2025

© Кунтарас О. А., обложка, 2025

ПРОЛОГ

Летом 1957 года из еще советской Одессы в советский же Чирчик, что в Узбекистане, выехали две супружеские пары — молодые специалисты, выпускники одесского техникума Семен Кравец с женой Софьей Шамис и Денис Фомичёв с женой Лидией. Специалисты-мужья получили назначения на один из военных складов горюче-смазочных материалов, а жены получили дипломы тоже специалистов, но с правом свободного трудоустройства.

Тут нужно заметить, что направление выпускников именно на этот склад не было строго обязательным. (Заметим в скобках, что их там и не ждали, а легко обходились силами личного состава боевого подразделения.) Этот склад молодые супруги выбрали сами. И вызвано это было тем, что мужья-то — молодые люди и подлежали в этом 1957 году призыву в армию. Вот и решили они — не ждать, когда их призовут, разлучая с любимыми женами, а самим явиться в эту самую армию вместе с женами, к обязательной работе получить обязательное жилье с тайным расчетом, что обязательная работа после окончания техникума зачтется как обязательная служба в армии. Однако никакой это был не расчет, а всего лишь ни на чем не основанная надежда. Надежда, которой не суждено было сбыться.

Уже в ноябре, спустя всего три месяца, военнообязанные мужья были призваны на срочную службу, а их жены уволились с места

своей первой работы по собственному желанию, то есть из собственного нежелания оставаться здесь без своих мужей. Лидия Фомичёва возвращалась в Одессу к своим родителям, а Софья Шамис, по совместному решению с мужем и с согласия его сестры, уезжала к этой сестре на Север, в город Ухту. Молодых женщин умчал от мужей московский поезд, а на следующий день мужа в составе команды призывников выехали в сторону Красноводска в еще не названный им пункт назначения. Но уже назван срок предстоящей службы — три года. Может быть, кто-то в команде призывников уже был наслышан, что в армии старослужащие исчисляют время до демобилизации в невыпитых компотах или в еще не пройденных банях. Однако был и другой счет, короткий — зима-лето, зима-лето, зима-лето, вот и всё. Сколько той службы! Тогда молодые люди и представить не могли, какую важную роль в их жизни будет отныне играть почтовое ведомство..

КУРСАНТЫ

ЗИМА

декабрь'57

[СЕНЯ, Моздок]

Здравствуй, Сонечка! Сколько раз ни собираюсь написать тебе письмо, никак не удается. Помнишь, как у нас в Чирчике не хватало времени на письма в Одессу? А здесь еще хуже. Время есть, но по несколько минут. А я хочу сесть и написать сразу всё, а не урывками. Единствен...

На этом, Сонечка, мое вчерашнее письмо было прервано. Вызвал меня командир роты, со мной еще троих, и послал нас готовить офицерский клуб к конференции. Выбрал самых надежных, чтобы смело отпустить самих, без сержантов. Вернулся я в полтретьего, а в шесть — подъем и шестикилометровый переход на аэродром.

Только что вернулся с аэродрома и получил у сержанта письмо от Жорика. Между прочим, он сообщил, что Женьки Иванченко Майка (помнишь ее?) преждевременно родила — шестимесячного мальчика. Он прожил всего пять часов и умер. Судя по письму, она вышла замуж.

Так вот, продолжу. Единственное, что я могу сделать, это решиться ограничиться короткими письмами. (Снова зовут строиться.) Больше мне говорить не о чем.

Люблю, очень люблю. Ты лучше всех, красивее всех, умнее всех, добрее всех... Я не могу без тебя, мне очень трудно. Мне нужно быть с тобой, всегда, хорошая моя. Твои фото у меня на сердце. Я люблю. Очень.

Ничего, мы переживем это. А пока — пока напиши хоть одно письмо. Знаю, что еще не время, но все-таки жду каждый день. Как ты? Этот вопрос меня мучит. Как ты в дороге? Как ты в Москве, как ты в Ухте? Как с погодой, что ты носишь? Мне нужно всё знать, каждый день. Пиши, Сонечка, слышишь? Я хочу писем. Большого мне хотеть нельзя.

До свидания, маленькая моя. Целую тебя крепко-крепко. Твой Сенчик.

P. S. Сонечка, ты мне снилась в гимнастике с погонами и в пилотке. Тебе идет.

Привет Марку, Элле, детям. Сеня.



Сегодня пришло от тебя письмо. Мой помкомвзвода испытывал мое терпение, а я рвал и метал, требуя немедленно вручить его мне.

Милая моя, далёкая! Как я ждал твоего письма! Но оно меня радовало только до тех пор, пока ты не сообщила об аборте. Самовольщица ты моя! Я понимаю, как тебе было бы трудно, но а вдруг больше не будет детей? Что тогда? И почему без разрешения? Хотя ты знала, что я не разрешу. Мне позавчера пришло письмо от папы, в нем между строк было, что скоро, быть может, стану

отцом. Я радовался не знаю как, а сегодня комок к горлу подступил. Я очень хочу ребенка, и очень боюсь, что его может не быть. Соник, ты сейчас болеешь, тебе тяжело без меня, еще тяжелее читать мои упреки, но умолчать я не могу, а лгать тем более. Не обижайся за резкость и знай, что мне тяжело. Немедленно сообщи, как твое самочувствие.

Ты надеялась, что в Ухте тебя ждет письмо от меня. Так ведь я не знал, куда ты из Москвы поедешь, в Ухту или в Одессу. Откровенно говоря, я боялся, что маме удастся тебя уговорить. Как хорошо, что этого не случилось! Спасибо тебе, Софья, ты у меня молодец.

Ты могла простудиться в Ухте из-за плохой одежды. За пальто Элле спасибо. Они хорошие, правда?

Слабенькая Сонечка, ты мне что пишешь? Как тебе не стыдно? Ты просишь меня написать, что мне пока никто не нужен. Как это «пока»? Не верь, что люди не могут за себя ручаться. И знай, что никогда я не забуду о тебе, не изменю ни с кем, потому что если мне и тяжело, то мне тяжело не вообще, а потому что тебя, слышишь, Сонечка, тебя нет.

Увидеть тебя я могу только в отпуск, и я буду делать всё, чтобы его заслужить. А пока — я не плачу. И тебе запрещаю категорически. Иначе писать не буду. Веришь? Нет? Правильно, если нет. Всё равно, что бы ни было, писать буду, ждать буду, верить буду.

Пару дней назад один ростовчанин из нашего взвода получил от жены письмо. Он только 29 ноября приехал сюда, а 10 декабря его жена уже вышла замуж, о чем и сообщила в письме. Какая низость и жестокость! Парень напился, удрал из лазарета в город, в халате,

его поймал патруль, он вырвался, бросился под автобус, его спасли. Мы с Денисом слушали все это несколько самодовольно. Нет, с нами этого не случится.

Сонечка, любимая! Я теперь человек армейский, научился выполнять приказания беспрекословно. И тебе приказываю: не реветь! Куда это годится? Не надо. Мы же оптимисты, зачем нам представлять жизнь в мрачных красках? Трудно, но ты не забудь, что ты должна быть мужественной. Тебе на долю выпала нелегкая судьба — надо держаться, иначе она тебя сломит.

Позавчера я был в наряде на кухне. (Кстати, получил благодарность.) Вчера сменился и сразу — спать. Проспал снег, а утром сегодня вышел на улицу, и вспомнилось мне 26 декабря прошлого года. Ведь прошел уже год с того дня, как мы с тобой, держась за руки, после загса бежали по Ласточкина, а снег под ногами задорно скрипел, провозглашая начало новой жизни. Год. Такой дорогой, хороший год. Первый год. Мы молодцы, правда, Соник? В нашем взводе есть ребята толковые, развитые. Один из них, Рубен Геворков, армянин из Тбилиси, мечтал вслух о будущей семейной жизни, а я улыбался, довольный, потому что его мечты у нас с тобой были жизнью.

Дорогая моя Сонечка! Сейчас знаешь сколько уже времени? Полвторого ночи. Мы только что пришли в казарму — чистили картошку на завтра. Приходится много работать в последнее время. Вчера только сменились с суточного наряда, а сегодня с утра на аэродром рыть канаву (траншею), а вечером — на картошку.

Денис уже командир отделения. А мне через пару дней придется покинуть и его, и ребят. Перехожу к мотористам. А Денис будет стрелком. Летать будет.

Соник, милая моя! Я каждый день сочиняю тебе письма, нежные, теплые, но писать их некогда, да и когда сяду за письмо, уже не то! Я люблю тебя, понимаешь ты, Соня-союшка? Крепко-крепко люблю. А сейчас буду заканчивать.



Сегодня день рождения моего.

И в этот день, торжественный когда-то,

Я не могу никак забыть того,

Что рядом нет тебя, одни ребята.

Телеграммы получил, деньги тоже. Большое спасибо. Только денег посылать не нужно.

Удалось достать пол-литра водки. Выпили вшестером после отбоя, лежа в койках. Выпили за тех, кто ждет и любит. Настроение было паршивое. Еще бы! Тебя ведь нет.



Нехорошая ты девчонка! Нельзя же так. Плачешь и плачешь, плакса-вакса ты.

Если бы я был рядом с тобой, я бы губами осушил твои глаза, но я далеко, оттого ты и плачешь. Сонечка, дорогая моя Соня-союшка! Я тебя прошу, не надо плакать. Я очень хорошо понимаю тебя, потому что и мне очень тоскливо. И хоть времени свободного мало, хоть заняты целый день, ничто не может отвлечь меня от мыслей о тебе. У нас подъем в 6 часов, я же просыпаюсь в половине пятого, в пять. И всё ты, ты, в голове, в сердце. Всё время обдумываю, как бы тебя сюда перетащить.

Три года — это очень много, Сонечка. Но эту необходимость нужно пережить. Как это тяжело, милая моя! Три года!

Как хорошо было бы, если бы я был сейчас там, с тобой. Я бы присел возле тебя на койке, дал бы тебе чаю и смотрел бы, как движутся твои губы, как при каждом их прикосновении к стакану брови твои так хорошо хмурятся от напряжения. Ты бы выпила, отдала мне стакан с блюдцем и откинулась бы на подушку. А я взял бы твою руку в свою и гладил бы, гладил, а потом целовал. Ты бы скоро выздоровела, правда? Но ты и так выздоровеешь. А, Софеей? Хорошая моя, я люблю тебя, ты должна быть здоровой. Для себя, для меня, для нас обоих.

То, что ты есть, что ты моя жена, поддерживает меня, благодарит. И я стараюсь, чтобы тебе никогда не пришлось краснеть за меня.

Я тебе уже писал, что Денис Фомичёв — командир отделения. Но я ему не завидую. Он добился этого тем, что с самого начала проявлял себя ярким поборником дисциплины, причем, как правило, при начальстве. Ребята, считая, что мы — закадычные друзья, удивлялись, почему мы такие разные.

Я не прошел лётную комиссию и буду мотористом. Так что мы с ним в разных ротах, в разных городках, у разных командиров. Помкомвзвода у меня теперь новый. Хороший парень. Я у него в авторитете. Сегодня он по моей просьбе отпустил нас троих в город, на почту. Старый мой помкомвзвода меня сегодня сфотографировал. Когда будет готова фотокарточка (и если она будет более или менее приличной), я вышлю.

Соник, ты меня не обижай. Зачем ты говоришь, что я на твои фотографии и не гляжу? Неправда, хорошая моя. И сам гляжу, и вся рота их уже видела, всем хвастаюсь своей женой. Эх, ты...

А что касается девушек, то я успел и познакомиться, и влюбиться. Сразу в десятерых. Нет, в двадцать сразу влюбился. И все такие красивые, что глаза разбежались. А когда зрение восстановилось, двадцать превратились в одну, очень, очень красивую. А под ее фотографией по овалу было написано: «Шамис С.» Хорошая девушка, правда? Вот.

Соник, знаешь что? Мы в Моздоке живем по московскому времени. Я не знаю, как в Ухте, но в 12 часов по Москве 3 января, что бы мы ни делали и где бы мы ни были, давай замолчим, остановимся и скажем: «Поздравляю тебя с годом». Даже не «с годом», а «с Годом». давай? Ровно в 12.00, как будто хором. Я услышу тебя, милая моя.

То, что ты не работаешь, пусть тебя не волнует. Живи спокойно, не стеснясь. Ведь это же свои, до корней волос свои люди. Ты же знаешь: если придется кому-нибудь из ухтинцев обратиться к нам за помощью, мы сделаем всё, чтобы помочь. Это самое главное. С осознанием этого можно не отчаиваться.

Уже в четвертый раз сажусь за письмо. Один раз прервали — нужно было мыть полы. Второй раз прервали — договаривались о сборе денег на радиолу. Третий раз — нужно было идти на обед.

А сейчас будет построение в кино. Вчера смотрели «Гуттаперчевый мальчик» по Григоровичу, а что будет сегодня — неизвестно.

Сонька, не плачь, ладно? А то... Чем тебе пригрозить?



Каждый день нашего почтальона окружает толпа ожидающих, и я среди них. Сегодня, как назло, твое письмо

лежало самым последним, и я был сам не свой, потому что почта была большая. А я знал, что мне есть письмо. Это мне сообщает наш самый главный почтальон, получающий почту на всю часть. И вот, наконец, письмо в моих руках. Знакомый, родной почерк и закапанные твоими слезами строчки.

Сонечка, родная моя, у тебя температура еще держится, значит, волноваться тебе нельзя. Зачем же ты распускаешь себя? Температура же подозрительная. Не проверить ли тебе легкие?

О себе что писать? Сейчас я с огромным удовольствием делаю по утрам физзарядку, а неделей раньше она для меня была простой необходимостью. Приятно, когда все мускулы работают, суставы трещат... Становлюсь бодрее.

Вообще же вся служба мне кажется хорошо организованной игрой. Среди ребят есть такие дети, и они с таким удовольствием надевают красную повязку дежурного, с таким рвением и благоговением отправляют все необходимые здесь церемонии, что порой просто смешно. Выгляжу неплохо, чуть-чуть только похудел.

Сонечка, сегодня ночью ты мне тоже снилась, но в чем, я не помню. Знаю только, что ты очень хорошо заправила койку, просто исключительно хорошо, на зависть. И ты не думай, что это легко. Это целое искусство — правильно и красиво заправить койку.

Софья, ученица! Ты же кричала, что тебя ничто не заставит сесть за парту. А сейчас что же? Выходит, хорошо, что Сеньку в армию забрали? Возражаю ли я? Конечно, нет, но при условии, что это не будет влиять на твое здоровье, во-первых, и что тебя не будет интересовать никто из твоих соучеников, во-вторых, ясно?

Ты считаешь, что мне некогда думать о тебе? Ведь когда я марширую на строевой подготовке, голова не марширует. Или вот сейчас, например, я в суточном наряде. Стою на проходной. Проходная называется контрольно-пропускным пунктом (КПП). Здесь я стою уже второй раз. Только сегодня пока спокойно. А в тот, в первый раз, случилось небольшое происшествие.

Тогда тоже был снег, мороз, и мы стояли в валенках. А сапоги мои были в казарме. Все наши ушли на концерт, даже дневальные. И вот как раз в это время к проходной подходят трое старослужащих и просят меня пропустить их к больному товарищу в лазарет. Я их пропустил, предупредив, чтоб они поскорее вернулись, пока нет начальства. А они пошли не в лазарет, а прямо в нашу казарму. Там они взяли мои сапоги, мой бритвенный станок, еще штук пять станков у ребят, сапожные щетки и другую мелочь. Потом направились в другую казарму, но наткнулись на дежурного по части офицера и пустились бежать, оставив все украденное под лестницей.

Один из них сразу прыгнул через забор, двое же побежали к КПП. Офицер с пистолетом в руке бежит за ними, кричит: «Часовой, не пускать!» Я, со штыком за поясом, мужественно встал на проходе и, конечно, не пропустил. Офицер повел их в штаб, один по дороге сбежал, но третьего арестовали.

Вот так с моей помощью в часть проникли три вора и с моей же помощью один из них был задержан. И что поразительно, этот третий служит уже пятый год (два года он служил в дисциплинарном батальоне, а за что, бог его знает), и все равно — ворует.

А сегодня тихо, скучно, холодно. Только что сменился.

Сонечка, прости меня, но больше писать я не могу, потому что глаза слипаются, а в 4 часа мне заступать на пост.



Сегодня получил от тебя самое короткое письмо. Но несмотря на то, что краткость все равно остается краткостью, я доволен. Чувствуется, что ты занята, озабочена, тебе уже легче переносить нашу разлуку. Правда? Или нет? Ну, как бы там ни было, поздравляю тебя с началом учебы и желаю тебе “пятерок”. И не волнуйся, что трудно. Мы многое забыли, и забыли прочно. Приходится учиться заново. Ничего, все будет в норме.

Здесь ходят настойчивые слухи, что после двух лет можно сдать экзамен на младшего лейтенанта и уйти домой. Пока это слухи, а насколько это верно, постараемся узнать на днях. Если это правда, мне тоже придется дополнительно заниматься.

Сегодня нам прививали оспу и делали укол против тифа, что ли. (Это уже было вчера, потому что мне не удалось закончить письмо в тот же день. Хотел закончить после отбоя, командир роты увидел и приказал ложиться.) Денис от укула заболел, сегодня видел его в санчасти. А я пока живой.

Что же касается Лиды, то ей трудно устроиться, потому что некуда устраиваться. Она написала Денису, чтобы он выслал ей справку о том, что он служит, она попытается устроиться на работу через военкомат.

Зима у нас кавказская. Утром, вечером и ночью — мороз, схватывающий всё. Днем же — теплее, с крыш капает, на мостовой — грязь.

Сейчас идут политзанятия — в ленкомнате. А я, подальше от глаз лейтенанта, пишу.

Целую, Соник! Ты не возражаешь? Плакать не будешь? Или будешь? Будешь, я знаю! Ничего, встретимся.



Сонечка, милая, пишу в спешке, потому что скоро отбой. Сегодня меня выбрали редактором «Боевого листка». А на завтра, в связи с занятиями сержантов и командиров отделений, я временно назначен помкомвзвода и буду командовать проведением уборки.

Денис сегодня получил посылку и дал нашему “генералу” — хлопцу, который ехал с нами из Чирчика, — два куска сала. Поужинали хорошо.

Уезжает отсюда группа ребят. Среди них один хороший парень — Володя Пономарев. Жаль. Уедут в два ночи, надо будет встать и проводить хоть до ворот.

У нас сегодня после общего собрания было комсомольское. Выбирали комсорга. Разгорелась такая борьба, что ты! Я подружился с одним парнишкой из Ростова — Игорем Орешко. Нормальный парень, работал на авиазаводе, в КБ. Я его выдвигал в комсорги, он не прошел. Жаль. Выбрали нашего “генерала” — Толика Васильева. Он парень хороший, но не для комсорга.

Вот так начинаются деловые будни службы. Сегодня уже...

Что хотел писать, забыл. Закончить письмо не удалось. Продолжаю только на следующий день, после обеда и кино. Смотрели «Подвиг разведчика». Если ты помнишь, картина начинается и кончается сценой приезда Алексея домой. Его жена, обняв его, склонила голову ему на плечо, а в глазах стоят слезы радости. Мне стало грустно.

Ребят я проводил. Ночью, в два часа, в нижнем белье, сапогах и бушлате я стоял и смотрел, как они грузились в полуторку «справа по одному». Поехали в сторону Минска, в хороший город. Кем будут — неизвестно.

Я провожал один, больше никто не встал. Ребятам было приятно. Володька Пономарев и еще один, Славка Калинин (жена которого вышла замуж), просили меня переслать их письма по новому адресу.

Сегодня на утреннем осмотре произвели выборы совета ленинской комнаты. Я — председатель совета. В общем, решило начальство толкнуть меня по культурной линии.

Ну вот, Сонечка, и все новости. Да, сегодня принесли вторичное извещение — перевод на 100 руб. из Одессы. Первичного я не получал. От кого — неизвестно. Засыпают меня деньгами. А это не нужно. В солдатское питание мы уже втянулись, дополнительной еды не требуется, на крем и зубную пасту, наверное, хватит и 30 руб. А когда будем ходить в увольнение, то мне ведь на девушек тратиться не надо, так ведь? Соня-Софья! Чего ты не тут? Соник, интересно, как дошел наш багаж до Одессы, бутылки не разбились? И довезла ли ты вино нашего производства в Ухту? А если довезла, то какое оно произвело впечатление — раз, и закопала ли ты бутылочку до моего приезда — два.

У нас прескверная погода. Весь день шел мокрый снег, тут же таял. С утра была гололедица, а сейчас... сапоги заляпаны полностью, и нам работа — чистить их. Мыть водой — значит, с трудом снимать и надевать их, а замазывать грязь кремом — крема жалко. Вот и выкручивайся!

Соник, я писал тебе, что первые полы мыл собственными гражданскими брюками? Это не у каждого случается.



31 декабря в 23:30

МОЕЙ ЖЕНЕ

В новогодний вечер я с тобою рядом.

Думами и сердцем, телом и душой,

Каждой своей мыслью,

КАЖДЫМ СВОИМ ВЗГЛЯДОМ,

КАЖДЫМ СВОИМ СЛОВОМ

я с тобой, с тобой.

[СОНЯ, Ухта]

Сколько хочется тебе сказать хороших, ласковых слов!

А у меня на бумаге никогда не получается.

Откровенно говоря, я на тебя обиделась. Думала, когда приеду в Ухту, меня будет ждать письмо, но нет.

Дорогой, напишу тебе все по порядку.

Мы с Лидой ехали с одним капитаном, и потом еще сел молодой лейтенант. Компания веселая была.

Но ночью я плакала (сразу начала скучать по тебе).

В поезде я заболела: был сильный насморк и температура 37,8. У меня была работа — стирать платки и сушить на лбу (я простудилась на машине 11 ноября).

В Аральске чуть не отстала от поезда, еле догнала.

В общем, уйма происшествий.

Дядя Роберт меня встретил, а вечером провожали его, уезжал в Тбилиси. Они с тетей Феней очень переволновались, не знали, что у нас случилось.

Я приехала 15-го вечером, а 18-го приехали в Москву мама с дядей Рувой. Они когда узнали, что я в Москве

задержусь, взяли отпуск и приехали, чтобы забрать меня домой. Мама говорила, что мне дома будет лучше, что устроят меня на работу. Она стала меня соблазнять поездкой в Ленинград (они после Москвы туда уехали). Мне, конечно, хотелось поехать, но я подумала, что когда ты вернешься из армии и у нас будут деньги, мы сами поедem, правда?

Мама еще сказала, что на Севере климат для меня вредный (так сказала Ревекка Аркадиевна), но я все-таки решила ехать к Элле. Тетя Феня была за то, чтобы я ехала, она говорит, что мы рассудили правильно. Правда, если бы была возможность прописать меня в Москве, она бы меня прописала, и я бы жила у них. В Москве бы я, конечно, осталась. Дядя Рува говорит: «Пусть, пусть поедет туда, домой быстро вернется», но я решила все-таки домой не уезжать.

В Москве купила себе валенки, мама купила юбку теплую немецкую и рейтузы шерстяные, также дала свой теплый платок и еще 150 руб. денег. Тетя Феня подарила шерстяные носки и шесть салфеток нам к столу, китайских, очень симпатичные.

От Москвы до Ухты двое суток скорым, так что я брала плацкарту (мне обошлось дешево).

Была еще в театре Станиславского и Немировича-Данченко. Слушала оперу «Война и мир». Попала на премьеру. Очень понравилась. Чудесные силы, все на своих местах. Декорация изумительная.

Немножко бегала по магазинам. Но так как была после болезни, то быстро уставала.

Когда никого дома не было, я очень часто разговаривала с тобой вслух. И плакала. Очень часто, особенно по ночам.

Приехала в Ухту, встретил меня Мара. Райке привезла красивую немецкую куклу, она закрывает глаза и плачет. Сереже привезла лыжный костюмчик. Элле подарила полотенце, а Маре фонарик и носки.

Чеснок весь померз, и мы его выкинули. Гранаты привезла. Конечно, портились, но я угостила этими подпорченными т. Феню, д. Руву и маму. Купила в Москве детям также мандарины, хурму, конфеты.

Теперь о моей жизни в Ухте. Приехала — у Эллы одна маленькая комнатка, четыре человека, я пятая. Кухня, коридор, уборная, ванная — общие (живут с соседкой).

У них оказалась раскладушка, матрац. Простыня, подушка, одеяло — мои. Конечно, одним одеялом укрываться — холодно, Элла накрывает меня Раечкиным старым ватным одеялом, а также двумя покрывалами. Не замерзаю, только тебя со мной нет, и тебя одного мне и не хватает.

Когда я приехала, у меня была температура, и Марк заставил меня целый день лежать в постели. Я вылежала. 29-го Элла купила мне зимнее пальто. У меня 600 руб. было, а оно стоит 728. Приличное пальто.

Кушаю я хорошо. Раньше ела хуже, и Мара сделал скидку на то, что я беременна. Сейчас заставил кушать всё. Питаются они хорошо, на питание не жалеют.

Недавно прописалась, и пошли с Эллой к врачу. У меня признали беременность полтора месяца. Мне дали направление в гинекологическое отделение. И 6 декабря мне сделали. И не стало у нас больше сына.

Сенечка! Хороший мой, милый, родной, прости, пожалуйста, меня. Но мне было очень тяжело без тебя, и еще ребенок страшно мучил. Два раза были припадки. Стала очень худая и страшная. Но ничего, теперь мне будет легче. Я сегодня пришла из больницы. Надо еще лежать 3-4 дня. Делал мне очень хороший врач, уговаривал не делать, говорил, будет тяжело и больно, но я со слезами на глазах решилась на аборт. Он меня пожалел и делал под общим наркозом. Представляешь, как мне повезло? Ведь я никакой боли не чувствовала. Прописал мне пенициллин четыре раза в день. Была сначала температура, потом упала, и меня выписали. Чувствую себя хорошо, только, конечно, еще слабая. Когда вчера Элла принесла письмо, я так ревела, что все перепугались.

Милый, пожалуйста, не сердись и не огорчайся. Ты приедешь после армии, у нас будет сын, обязательно, правда? Пиши мне, пожалуйста, письма чаще и теплее. Я все время плачу и думаю, что ты меня уже так не любишь и можешь изменить мне. Успокой меня и напиши, что ты клятву, данную мне, сдержишь.

На работу еще не устроилась. Устроиться трудно, но Элла и Мара постараются.



О, если бы ты только знал, как я по тебе соскучилась! Прошел только один месяц и три дня, но мне кажется, что прошла вечность. Три года... Я как подумаю, мне становится страшно.

Мой дорогой Сенечка! Я думала, что смогу без тебя жить, нет. Я сейчас сама не своя. Я без тебя жить не могу. Если ты меня разлюбишь, не знаю, что со мной будет.

9-го послала тебе письмо, писала, что чувствую себя хорошо, но, наверное, накаркала, потому что 10-го у меня температура с утра была 38,6. Между прочим, из-за тебя. Сейчас объясню.

Я скучаю, все время говорю о тебе, жду писем твоих, но ты, к сожалению, на письма скуп. Утром проснулась одна (Элла повела детей в садик) и стала думать о тебе (усыпаю и просыпаюсь с мыслью о тебе, мой далекий, любимый муж), вспоминала до того, что стала реветь (мне так тоскливо, как будто я осиротела). Стала звать тебя, говорить с тобой (вслух, конечно). Пришла Элла и стала меня успокаивать, но где уж! Тут стало меня знобить, холодно очень стало, а голова и тело горячие. Элла дала полотенце, чтобы я вытерла слезы и больше не плакала. Но слезы сами лились, и остановить не было сил. Голова моя разламывалась, а я пересохшими губами шептала твое имя. Элла возле меня сидела, гладила по голове, целовала меня, но это же не ты, рыбонька.

Целый день температура не падала, но к вечеру стала 37,8, все-таки легче. Как мне бы хотелось, чтобы ты подошел ко мне, сел рядом, гладил, целовал меня, а я бы потом смотрела в твои чудесные глаза. Но это только мечты.

Вообще по твоим письмам я не чувствую, чтобы ты соскучился по мне. Ну да, у тебя ведь занятия, служба, хоть и неприятное занятие, но все же занимает много времени. Тебе некогда обо мне думать. Но я пока надеюсь, что ты еще не успел познакомиться с девушками и влюбиться в них.

А меня, между прочим, это очень волнует. Раньше я не была ревнива, а сейчас только думаю о том, чтобы ты там не влюбился. Но если такое случится, напиши, я препятствовать не буду. Меня же, будь спокоен, никто не интересуется. Мне кроме тебя никто не нужен, слышишь? Никто.

Сенечка, в сердце у меня столько нежности, тепла, столько хороших, ласковых слов, но высказать смогу только устно. На бумаге не выходит.

Дорогой муж, не повезло нам встретить годовщину вместе, нашу первую годовщину. Ты думай обо мне ночью 3-го или 2-го января, а я ложусь спать всегда с мыслью о тебе. Так что даже через расстояние мы будем чувствовать близость.

Знаешь, мне еще тяжело и потому, что до сих пор не могу устроиться на работу. Ты себе не представляешь, как тяжело жить на чужой счет. Ведь я питаюсь у Эллы, а денег у меня совсем нет. В кино хожу за ее счет.

В больницу носила мне, за аборт уплатила. Ну конечно, меня такое положение гнетет, ты понимаешь. Не дай бог, если бы Элла или Мара увидели то, что я пишу, они, наверно, очень бы обиделись. Но ничего, думаю, устроюсь на работу — сразу расплачусь, правда?

Получили твое письмо, но извини их, сразу не смогут ответить. Марк еще в командировке. Элла совсем завертелась. У нее ведь с 1 января сессия начинается, и она уезжает в Сыктывкар.

Дети хорошие, но я сразу почему-то полюбила Райку. Элла говорит, что Сережа точно такой, каким в детстве был ты. Райка очень боевая. Я им все обещаю — будете послушными, дядя Сеня приедет в гости, а иначе не приедет.

Любимый, дорогой! Постарайся вести себя хорошо, не заедайся, окончишь хорошо школу, тебя пустят в отпуск. Это для меня было бы счастьем. Жду тебя в сентябре. Уже начала считать месяцы. Ты представляешь, как хочу я тебя видеть!

Уже поздно, час ночи, а завтра вставать в 6 часов утра (завтра выборы, а в буфете будут яблоки, и поэтому мы пойдем так рано). Мало мне спать осталось, глаза прямо слипаются.

Ты на меня не сердись, милый? У нас еще будет сын, правда? Пиши чаще.

Спокойной ночи, приятного сна, без побудок.



Сегодня получила от тебя письмо, ты себе не можешь представить, как я рада. Во-первых, Элла надо мной

смеется, потому что каждый день бегаю смотреть, есть ли почта. А сегодня я как чувствовала. Сидела и ждала. Несколько раз смотрела, но почты всё не было. Потом Элла посмотрела и принесла письмо. Я так была довольна, что смеялась и плакала.

Милый! Я только о тебе и говорю. Элле уже надоело слушать, но я всё равно думаю и говорю только о тебе. Сейчас пишу письмо, а передо мной твоя фотография. Я люблюсь тобой. Ты такой интересный, юный, благородный. Я себе не представляю, как я буду ждать три года. Я, наверное, с ума сойду без тебя. Без тебя для меня жизнь совсем не интересна. Вот пишу и уже реву — дура? Нет, я очень люблю и с тоски умираю. Ничего не писала о том, что делаю. Ничего не делаю. Всё время лежала, а когда встала, то хожу с Эллой в кино, на концерте была, и всё. Помогаю немножко по хозяйству — Элла не разрешает переутомляться. У меня есть к тебе просьба — если сможешь, сфотографируйся и пошли фотокарточку. Я хочу видеть, какой ты сейчас, как выглядишь.

Получила твое письмо и несколько раз прочитала, чуть-чуть успокоилась. Но потом, когда к Элле пришла ученица, я, чтобы им не мешать, легла отдохнуть. Думала о тебе, уснула. Снится мне, будто я лежу снова в какой-то больнице. Ты пришел меня навестить. Будто бы в морской форме. Я так отчетливо видела гюйс и бескозырку! Я тебя целовала, но ты был со мной совсем мало, и когда ты ушел, я очень плакала.

Мне снилось также, что после твоего ухода мне сделалось плохо. Меня взяли на операцию и как будто снова под общим наркозом, но запах наркоза был гораздо приятнее. Я проснулась и просто перепугалась, думала, что мне снова что-то сделали. Я же тогда проснулась, как после сна, и мне казалось, что ничего не было, но больничный коридор, врач, проверяющий пульс, сестра, сидящая на моей кровати, лед на животе и страшные боли в нем напомнили мне о действительности. А также противный запах, которым я дышала (я ведь уже под маской кричала и задыхалась, думала, что конец, но потом какая-то слабость мной овладела, и я уснула с мыслью, что я люблю тебя и что хороший врач). Я всё, негодная девчонка, возвращаюсь к больному вопросу.

Сенчик, ласточка моя! Обещаю тебе никогда больше не делать аборт, если ты будешь меня любить и беречь, ясно?

Элла еще в школе, она читает в вечерней школе физику в 7-х классах. Дети спят, я им сегодня показывала кино. Когда-нибудь у нас будет своя семья, свой дом. Я как будто немного умею воспитывать детей. (Между прочим, привезла в Ухту «Приключения Чиполлино». Сереже подарок очень понравился, и когда они хорошо себя ведут, я им читаю.)

Пока Мара в командировке, я сплю с Эллой. Вчера она подложила мне руку под голову, как ты, я прижалась к ее груди, и долго мы болтали, до трех часов ночи. Я всё думала и говорила о тебе, а когда я отвернулась,

Элла положила руку мне, как ты кладешь, мне было очень приятно, мне чудилось, что это ты со мной спишь. Представляешь?

Пиши мне чаще, видишь, я отвечаю очень хорошо, даже не жду твоих писем, пишу сама. Пиши хоть несколько слов о себе, и для меня будет достаточно.

Не знаю, что со мной, но сегодня, то есть сейчас, 37,2. Ну что ты на это скажешь? Я уж начинаю волноваться. Но кушаю я хорошо, аппетит хороший. На улицу выхожу тепло одетой. Может, всё обойдется.

Ну, до свидания, о, если бы было до скорого!

Кажется, Элла идет. Конечно, я слышу.

О, Элла принесла новость, и я спешу скорей тебе сообщить. С завтрашнего дня начинаю учиться в вечерней школе в 8-м классе. Если буду учиться хорошо, то к твоему окончательному приезду я к диплому получу еще и аттестат зрелости.

Надеюсь, ты не возражаешь? Учеба, работа будут отнимать все время, так что мне будет легче. Ведь ты там тоже очень занят и можешь вспомнить обо мне только когда ложишься спать, и то если не устанешь. А иногда ты вообще, наверное, обо мне забываешь. А я каждую секунду, минуту только и думаю о тебе, о другом не думаю. Я даже редко вспоминаю Одессу, Лялю и других.

P. S. Мы встали в 6 утра, пошли проголосовали, но яблок не было, нас надурили. Так что мы пришли и с горя легли снова спать.



Спасибо тебе за то, что часто пишешь. Ты себе не можешь представить, как я довольна.

Сеня, вчера — первый день в школе. Ты знаешь, я всё забыла, абсолютно. Сажу, как баран. Контрольную по химии не решила. Мне так стыдно, хоть и никто не знает, что я кончала техникум, да к тому же — химик. Правда, я решила к концу урока, только на черновике, а сдать не успела. Но меня пока аттестовать не будут.

Еще одна пренеприятная новость. Должна буду учить немецкий. Я же все время учила английский, а теперь начинать немецкий слишком поздно. Но придется.

В четверг сочинение по русской литературе — «Горе от ума». В общем, я попала в горячую пору контрольных. Ведь кончается вторая четверть.

Ты пишешь, что Лиде трудно устроиться, — безусловно, потому что она беременна. Если бы у нее было мало, можно было бы не заметить. А сейчас у нее около шести месяцев, так что уже видно. Ведь никому не интересно — брать на работу, а через месяц или два отпускать в декрет.

У вас там тепло, а у нас бывает очень холодно. Но сегодня минус 13, так что считаем — тепло. При мне уже было минус 38.

Сенечка, когда тебе будет уже известно, кем ты будешь? Меня, конечно, очень интересует, кем.

Пора кончать, потому что нужно готовиться к сочинению. Теперь я человек занятый.

январь'58

[СЕНЯ]

Писем от тебя всё нет и нет. Здорова ли ты? Всё ли у тебя в порядке с Эллой и Марком? Сонечка, не молчи.

А сейчас должен сообщить, что некоторое время нужно с письмами подождать. Пока не пиши. Похоже, нас переводят. На меня уже заведена карточка взысканий и поощрений. В графе поощрений записаны три благодарности, а в графе взысканий написано: взысканий нет. Ожидаются фрукты и хороший климат.

До свидания, Софья! Жди письма. И приказываю писать каждый день. Когда отошлешь — не важно.



Сонечка, родная моя, уезжаем. Уезжаем под Смоленск. У всех чемоданное настроение, с сержантами и офицерами обращаемся запросто — ведь больше не встретимся. Сейчас сидим в канцелярии роты, которая давно стала нашим кабинетом, курилкой и комнатой отдыха, даже спальней. Нас здесь трое — Игорь, о котором я тебе писал, Витька Александров из Ташкента и я. Оба они — художники, а я... я не художник, но председатель совета ленкомнаты, "по долгу службы" вдохновляющий их на "подвиги". С нашим лейтенантом жили очень хорошо. Всех троих освободил от нарядов, относился очень нормально. Сейчас мои друзья трудятся над портретами его и его жены — на память. А я написал ему от всех троих прощальное стихотворение.

Как будет на новом месте — неизвестно. Лейтенант сделал всё, что смог, чтобы мы были вместе и чтобы служба

была полегче: нам троим, единственным, написал благодарность за работу в ленкомнате. Убеждает, что как только карточки взысканий и поощрений попадут к командиру (любому), нас сразу же кинут на ленкомнату. А это — 70% успеха в службе.

Сегодня получил от тебя письмо, доволен очень, снова гора с плеч, но злой, злой, злой, почему не писала.

С Денисом мы расстаемся. Я доволен. Он себя так поставил, что ребята его не уважают нисколько, даже начинают ненавидеть. Сегодня он от имени роты (без ее разрешения) подарил зверю-комроты купленный ребятами приемник. Представь, какую реакцию это вызвало. А мне на него жалуются.

Лида, оказывается, получила из Министерства назначение и поехала в Молотов на работу. Кем, с какой зарплатой — неизвестно.

Но это всё, всё чепуха. Сонечка, главное — будь здорова. Наверное, простудилась из-за легкомысленного отношения к себе, правда ведь? Но это же нельзя, Софья, нельзя ведь, пойми. Как же так? Температура 40. Шутка ли? Никуда, никуда не годится. Береги себя, женушка моя маленькая. Слышишь? Я вот сижу и думаю, а вдруг ты и сейчас больна? А написала только потому, что пришла телеграмма?

Бедная Софья! Как я хотел бы взять сейчас в руки твои натруженные ладошки и погладить их нежно-нежно, а потом поцеловать. Работница моя! Тебе тяжело, я знаю. С задвижками, слава богу, знаком. А что дальше, ожидается изменение в лучшую сторону? Или нет? И — как успехи в школе? Ведь это трудно — устывать на работе, а после работы еще и заниматься. Я знаю.

Вот кончаю письмо. Разучился я писать письма, и всё. Столько хочется сказать, а на бумагу не ложится. Вчера смотрели «Неоконченную повесть». Такое было настроение, восторженное и вместе — грустное: тебя не было рядом. Вспомнилось, как мы выходили с тобой из кино. Идем, молчим, я веду тебя под руку и жадно папироску курю. А сейчас что? Папироска есть, но тебя, тебя-то нет. Тяжело, Соник.

[СЕНЯ, Смоленск, Красный Бор]

В ночь с 18-го на 19-е мы уехали из Моздока. С Игорем должны были ехать врозь, в разных группах. Очень волновались, старались сделать так, чтобы поехать вместе. Ведь в армии всё может быть — не успели до места доехать, как приказ — ему туда, а мне сюда. Но этот вопрос неожиданно решила случайность. Когда составлялась ведомость вещевого довольствия, наш “коллектив” был, как всегда, в канцелярии роты. Вот так, втроем, мы выскочили, записались подряд. А группы распределяли по списку ведомости. Так что ехали вместе.

Среди наших ребят много ростовских, а ехать — через Ростов. И... нас повезли так, чтобы в Ростове пересадки не делать. Там поезд стоял всего 20 минут, но мы с Игорем успели заранее дать две телеграммы, и Игоря встретили мать, отец и друзья. Я был очень рад за него, за других ребят, которых встречали родные, и в то же время было очень, очень грустно. Когда ты меня будешь встречать?

Дальше ехали через Харьков (на вокзале выскочили, купили две баночки консервов). А после Харькова, Сонечка, ты мне приснилась, приснилась так близко, что я ощущал неведомое до сих пор наслаждение, а после, когда

проснулся, мне было жутко тяжело. В этом сне как будто слились воедино все пережитые за это время минуты, когда мне особенно остро не хватало тебя, вся тяжесть моего одиночества, морального и физического. Я заснул, обрел тебя и был счастлив, счастлив... Как же я был ошеломлен, когда проснулся и понял, что это был лишь сон, такой хороший, но — сон. Я как будто обмяк весь. А Игорь (он не оставляет меня в такие минуты) мог помочь только папироской. Люблю, люблю и люблю. Что можно еще сказать? Ничего. И не надо ничего говорить. Правда?

Ну вот и Смоленск. 17 км от центра города — Красный Бор. Приехали на своеобразный армейский пересыльный пункт, откуда нас разошлют в неизвестных направлениях. Школу нашу разогнали в связи с сокращением. Но нас, сама понимаешь, сократить не могут. А пока — разрушились наши радужные надежды на легкую службу, мы расстались с доброжелательным лейтенантом, и к какому командиру попадем, бог его знает.

Через два-три дня все наши должны съехаться. Тогда начнут прибывать и “покупатели”. Пока боимся, что нас с Игорем могут разлучить. А это будет невесело. У нас такая общность взглядов на многое, общность в оценке людей и в отношении к ним, что нам просто трудно друг без друга в этой очень необычной для гражданского человека армейской обстановке. Но ничего, прорвемся.

Попасть отсюда можем в Бобруйск, под Гомель, остаться здесь, вернуться в Моздок. Это мы знаем. Есть, наверное, и еще места.

Ну, заканчиваю, Сонечка. Ответить на это письмо ты, наверное, можешь — мы здесь недельки полторы пробуем. Обо всех новостях я буду писать, но ты уже не отвечай. Жди нового адреса. Напиши подробно, как ты себя

чувствуешь после болезни и после работы. Я вот жду ребят, они должны привезти из Моздока письма, если есть.



Пишу тебе из того самого древнего Смоленска, куда нас забросила нечуткая армейская судьба.

Что нового? Говорят, что пошлют в школы, а вот в какие — не хотят говорить. Вчера двое уже уехали в школу химинструкторов, под Москву. Сегодня нам должны сказать, попали ли мы с Игорем в одну команду. Потом попробуем узнать, куда едем. Пока работаем. Вот вчера надо было вырыть яму глубиной 1 м 70 см, почти в мой рост. Мы с Игорем молодцы, вырыли до обеда, еще и перекурили часа полтора. А после обеда печки топили. В клубе. Позавчера были в Смоленске. Ездили за кирпичом на кирпичный завод. Зима здесь обычная, русская. Морозы пока небольшие, но есть. Ветры есть. А снегу — хоть отбавляй. По дороге в город видели домики прямо в сосновом бору, под деревьями. Дорога, как просека. Идиллия. Ехали, я Игорю говорю: хорошо, мол, нам с Соней в таком домике жить. Да.

Съехались уже все. С последней партией приехал один хлопец, привез Игорю посылку, а всем троим — привет от лейтенанта и просьбу написать, как устроились. Вот от какого лейтенанта мы уехали. Ну ничего. Нет худа без добра, никто от службы не умирал, и мы не помрем. Правда, Соник? О себе всё.

Не знаю, успею ли я получить твое письмо. Если нет, мне, наверное, перешлют. А на это ты не отвечай. Получил от твоей Ляли письмо (ребята привезли из Моздока). Она сейчас сдает экзамены, времени мало. Пишет, что на фотографии я такой, как в жизни.



Сонечка, милая, только что получили бандеролью из Моздока письма. Среди них — письмо от тебя за 14-е число. Целых 12 дней шло оно ко мне. Представляешь? А что касается твоего беспокойства в отношении легких, то здесь надо, обязательно надо провериться. Ведь от проверки хуже не бывает, правда, Софья? Делай, как я прошу. Ладно? Сонечка, я очень хочу, чтобы ты не болела, понимаешь? А ты всё болеешь, вот до сих пор кашляешь.

С “пятеркой” по геометрии поздравляю. Ну и — успехов в учебе. Не вешать голову, не пищать, но и о здоровье не забывать. Уговор?

Только что стало известно, что едем в Минск. Или под Минск. В какую школу — не говорят. Снова далеко от тебя. Плохо. Через пару дней нас уже здесь не будет.

Итак, турне по Союзу: Одесса — Киев — Тернополь — Львов — Одесса — Москва — Чирчик — Красноводск — Баку — Моздок — Смоленск — Минск. Солидно, правда? А вот на Севере я не побывал. Обогнала. Зато ты не была на Кавказе, вот. Ага? А на Север я еще приеду. Обязательно. Я вот смеюсь, а мне трудно без тебя.

Ладно. Закончу. Жди письма из Минска.

Только что смотрели картину «Это начиналось так». Я смотрел и нас с тобой вспоминал. Собственно, это при каждой картине, где есть влюбленные или молодожены. Так что сама понимаешь, сколько картин вызывает у меня веселое настроение.

Ну, будь здорова. Целую тебя крепко-крепко в натруженные ладошки. Сеня.

Прости, Соник, но я не смог отправить письмо сразу — попал в кухонный наряд. Конверты в каптерке, и взять их я не мог — почти сутки не был в казарме. Сейчас мы с Игорем вернулись из наряда и узнали жуткую для нас обоих весть — нас разлучают. Я должен ехать в Минск, Игорь — в Полоцк. И всё потому, что еще там, на Кавказе, ему не смогли найти по росту шинель. Сейчас уже поздно что-то менять, но завтра мы сделаем еще одну, последнюю попытку. Если она закончится успехом, мы вместе едем в Полоцк. Но на это очень мало надежд. Нас как обухом по голове ударили. Ходим, как убитые. Вот мои самые последние новости.

[СЕНЯ, Минск, Уручье]

Вчера приехали в часть. Попали из князей да в грязи. Сегодня мы сменили наши голубые погоны на погоны малинового цвета и стали курсантами пехотной полковой школы, “краснопогонниками”. От Минска 7 км. Не много, но нас это не радует, так как в Минск увольнений давать не будут.

Отсюда выйдем мы месяцев через девять, младшими сержантами. А потом поедem снова в Смоленск, откуда нас распределят по воинским частям. Так что снова будем в авиации, только в сугубо наземном качестве. Вот как. Здесь прижимают, но ничего. Не пропаду. Все из наших, кто сюда приехал, попали в один взвод.

С Игорем мы расстались, ничего не помогло. Распрощались морозной смоленской ночью у грузовой машины, расцеловались. Аж в сердце защемило. Тебя нет, и мое духовное одиночество скрашивала дружба с ним. Теперь нет и его. Долго он бежал за машиной

вслед, махал рукой. И всё. Снова я один, один. Когда мы с тобой увидимся?

Сейчас надо строиться на вечернюю поверку.

Ну, будь здорова. Пиши обо всем подробно.

[СОНЯ]

Сегодня получила твою телеграмму. Ты волнуешься, ничего ли со мной не случилось? Случилось. Во-первых, 1 января заболела, а 2-го — была температура 40, вызывали врача и “скорую помощь”. Очень простудилась, до сих пор кашляю.

Устроил меня Мара на работу на ТЭЦ в химцех в качестве дежурной лаборантки (учусь еще, конечно), оклад 800 руб. Должна была выйти на работу 2-го, но не вышла из-за болезни. Начала работать с 7-го числа. Единственный недостаток: работа сменная (три смены, работаем по неделе на каждой смене). Сейчас кручу задвижки. Приходится туго. Рук прямо не чувствую, особенно болят мускулы и есть даже мозоль за сегодняшний день.

Мы сейчас с Марой и с детьми, а Эллы нет, она уехала 1-го на сессию. 13-го должна вернуться.

Сеня, не подумай, пожалуйста, что я оправдываюсь, нет. Ты ждешь моих писем и отвечаешь только на них. Ты же помнишь, о чем мы договаривались в Чирчике. Ты обещал мне писать часто, а что же выходит? Ты же знаешь, что я очень скучаю. Ведь ради тебя я сюда приехала.

Сеня! До сих пор из Чирчика ничего из подписных изданий не пришло, а было уже два тома Диккенса. Элла получила. Что делать, я не знаю.

Надо идти за детьми.



Сегодня получила твое письмо. Фотокарточка мне очень понравилась. Сенечка, мне даже кажется, что ты поправился. Ведь ты уехал из Чирчика страшный! Дорогой мой! Ты уж извини меня за такое сухое письмо, но настроение и впрямь было ужасное. Я ведь безумно скучаю. 11 января прошло только два месяца, как тебя нет, а мне кажется, что тебя вечность не было. Три года!.. 36 месяцев. Я уже начала считать, когда ты вернешься.

Милый, если бы ты знал, как я хочу видеть тебя! Напиши, что слышно с этими досрочными курсами младших лейтенантов.

Тебя уже почти все на работе видели. Я всем хвасталась. Все говорят, что у меня муж симпатичный, но... смотри, не задирай носа. И не вздумай влюбиться там. Пишу тебе на ночной смене. Устаю страшно. Приходится работать физически. Крутить задвижки (всегда потею, пока покручу), засыпать соль, переносить на руках за смену 340 кг ее или столько же нагружать лопатой, разбивая киркой слежавшиеся куски. Сам понимаешь, что работа нелегкая. Но к тому же приходится работать на одной смене по шесть дней в неделю. Вот, например, в пятницу у меня была пе-

ресменка, то есть с 8 до 4 дня и с 12 ночи до 8 утра. Ты представляешь, сколько я спала?

Вчера я пришла в начале девятого с ночной смены. Приехала с сессии Элла, ну как же не расспросить, что и как, и не рассказать, тем более что я пришла очень расстроенная. Я поругалась со своей сменщицей, которая меня учит, а она пожаловалась на меня начальнику цеха. Но начальник цеха мне ничего не сказал, а ее хорошенько отругал (это всё я знаю от Мары, начальник ему рассказал об этой стычке).

Уснула я в десять часов утра. Как убитая, между прочим, моментально. Разбудил меня Мара, когда пришел на обед. Я встала. Конечно, с большим трудом. Поела, а потом как-то спать не хотелось, и болтала с Эллой. Вдруг пришла девочка и сказала, что у Сережи температура 39. Элла ушла за ним в садик, а я в пять часов уснула, а в половине шестого Элла меня разбудила. Я встала, потому что надо было в школу собираться. Уроков, конечно, никаких не делала. В общей сложности я спала четыре часа за сутки, а ведь после уроков мне снова на ночную.

Да, кстати, я получила по сочинению «4», а по геометрии «5», по русскому диктанту — «4». Теперь началась новая четверть. Об успехах своих буду тебе сообщать. Чувствую себя довольно неважно. Капляю жутко, кодеин не помогает, думаю, наверное, что-то с легкими.

Сенечка! Любимый, хороший мой! Спасибо тебе за стихи. Они мне очень нравятся, я их перепишу в твою тетрадь, хорошо?

Ты слышал, когда я тебя поздравила? Да? Физически я не могла дать тебе телеграмму, потому что лежала с температурой в постели. Но в 12.00 по московскому времени, или в 1 час по местному, меня как будто кто-то толкнул. Я посмотрела на часы и поздравила тебя. Так медленно смена тянется, только десять минут пятого, а нам до восьми.

Да, Элла привезла Маре в подарок фотоаппарат, и теперь, когда он научится, то будет нас фотографировать. Вот тогда я тебя фотографиями засыплю. Только тебе даже стыдно будет меня такую показывать.

Мне придется каждый месяц пропускать одну неделю в школе, когда работа с 4 до 12.

февраль'58

[СЕНЯ]

Сегодня воскресенье. Только что пришли с лыжного кросса. Ходили на 5 км. Пришел, конечно, одним из последних. Но чувствую, что мог бы прийти раньше, если бы крепления были лучше и если бы у меня так часто не просили лыжню. Осталось до финиша каких-нибудь 50–70 м, мне кричат: «Лыжню», я в сторону и — в яму. Минут десять, наверное, выбирался. Вот обидно было!

Что нового? Во-первых, ты еще не знаешь, что твой Сенька будет пулеметчиком. Так что пока мои военные профессии рифмуются. Только что прошел мимо меня мой командир отделения москвич Данилевич. Спрашивает, кому это я письмо пишу. Говорю — жене. «О! — говорит, — так у тебя жена есть?» «А как же, — говорю, — мы люди богатые». А я и верно богатый. Богатый вообще,

потому что ты у меня есть. А сейчас бедный-бедный, нищий даже. И тебя нет, и письма от тебя нет.

Соник, я когда в Смоленск ехал, по дороге стихотворение написал. Хочешь почитать? Хочешь, я знаю. Ну вот.

ДОРОЖНОЕ

Пестреют поля полосками снежными.
Как о чувствах тебе сказать?
Солдату видятся нежные-нежные
Милой подруги глаза.

Мимо бежит земля незнакомая,
Домики, домики без конца.
Этими самыми дорогами
Разлучены наши сердца.

В мыслях и думах всегда с тобою,
С грустью внимает гармошке душа,
А гармонь, не зная покоя,
Всё поет, что ты хороша.

Пестреют поля полосками снежными.
Много их мимо еще проплывет.
Верю: с глазами нежными-нежными
Меня моя любимая ждет.

Соник, ты напиши мне, какие я тебе стихотворения посылал, первую строчку каждого напиши. А я тебе остальные вышлю, ты их запиши, будто я дома и ничего не изменилось.

Меня здесь радует одна вещь. Если в этом году будет так же, как и в прошлом, значит, я поеду в отпуск. Это будет, правда, в самом конце года, но самое главное, что оно будет.

А сейчас мы сняли гимнастерки и надели мундиры с разрезом сзади и четырьмя пуговицами. Помнишь,

в чем ходил в техникуме Толик Голентовский? Вот такой мундир. Брюки очень удобные, карманы чуть впереди, но я к мундиру еще не привык. Чередниченко, наш "профессор", в этом мундире, как чиновник царской канцелярии. А один казах, Элемесов, дай ему только очки, и он станет вылитый Чан-Кай-ши. А Витька Александров, наш художник, фотограф и гармонист, стал похожим на билетёра в нашем Оперном. В общем, все сразу изменились, и все — в потешную сторону.

Сплю я теперь рядом с моим бывшим командиром отделения Юрой Мальцевым из Ташкента. А рядом с ним спит Витька Александров. И больше никого из нашего взвода. Остальные — в другом месте. Это наша тройка. С Игорем нас было четверо. Теперь Игоря нет. Мы его часто вспоминаем. Каждое утро берем по два кусочка из пачки сахара, которую он нам выделил из своей посылки. Но вдвоем все-таки скучно, и мы поставили на это сахарное довольствие еще и "профессора". Только на табачное довольствие "профессор" не хочет становиться. Говорит, что некурящий.

Вот так и живем.



Сейчас нас, правда, строить будут, но я все же хочу написать пару слов.

Новости: назначен помощником политгрупповода — нашего ком. взвода, раз, руководителем драмкружка, два. К 23-му надо ставить пьеску. Какую — еще неизвестно.

Вчера мы снова ходили на лыжах, но уже не на время, а так, прогулка была. Можно было всю трассу разглядеть как следует. Такая прелесть! С одной стороны из сугробов — стройные молодые сосенки, а с другой —

небольшие, но разлапистые елочки, все под толстыми шапками снега, зеленые-зеленые. Вчера мне особенно жаль было, что тебя рядом нет, что ты не видишь всей этой красоты зимнего леса, что ты не кричишь мне: «Сенька! Дай лыжню!» Соник, давай после армии купим лыжи, ладно?

Ну вот, уже строиться надо.



Сегодня год, как я уезжал на практику, а ты все-таки постеснялась меня на вокзале поцеловать. Целый-целый год. А быстро.

У меня новости вот какие.

Во-первых, взяли мы кусок из пьесы «Любовь Яровая». Всего три действующих лица. Что выйдет — не знаю.

Во-вторых, я получил две первые «пятерки» по физподготовке — по подтягиванию на перекладине и по поднятию пудового ящика.

В-третьих, я решил две задачки по физике, над которыми бились Данилевич, Илья Ступицкий из Калининграда и еще один парень. Был страшно доволен, что кое-что все-таки осталось в голове.

В-четвертых, я вчера на самоподготовке самостоятельно проводил политзанятия. Ребята говорят, что мне «идёт». Но я подготовился. Даже нашел хороший для этой темы рассказ об одном из защитников Брестской крепости.

А в-пятых, вчера вечером Ступицкий, а он секретарь комсомольской организации школы, сообщил мне, что я назначен комсоргом нашего взвода. Как это ни странно, здесь комсорги не выбираются, а назначаются.

Ну и в-шестых, и в-десятых, и в-сотых — где ты, где ты и снова где ты? Тяжело, Сонечка, ох как тяжело. Когда я был в Моздоке, я еще надеялся, что летом, когда Элла с Марком поедут на юг, ты поедешь с ними и по дороге заскочишь в Моздок. Там можно было тебе остановиться, там я мог быть относительно свободен, а здесь могут отпустить к воротам на пару часов, да и тебе далеко не по пути. Придется целый год ждать.

Витька Александров одну пленку закончил в Моздоке, вторую начал в Смоленске и кончает здесь. Он уже договорился с одним сержантом насчет их обработки, и, надо полагать, скоро будут фотокарточки.



Получил от тебя долгожданное письмо. Если бы я вел дневник...

Ну вот, продолжаю спустя почти сутки. Это не Моздок, здесь не посачкуешь.

У меня что? Смирно вести себя трудновато, но стараюсь. Есть один сержант здесь, современный грибоедовский Скалозуб, портит мне нервы. Пока держусь.

С пьесой ничего не выйдет, нет времени. Предлагают выезжать на суфлере, но так ведь дело не пойдет, ты же понимаешь.

Недавно получил от командира взвода благодарность за отличную стрельбу. А через два дня отстрелялся плохо. Ничего, мы свое возьмем. Сегодня одолел, наконец, одно упражнение на перекладине. А долго не получалось.

Случайно нашли в шкафу толстенную книгу, без обложки и первых страниц, — «Гангутцы». Читать некогда, но помаленьку одолеваем. Я как помполитгрупповода

получаю для информации газетку, не всегда одну и ту же, но — каждый день.

Самочувствие бодрое, несмотря на мокрые от снега локти и коленки. Жаль только, что здесь я не получу никакой специальности.

Сейчас оттепель, снег мокрый, местами превратившийся в кашу. Нас это отнюдь не радует.

Ну, пора кончать. Очень доволен, что кушаешь, что поправляешься, что стала симпатичней. И совсем не боюсь, очень мне нужно, бояться. Ведь это Софья, я ей верю, и всё.



Сегодня — суббота, день вообще-то полусвободный, а для меня, в частности, — свободный полностью. С утра побрился, подшил чистый подворотничок, почистил пуговицы на мундире и шинели и отправился в гарнизонный Дом офицеров на слет отличников боевой и политической подготовки. Наш генерал выступал. Потом показывали немецкий фильм «Капитан из Кёльна».

Только что приехали из Минска наши ребята, ездили на встречу с колхозной молодежью. Ездил туда один парнишка из нашего взвода, сам минчанин. Позвонил матери — она прибежала. Хоть пять минут, но все-таки — виделись. Если б тебя хоть на пять минут увидеть, обнять крепко-крепко... Больше ничего, только обнять, положить твою черную головку на грудь и целовать, целовать... Софья, люблю тебя.

Береги себя. Кушай и не волнуйся.

Всегда твой, только не генерал, а рядовой Армии Советской.



Письмо получил. Вчера. Ответить придется коротко — времени не дают абсолютно.

Ну что тебе сказать? Написала — вот и поделилась? Нет, конечно. Но что сделано, то сделано, что ж к этому возвращаться?

Вместе с твоим получил письмо от папы. Он с мамой говорил, мама хотела бы моего разрешения на твое возвращение в Одессу. Папа тоже советует, просит. Не просишь только ты. Ты сама решила — не сдашь экзамен по техминимуму, значит, поедешь. Ну давай. Хотелось бы только, чтобы не пропали школьные труды, чтобы ты уезжала после окончания восьмого класса. Правда, мама хочет, чтобы ты бросила школу, но мое мнение такое: раз большая нехватка времени, связанная с учебой, все-таки, как ты говоришь, на здоровье не влияет, лучше не бросать. Аттестат — это пединститут, а он тебе нужен.

А у мужа твоего дела таковы: последние стрельбы — «4», по зачетам одна «5», одна «3» (уставы зубрить, как видишь, тоже не могу), остальные — «4».

Я заканчиваю. Спасибо за фото. Выглядишь хорошо, и я доволен, что ты поправилась, очень доволен.



Сонька, моя дорогая Сонечка, здравствуй и — давай не будем ссориться. Ладно? Это не нужно. Тебе там тяжело, мне здесь тоже нелегко, а если ко всему еще и ругаться, жизнь станет совсем невыносимой.

Что у меня? Был позавчера в Минске на вечере, посвященном 40-летию Армии. Приехала делегация из

Калининграда — морские летчики. Были мы — пехота-матушка, потом танкисты, артиллеристы и даже один лейтенант-летчик. В общем, все представители. Во-первых, был очень доволен, что вырвался из казармы. А это значит, что целый вечер не нужно строиться, поднимать правое ухо выше левого и т. п. Во-вторых, концерт был очень хороший. Во втором отделении выступал эстрадный оркестр с хорошими вещами.

Но у меня настроение было — никуда. Да тут еще сознание того, что люди собрались не на встречу с нами, а просто потанцевать, только ради танцев. Презрительная реплика какого-то ферта «солдафоны», узкие брюки и беспорядочные короткие шевелюры. Атмосфера как раз по мне! А мы-то готовились, начистили до блеска сапоги, вырядились в новые мундиры (без пуговиц сзади) и брюки, в общем — сияли. Ехали туда в открытой машине, промерзли, а приехали — и искали свободные места. Вернулись поздно, в час ночи. Сразу — в столовую, а там парнишка сидит, клюет носом, — сторожит наш ужин. На ужин, плюс к добавочной порции сахара, было еще и масло. Хорошо!

А утром снова “подъем”, снова служба, восемь часов на свежем морозном воздухе да на мягком белорусском снегу. Пришли мокрые, усталые, тут только спать и спать, а мне до половины первого пришлось сидеть и первый раз в жизни писать плакатным пером — наглядное пособие для политзанятий, комиссия сегодня ожидалась. Комиссия была, а к нам не заходила. Вот обидно было! Даром трудился и не спал.

Как всегда, сразу закончить письмо не получилось. Сегодня уже 26-е, скоро обед. Мы только что вернулись с поля — учились рыть окопы.

Получил вчера от Борьки письмо, пишет, что до сих пор не работает, что Лида Ф., кажется, уже в Одессе, что ты могла бы черкнуть ему пару слов.

Игорь, о котором я тебе писал, до сих пор, по слухам, в Смоленске и еще не получил злополучную шинель.

Еще одна новость — от помкомвзвода благодарность за добросовестное отношение к работе (это к рытью окопов). Вот. Ну, о плохом писать долго и не хочется тебя расстраивать. Коротко это будет звучать: трудно. Физически — чепуха, главное — морально.

Ну и всё. Сонька, я тебя люблю. Очень. Крепко. Понимаешь? Хочу, чтобы ты меня любила больше жизни. Много, конечно, но я все-таки хочу. Вот.

[СОНЯ]

Получила твое письмо, которому очень-очень обрадовалась. Понимаешь, пришла с ночной смены, помылась и легла спать. Уснула, ничего не слышала. Сон, видно, был крепкий, потому что ничего не снилось. Проснулась от стука в дверь. Думала, пришел Марк на обед, но ошиблась, это была почта... и мне было письмо от тебя. Родной! Всё тебя гоняют, гоняют. Я послала тебе письмо в Смоленск. Тебе, наверное, его перешлют.

Сенечка, не знаю, о чем тебе писать. Пишу сейчас на уроке истории, перед ним была контрольная по алгебре, два урока. Я фактически сделала три контрольных работы, потому что девочкам решила их примеры, себе решила другие примеры и потом еще дополнительные. В последнем примере была ошибка,

а я никак не могла найти. Меня прямо в пот бросило. Потом нашла, но получилась грязь.

Отметки уже есть: по истории — «4», по геометрии — «4», «5», по физике — «4». По физике завтра контрольная, но мне кажется, что я не смогу решить. Задачи совсем не умею решать. Это о школьных новостях.

На работе дела обстоят хуже. Завтра после ночной смены должна сдать технику безопасности. Уже месяц я работаю, а через месяц, то есть в марте, должна сдать экзамен по техминимуму. Трудно мне, Сенечка, без тебя.

Как хотелось бы прийти с работы, увидеть тебя, рассказать тебе обо всем, поделиться. Но тебя нет.

Милый! Постарайся окончить школу хорошо, чтобы приехать в отпуск. Я думала, что ты приедешь в сентябре. Сенчик! Если ты отпуска не получишь, то мы увидимся только через год, то есть в конце декабря, когда у меня будет отпуск.

У нас все по-старому. Мара и Элла работают. Дети в садике. У Рачки уже большие косички. Сережа очень умный мальчик. Меня любят, слушают. Элла и Мара относятся ко мне очень хорошо. Сейчас иду на ночную смену.

Я кушаю хорошо. Уже поправилась, стала симпатичнее. Так что теперь будешь бояться, да? Не бойся, я только твоя.



Получила сегодня третье твое письмо, а ответить нет времени. Уже кончаем работу, но я все-таки решила

быстро настрочить. Извини, что так плохо написано. Очень спешу. Знаешь, конец смены, всегда беготня.

Сенчик! Поздравляю тебя со всеми назначениями и желаю проявить себя хорошо. Ведь ты зарабатываешь себе отпуск хорошей работой и учебой!

Что задачи решил, ты молодец. Ведь тебе надо будет после армии поступать в институт, правда?

Видишь, у тебя все хорошо, а у меня нет. Надо сдавать экзамен по техминимуму, многое надо брать зубрежкой, а я зубрить не умею, ты же знаешь. Хочу на неделю-полторы бросить школу и заняться только подготовкой к экзаменам. Трудно мне, рыбка. Если бы ты был, я бы не боялась этого экзамена. Но я решила, если провалю, то поеду домой. Получила от мамы письмо (до сих пор еще не ответила), она зовет домой. Ты просишь, чтобы я писала обо всем. Ну так вот, читай!

Вчера письмо так и не успела закончить. Пришла в начале первого ночи, а пока помылась и легла, было уже полпервого. Элла с Марком спали, но им все-таки пришлось проснуться, потому что я стучала, и Мара встал открыть дверь. Вещь, конечно, не из приятных. Представляешь, из теплой постели в холодный коридор, да еще и со сна. Очень неудобно, но что поделаешь?

Пришла расстроенная, на работе всё не ладится. У нас в химцехе одни бабы, а ты, кажется, знаешь, что такое бабы. Они требуют, чтобы я скорее сдавала экзамен. Бесконечные попреки моей бестолковостью,

тупостью, глупостью. Теперь ты можешь меня понять. Нервы у меня напряжены до предела.

Дома рассказываю, что меня так довели, что хотелось уйти из химцеха и больше туда не приходить. Тогда Элла сказала, что с моим характером я нигде не смогу работать. Я, конечно, промолчала, но когда легла спать, то никак не могла успокоиться и, наверное, с час плакала. Мне было так обидно. Тебя нет и не с кем поделиться.

Может, все-таки надо было мне ехать домой. Или же написать в Министерство письмо о предоставлении мне работы.

март'58

[СЕНЯ]

Вчера получил твою открытку и перевод. Спасибо, но — не надо. Тебе деньги нужнее. Тем более что ты, по-видимому, решила экзамена не сдавать и уехать в Одессу. На дорогу-то надо.

Сегодня целый день на улице, а я еще забыл рукавицы. Представляешь? Первый день весны. Вчера на улице развезло, а сегодня всё схватил цепкими лапами мороз. Как там у вас погода? Ты не замерзла еще на Севере, маленькая моя? Как мне хочется согреть тебя на своей груди, Сонечка! Хотя я и замерз, но для тебя отдал бы весь остаток моего тепла, весь. Хорошая моя, где ты, а? Почему далеко? Я не ною, нет. Просто очень тебя не хватает.

Ну, до свидания. Не сердись, что мало пишу. Писать-то не о чем. Каждый день одно и то же.



Пишу ночью. Школа спит, а я в наряде с повязкой дежурного — пока дежурный отдыхает. Сейчас тихо-тихо, и эта непривычная тишина шумит в ушах, как будто в заводском цеху.

А ты сейчас если не на работе, значит, спишь, свернувшись клубочком. Далекая моя, хорошая! Скоро твой праздник, а я не смогу поцеловать тебя.

Сегодня днем мы готовились к заступлению в наряд, я побрился. Потом одеколонились, как в порядочной парикмахерской. И когда в воздухе повис дурманящий запах одеколона, мне вспомнилось, и даже не вспомнилось, а я всем своим существом ощутил приподнятую праздничную атмосферу, когда мы с тобой выбирались куда-нибудь. Я, уже одетый, ворчу, что ты слишком медленно собираешься, а ты всё еще стоишь у зеркала и никак не можешь справиться с прядкой волос — спрятать так, как тебе хочется. А потом ты душишься и вдруг направляешь на меня свое маленькое оружие — пудеризатор, а я жмурю глаза и сквозь смех кричу «хватит». А потом, Сонька, потом я подаю тебе пальто, ты влезешь в него обеими руками, а я обнимаю тебя и сзади целую в волосы, в губы... Сон, сон, сон. Меня окружают армейские классные столы и — тишина. А ты «сейчас далеко-далеко, между нами снега и снега...» Любишь ли ты меня, Соник? Верить ли, что будем жить хорошо? У нас здесь снова ударили морозы. В Одессе лютым февраль считается, а здешний март ему не уступает. В воскресенье наш взвод ездил эскортом на похороны одного подполковника. Дали ему три прощальных залпа. А пока ждали начала процессии, нас покормили сухим

пайком. И знаешь, Сонечка, — я, солидный, степенный семейный человек, говорю ребятам, что покойный в завещании указал — дочери отдать золотые часы, а траурному эскорту выдать по полбатона и кусочку сала, — и мне не верят, еще и смеются. Ну! Куда это годится?

И — до чего странно устроена жизнь, до чего эгоистичны мы, люди. Только что скорбные, тронутые прощальными речами сослуживцев и рвущимся в небо отчаянным криком жены, мы стояли на минском кладбище, а приехали, и сразу спешка, спешка, как бы не опоздать в кино.

Конечно, не опоздали, посмотрели. «Огненные тропы». Картина, слов нет, сильная. И я, как почти после каждой картины, загрустил, выкурил папиросу и — в который раз! — подумал: «Три года...» Да...

А сегодня, Софья, меня перепугали. Думал, что вновь придется менять адрес. Переписали всех со средним и средним техническим образованием и созвали в клуб — агитировать за поступление в военные училища, пехотное, зенитное и снабжения и тыла. Пережил немало, пока услышал, что посылать будут только на добровольных началах. А то всё думал, что могут послать — и всё. Что будешь делать? Приказ. Ну, обошлось. И, по-моему, слава богу.

Пиши чаще, Софья. Твое счастье, что я добрый. А то пожалуюсь начальнику школы, он напишет твоей маме письмо, тебе уже будет, тебе.

Завтра, 6-го, пойду в штаб, получу деньги и, наконец, прочту письмо на обороте перевода. Если удастся (а это далеко не всегда удается), схожу на почту и отправлю поздравительные телеграммы. Нужно еще отправить тебе одну бандероль. Ее содержимое будет для тебя полной

неожиданностью, хотя может и не понравиться. Но ты не суди слишком строго, ладно? Хотел к 8-му послать, но не получилось. Время, время, отсутствие времени нас убивает.

Ну а если не удастся мне попасть на почту, знайте, дорогие мои женщины, что я крепко всех вас целую (и Райку тоже, не забывайте) и желаю вам всего, всего хорошего, и здоровья — хорошего, и жизни — хорошей, и работы — хорошей, и настроения — тоже хорошего. А девятое марта я объявляю мужским днем и желаю себе поскорее увидеть вас всех.



Пишу в ночь с 8-го на 9-е, считай, в Женский день. Я снова в наряде, причем вне очереди. Это мне от старшины за то, что опоздал в строй. А я был уборщиком! Начальник школы, правда, обещал, что наряд зачтут очередным. Но я не особенно огорчен. Благодаря наряду успел посмотреть по телевизору праздничный концерт из Минска. Принимали участие московские артисты — Великанова пела, Бернес, Уланова исполнила «Умиряющего лебедя». Здорово танцевали тирольские танцы. Просто изумительно. Хороший в общем концерт. А после концерта — «Дочь моряка». Я в первый раз смотрел. Не очень, правда, хороша, но Потемкинскую лестницу увидел — и то теплей стало.

Деньги получил, но здесь такая система выдачи их, что корешок с письмом получить не удалось. Постараюсь все же добыть, но вряд ли получится. Жаль. Мне нужна каждая твоя строчка! А тут так обидно, близко оно, а не прочтешь.

Сейчас моя записная книжечка в казарме, но я по памяти постараюсь написать новое. Вот.

Грязный снег пестрит следами человеческими,
Сосенки-бесстыдницы мерзлые стоят,
А над ними галки, галки, галки мечутся
И о чем-то важном о своем кричат.

Только что сидел, делами озабоченный,
Карандаш за ухом, книжечка в руках,
А вот почта прибыла — и с делами кончено,
Только след руки твоей на двух листах.

Письма, письма, письма, жесткие и нежные,
Длинные, короткие, бодрые и нет,
Писанные наспех иль рукой прилежною,
Все мне очень дороги, дорог твой привет.

Соник, я уже не лысый, я уже с “шевелюрой” в 1,5 см. И с каждым днем становлюсь все сильнее — 17 раз выжимаю пудовый ящик, без тренировки поднял штангу в 45 кг, первые упражнения по всем снарядам выполняю не ниже «4». Это к 8-му Марта.

Сонечка, в 60-м году мне демобилизоваться. Но поздней осенью. А я летом приеду. Подам документы в институт и меня отпустят раньше. Хорошо, правда?

А время все-таки быстро летит. Ты получишь письмо в середине марта. Прошло целых четыре месяца... Ничего, Сонька, тяжело жить, переживая трудности, но потом зато приятно почувствовать, что эти трудности не сломали нас, не изменили к худшему.



Вчера получил от тебя письмо, которому несказанно обрадовался. Как хорошо, что я снова чувствую тебя рядом, любящую, мою!

Получил письмо прямо в постель (мы отдыхали перед заступлением в караул) и с тех пор хожу именинником. Я счастлив. Ты — моя. И всегда будешь моей.

Сонечка, поздравляю тебя с «5» по техминимуму. Ты молодец. Но у тебя всегда так — плачешь, плачешь, а потом раз — и “пятерка”. Утерла, значит, моя Софья нос невеждам?

Сонечка, напиши мне подробно, что ты на работе делаешь. На мой взгляд, дежурный лаборант и дежурный по химводоочистке — разные профили.

Как же ты решила с Одессой? Или “пятерка” — окончательное решение остаться?

Со школой — да, со школой неважно. Теоретически — не хотелось бы, чтобы ты бросала, а практически — бог с ней. Пока. А приеду — нажмем вместе, сдадим экзамены, будем и работать, и учиться в институте. Добро?

То, что Лида в Одессе, это точно. Я думаю, что ты права в отношении причины ее приезда. А поедешь ли и ты? Сонечка, хоть на край света отпущу, сопровождать буду, только...

Сонька, я так рад этому письму, как, наверное, никакому другому не радовался. Ты очень хорошая, Софья.

Доволен и Диккенсом, и Толстым, и Дюма, но как с деньгами, хватит? Смотри, Софья, не забывай о себе. Деньги я получил. Наверное, с первой получки? Не надо, Соник, больше. Я без них могу обойтись, а тебе они нужнее. Ладно.

Получил письмо от Игоря. Он попал под Чернигов, у него плохо с сердцем, нашли расширение. Если б комиссовали! Хороший парень.

А я — в карауле. Пишу на помятом и грязном листе. Простишь?



Получил от тебя уже два письма, и вот — пишу. Сегодня меня, впервые здесь, солнышко разбудило. А на улице мороз за уши хватает. Проснулся я раньше подъема и думаю, что у вас сейчас скоро 9 часов утра, и если ты сегодня не на работе, значит, еще нежишься в постели. И мне почему-то стало так хорошо, я разрешил тебе поспать подольше и уже увидел твою благодарную улыбку. Бодро-бодро сегодня вставал.

Сонечка, дорогая моя, я очень рад, не только головой, но и сердцем, твоим словам «Верю, что будем жить хорошо». Это замечательно, Сонька. Ведь мы хорошие, правда? Зачем же нам плохо жить? Сейчас только трудно. Ты пишешь — авария была. А мне завидно стало. Когда я к работе вернусь?

Соник, это ты пишешь «Дел без трудностей не бывает» и «Ничего, привыкну»? Ты, Сонька? Нет, не ты. Помнишь лабораторию у Журавлёва? Полы мыть, подметать, стёкла протирать... Всё это казалось тебе нелепым, обидным и потому трудным. А сейчас — «Дел без трудностей не бывает». Товарищ жена, поздравляю Вас от всего сердца с одержанием большой победы! 1:0 в твою пользу. Жизнь начала тебе покоряться.

Ты спрашиваешь, в какой институт? В любой, даже в кредитно-экономический, лишь бы поехать. А там... там с институтом придется пока подождать. Устроимся, обживемся — ведь на это нужно время. И у нас ведь будет, обязательно будет ребенок. Вот после этого и в институт.

Сонечка, Сонечка, что тебе писать и как — не знаю. Рвусь к тебе, понимаешь, не хватает мне тебя, просто жутко как. Ну что писать о новостях? Это всё мелочи, главное, что ты мне нужна рядом. В отпуск попаду, вероятно, после школы. Сразу ли или после приезда в часть, — не знаю, скорее последнее. Но сержантам легче в отпуск поехать. Как это будет хорошо!

Вчера, неожиданно, вдруг, получаю извещение о посылке. Мама прислала. На обороте пишут, что посылку послали в честь именин д. Рувы и дня 8 Марта. Посылка, конечно, была уничтожена вчера вечером и поразила всех, и ребят, и сержантов. Поразила вкусом и разнообразием. Из печенья — штрудель и торт, вкусные очень, из конфет — «Бон-бон», вроде «Гусиных лапок», и «Дюшес», орехи с медом между бисквитами, орехи, апельсины, баночка сгущенного молока, маслины. Ребят поразило, а меня, конечно, не поразишь, я ведь знаю маму, Лялю. Представил, как они собирали посылку, как обсуждали, укладывали. Такое чувство благодарности вдруг охватило. И радости. Ведь это значит, что мама, быть может, и не сердится больше на меня. А как ты думаешь, Софеея? Это было бы хорошо. Не люблю я ругаться.

За фотокарточку извини. Есть снимки лучше, но напечатать их никак не удастся. Сержанты свои снимки печатают, а на наши — ноль внимания. Мы обижаемся, Витька грозит больше фотоаппарат им не давать, но факт печален — снимков нет. Как только отпечатаем, я пришлю. Только не сердись. Ладно? Софеея, люблю тебя. Веришь?

Значит, остаешься одна. Да, нелегко. А Мара уже начальник цеха. Это хорошо.

От Борьки я получил письмо. Он еще без работы. Хочет идти к станку. Только к какому — вопрос. Пишет, что уgomонился, босяка-Боры больше нет, что встречается с хорошей девушкой, умной и симпатичной, что она его понимает (а для него, по-моему, поддержка сейчас ой как нужна!), что окончила техникум, сейчас работает и учится в экономическом институте. Он спрашивает, что собираюсь делать после армии. Я уж и сам думал, что делать? Куда ехать? И по автоматике ли, или по энергетике? Или никуда не ехать, а обратно на стройку, к Аркадию в бригаду?

Вчера смотрели фильм «Коммунист». Сильная вещь. В апреле будет идти у нас «За лебединой стаей облаков». Помнишь, мы ее в Чирчике так и не посмотрели? Ничего, всё будет, и кино, и солнышко, и вентилятор соберем, и примус снова зашипит. Правда?

Сейчас у нас зачеты. По физической — «5», по политической — «5», по полосе препятствий — «5». Завтра — уставы. Сдам. Сейчас главное — взводу получить «5». Можем занять первое место. Ребята дружные. Кстати, говорят, чтобы я от их имени маме «спасибо» написал. Лестно? Лестно. На лыжах позавчера ходил, двух минут до разряда не хватило. Крепления попались неважные.

Ну вот и всё. Сегодня уже 23 марта. Прошло больше четырех месяцев, одна зима. Еще лето, зима, лето, зима и пол-лета. И я — с тобой. Хорошо? Долго еще. Что ж, мы люди государственные, себе не подвластны. Сонька, давай после армии куда-нибудь далеко-далеко махнем, а? На Дальний Восток? Строить что-нибудь. Хочешь?



Жив, здоров. Целую, Соня.

Что еще тебе писать?

Что хотел бы я ладони

Твоих рук расцеловать?

Тут ведь, Сонечка, как всюду, —

Люди, климат, служба — жизнь.

Радость, горе, пересуды,

Всё — сейчас, не отложить.

С кем же Сеньке поделиться,

С кем же душу отвести,

Перед кем же похвалиться?..

Я уж прозой, ты прости.

Получил благодарность за отличное преодоление полосы препятствий. По двум уставам получил «5». Вчера пробежал 1 км за 3 мин 50 с, сегодня за 3 мин 57 с. А на «5» надо 3.30. Приказом по полку проведен знаменщиком. Значит, как в караул, так у знамени. Как сегодня.

Спать охота — жутко как. Веки болят аж. Недавно сам проводил политзанятия — наш комвзвода был в карауле. Занятия прошли хорошо. Человек пять отвечали, а оценивали их все вместе.

Взвод всё еще “тянет” на первое место. Если мы не заберем вымпел, будет очень обидно. В феврале мы были последними, и я приложил немало сил, чтобы добиться нынешнего положения. Осталось сдать еще два устава и, вероятно, еще раз отстреляться. А это ведь лотерея.

Начал изучать Ленина. У сержантов — глаза на лоб. Они собираются вступать в партию, но отнюдь не собираются «обогащать свою память знанием всех богатств, выработанных человечеством».

Здесь уже началась весна. В казарме стало светло. Тает снег и легче дышится.

Ну, до свидания, Сонечка. Прости меня за сухость и беспорядок. Трудно писать, когда организм («организмизм», как говорил кто-то из ваших преподавателей) очень утомлен.



Сидел в ленкомнате, смотрел по телевизору концерт, вдруг заходит наш помкомвзвода: «Кравец, тебе письмо. От девчонки какой-то. Ишь, развратник!» Я взял, говорю — от жены. «Не может быть. Там на обратном адресе не Кравец, а другая». И говорит, сколько ни встречал женатых, не видел еще, чтобы жена на своей фамилии была. Веришь?

Значит, Элла уже уехала? Ну, дай бог, чтобы все было хорошо.

Была на вечерах? Это хорошо. Поздравляю с призами. Со мной, конечно, за танец приз ты не получишь, но на вечера будем ходить обязательно и обязательно будем танцевать (хоть один танец, ладно?). Эх, Соня-сонюшка, танцорша моя, научишь ты когда-нибудь своего медведя танцевать или нет?

Школа. Бросила, значит. Ну ладно, бог с ней. А вообще жалко, что начала и — духа не хватило.

Работа. Насколько я понял, кроме дежурных лаборантов есть еще и дежурные по водоочистке. Или их нет? Пожалуйста, Соник, напиши. Просто хочется заняться чем-нибудь, далеким от «Становись. Равняйся. Смирно». Я из-за этого и начал Ленина читать. Успокаивает, уносит из этого мира.

Сонька, тебе не верят, что ты замужем? Ну-ну, хорошо. Только ты смотри, сама верь. Ладно? А я люблю. Очень.

Крепко. На всю жизнь. Довольна? Ух ты, хитрунья. Знаешь ведь сама, но хочется еще раз услышать, да? Люблю.

Что у меня? Скоро начинаем готовиться к параду. Сегодня ходили на Московское шоссе — очищать его для строевой подготовки от ледяного нароста. Дело не из легких. На обратном пути удалось зайти в магазин. Купил бумагу, проявитель и закрепитель. Сегодня будем печатать фотокарточки. Сделаем — пришлю. Да, Соник, почитай стихотворение.

Когда прохладный ветерок,
Несущий запахи весны,
Вдруг принесет под твой полог
Досель неведомые сны,

Когда влекомая волной
Воображенья дивных сил,
Ты вдруг увидишь дом родной,
Скрипящий дощатый настил

Под чей-то тихий говорок,
Чтоб нас с тобой не разбудить,
И мамой спеченный пирог —
Для нас с тобой, перекусить,

И мы с тобой, в тиши утра,
Не отряхнув ночные сны,
Лежим (хоть нам вставать пора),
Вдыхая запахи весны,

Когда пробудишься, представь,
Как я хочу такой весны,
Когда оборотятся в явь
Вот эти сладостные сны.

Я не спрашиваю, как, — знаю, что даже если не понравится, все равно обманешь, скажешь «хорошо». Правда?

[СОНЯ]

Не будем ссориться, хорошо. Я согласна, но ты не прав, что ответил мне так сухо. Ведь я написала только тебе как самому близкому другу, хотела, чтобы ты меня ободрил и успокоил, но увы и ах! Я, получив твое письмо, поплакала и решила, что писать тебе не буду, пока ты не напишешь. Ведь ты виноват, согласишься.

Как-то на днях шла я с одной женщиной из школы. На улице минус 35. Я после школы шла на ночную смену. Замерзли ужасно. Представляешь, я была в ботиночках и в кофточке с короткими рукавами. Она говорит: «Сейчас приду, разденусь и сразу к мужу греться». И мне захотелось прийти домой, раздеться и лечь к тебе, чтобы ты меня согрел.

Пишу на работе (на ночной смене). Экзамен по техминимуму сдала на «отлично». Сейчас работаю дублёром. То есть делаю сейчас всё сама. Конечно, приходится трудно. Прикреплена к очень хорошей женщине, спокойной, добросовестной. Я — дежурный лаборант, а она — дежурный по химводоочистке. Может быть, я с ней и останусь работать. Было бы неплохо. С той, которая меня учила, я поругалась вконец, и она меня не доучила. Назло ей я сдала экзамен на «5». А она была уверена, что я вообще не сдам. Сейчас мы не разговариваем.

В школе успехи у меня неважные: по химии — «3», по географии отказалась, потому что три недели пропустила. Вообще мне очень трудно, и я думаю, что в 9-й класс ходить не буду.

То, что Лида в Одессе, вполне возможно, потому что в этом месяце у нее должен родиться ребенок. Может быть, поэтому она и приехала в Одессу. А я рожать тоже в Одессу поеду?

Сенчик. Я люблю, люблю, люблю тебя очень сильно. Ты себе представить не можешь, как мне тебя не хватает.

Эллу если я даже и обидела, то она меня простила, она не злопамятная. Стараюсь помогать, когда есть возможность. Чувствует она себя очень плохо. У нее авитаминоз (первая стадия цинги). Вероятно, в скором времени они уедут в Одессу. Я останусь на время одна. Ну вот и все мои новости.

Да, знаешь, прибыл нам Диккенс. Я подписалась на А. Толстого, хочу подписаться на Дюма. Ты не против? Вот и снова надо делать анализы.



Вчера получила бандероль. Спасибо за подарок. Очень благодарна Виктору Александрову, вероятно, это он меня рисовал.

Дорогой! Ну что тебе написать? Ты, наверное, думаешь, что у меня много новостей, ошибаешься. Работа, сон, школа (и то не всегда). Стала работать самостоятельно. Трудно, но ничего, привыкну. Дел без трудностей не бывает, правда?

Сегодня была сильная авария в электроцехе. У нас в химцехе выбило затворы и пар заполнил весь цех. Горячий плотный пар, представляешь? Ничего не вид-

но, не слышно, дышать нечем. А мы, то есть дежурная лаборантка и я, должны были крутить задвижки. Но ничего, вынесла.

Сеня, может, тебе лучше все-таки поступить в училище. Может, там тебе отпуск будут давать летом. Я соскучилась по тебе. Как мне хочется, чтобы ты встречал меня с работы, как, помнишь, с практики. Очень скучаю по тебе, по родным.

Жду, люблю, верю, что будем жить хорошо.



Вчера получила твое письмо, но ответить сразу не могла. Я сейчас работаю подсменной, поэтому часто пересменка, то есть через 8 часов.

Спасибо за фотокарточку. Но ты бессовестный, как тебе не стыдно было фотографироваться в нижней рубашке? Ну ничего, когда Мара получит пленки, я сфотографируюсь, посмотришь, как. Только не ругайся, ладно? Я сегодня пришла с ночи. Днем легла спать с Раечкой. Обняла ее, и так захотелось иметь свою Раечку! Знаешь, очень хочется иметь ребенка. У нас будет ребенок, правда?

Сенечка! Что же это ты не советуешься с женой? В какой институт ты хочешь подавать документы и когда ты успеешь подготовиться? Это точно, что тебя раньше отпустят, если ты подашь документы? Напиши обо всем подробно.

Напиши, действительно ли тебя отпустят в отпуск в этом году. Как мне хочется увидеть тебя! Скажи, ты

любишь меня? Глупая, конечно, любишь, иначе бы не писал. Ты ведь честный, когда разлюбишь, скрывать не будешь, а изменять тоже нет, потому что это низко и противно, правда?



Сенечка, прости, что так долго не отвечала. Виновата, каюсь. Не думаю оправдываться, но как-то получалось, что не было времени написать.

Элла уезжает через три дня. Нужно было в квартире навести порядок. Собиралась написать на работе, но тоже как-то не получалось. Сегодня пишу на работе.

Была на вечере отдыха по абонементу Эллы с Марком. И получила приз за литературную викторину. А потом танцевали вальс на приз. Я с одним парнем танцевала лишь бы как, еще и выкручивались. Во всяком случае учились, как лучше. И представляешь, получили приз — духи «Фиалка» (но так как это дрянь, то я ему их уступила).

Вчера была на вечере отдыха с одной нашей лаборанткой. Был концерт, слабенький, правда, но ничего. После этого были танцы. Мы с Инной, так зовут молодую лаборантку, танцевали спокойно, отдыхали. Я все время тебя вспоминала. Хотелось бы уже с тобой сходить на вечер.

Сенчик! Не ругай меня, пожалуйста. Я бросила школу. Потому что времени свободного очень мало. Я не могла бы ни в чем помогать Элле. Сейчас я человек свободный. Ты приедешь, я буду с тобой учиться, ладно?

У нас морозы стояли очень сильные. Я укрывалась твоей “московкой”, а она не смогла меня согреть за всю ночь.

Представляешь, мне до сих пор не верят, что я замужем. Значит, выгляжу молодо, правда? Ты любишь меня? Очень? Крепко? На всю жизнь? Ответь! Обязательно, хорошо?

Раечка остается со мной и с папой. Обещает слушать тетю Соню. Райка — кокетка. Лентяйка, ничего делать не хочет. Вообще баловница и разбойница.



С 26 марта сплю по шесть часов в сутки. Элла с Сережей уехали. Я работала в ночь. Пришла утром домой, а в квартире беспорядок страшный. Ну представляешь, сборы, отъезд, не до порядка. Надо было Раечку в садик отвести, потому что Марк с вокзала поехал прямо на работу.

Отвела Раю, убрала, сварила на ужин что-то и приготовила на завтрак гренки. Привела Раю из садика, накормила и спать уложила, а сама ждала Марка. У него было открытое партийное собрание, и он задержался, пришел в начале двенадцатого. Мы поужинали, и только тогда я легла спать после ночной, представляешь? А в половине седьмого уже вставать.

Ну а потом пошло. Суббота — уборка. Воскресенье — смена белья, купание Раи. Понедельник — стирка. Вторник — глажка. Вот так все время, не считая работы и приготовления обеда.

Ничего, справлюсь. Правда, устаю немного, но ничего, привыкать надо. Ведь скоро мне придется то же самое для нас делать. Но, конечно, мне с тобой будет легче, потому что ты помогаешь мне. А Марк считает, раз в доме есть женщина, значит — делать ничего не надо.

Сейчас работаю уже в смене, а не подменной. Работаю с очень хорошей женщиной, с той, у которой доучивалась. Пишу на работе, потому что дома нет времени. Ведь у меня теперь семья.

Ты тоже хорош, нечего сказать! Заставил меня нервничать, переживать. Я уже хотела телеграмму давать, но в этот день получила письмо и успокоилась. Насчет института — надо поступить и учиться до ребенка. Когда будет ребенок, учиться будет тяжело.

ЛЕТО

апрель'58

[СЕНЯ]

Несколько дней собираюсь написать и — не могу. Не помню даже, когда писал тебе в последний раз. Кажется, давно. Дни тянутся невообразимо долго, а ночи удивительно коротки. Засыпаю довольный, что прошел еще один день, значит, на один день меньше служить. А просыпаюсь — и перед глазами долгий следующий день.

Что у меня сейчас? До сих пор не подведены итоги, но я думаю, что взвод наш возьмет вымпел первенства. Не знаю, выйду ли я сам в отличники, последняя стрель-

ба — «З». Сейчас пора горячая и трудная. Все нервны и взвинчены. Во второй половине месяца — проверка школы, зачеты за зимний период обучения. Как мы себя покажем, неизвестно. Сегодня были первые часы подготовки к параду. Ребята успокаивают друг друга: «Осталось мало, всего 27 дней».

Всё время хожу в отвратительном настроении, либо молчу, либо ругаюсь с начальством. Недавно у нас произошел случайный выстрел. Пуля прошла в 10 см от головы моего ком. отделения. Собрание было, обсуждали этого парня. Я его знаю еще по Моздоку. Солдат — отличный. Я выступал. Получилось неплохо. Строгого взыскания парень, кажется, не получит.

У нас каждая мелочь — крупное событие. Оставили сержанту на стрельбище коробочку (из-под леденцов) с махоркой, а он ее забыл. Вот мы троим целый день и сокрушались. А когда оказалось, что другой сержант коробочку взял, обрадовались несказанно. Представляешь?

Вчера у нас был смотр строевых песен. Наша школа кубка не взяла. А когда песню только разучивали, нас разбили на первый и второй голоса, произвольно, на две группы. И я очутился в первых голосах. Слушает наш руководитель оркестра — фальшивит кто-то. Я и говорю: «Товарищ майор, разрешите мне во вторые голоса перейти». Он разрешил, и первые голоса зазвучали как следует. Теперь посуди сама, какую важную роль я играю! От одного меня всё зависит, во!

Ну, Соник, я закончу. Ладно? Ты не обижайся, но у меня ничего интересного. Несколько дней назад мы с Витькой целую ночь печатали фотокарточки. Спали полтора часа. О, уже строиться. Пиши.



Ну, Соня-сонюшка, здравствуй! Значит, хазяйнуешь? Сонька, а ведь тебе нелегко. Смотри, не умотайся. Постарайся подчинить все дела какому-то определенному недельному, что ли, распорядку. Иначе карусель вечной занятости с недосыпанием и переутомлением к добру не приведет.

Сонечка! Гренки... Я хочу! Я приеду — сделаешь. Ладно? Сама. Я ведь твои гренки хочу, твои. Сонечка, хозяйюшка! А как мы будем жить, когда я совсем приеду? И куда я приеду? Куда на работу пойду? Я как подумаю, голова кругом. Но у меня подсознательная какая-то уверенность, что я попаду служить в такое место, куда и ты сможешь приехать и где мы сможем остаться жить и работать. А может быть, это только моя упрямая оптимистичность, уверенность в исполнении всякой мечты? Но это было бы хорошо. Правда, Соник? Всё решилось бы сразу. А если нет — давай поедem куда-нибудь, Сонька? Везде ведь люди и везде — ничего страшного. В Чирчик ехали — боялись. Оказалось — ничего, жить можно. (Только без Скобанева и Кайгородова.) Ты ехала в Ухту — тоже боялась. А оказалось — тоже жить можно. И ты уже не подменная, а в смене, да еще и с хорошей женщиной. И климат тебя не съел, и гренки не разучилась делать.

Соник, насчет института, конечно, рано, но у меня сейчас состояние огромного недовольства, и я совсем не знаю, чему и для чего учиться в институте. Больше того — ведь жить хочется не только для себя, для своей семьи. А для чего, ради чего еще можно сейчас жить? Все порывы и труды разбиваются о стальную стену косности, и у меня в последнее время начали опускаться

руки. Что делать, что делать? Кто может дать ответ, когда нам, наконец, перестанут мешать жить старые люди и старые обычаи?

Вчера я проводил собрание. Прошло хорошо, дружно, активно. Не знаю, долго ли сохранится такое самокритичное и сознательное настроение.

Соник, пиши обо всем. Что читаешь, что смотришь, какие впечатления, как здоровье, как у Эллы с Марком (это для приобретения опыта), как на работе, вообще и — в частности у тебя, что одеваешь, шьешь ли что-нибудь себе. Вообще всё и всё.



Сонечка-сонюшка! Писем всё нету,
Нету от Сонечки Сеньке привету.

Вот. Здравствуй. Только пиши каждый-каждый день. Ладно? Не хочешь? Времени нету? И сама не знаешь, как, а его всё равно — нету? А что писала? Что для меня время всегда найдется? Подаю в народный суд обвинение в обмане. Обещала писать часто — пишет редко Софья мне.

Софья, получил от твоей Майки открытку. Забавная такая — два медвежонка. Я назвал открытку «Молодожены». Пишет Майка, что мама тебе готовит посылочку.

Сонька, настроение неважное у меня. Ни к чему не ложатся ни руки, ни сердце. Сегодня ты мне снилась, только как — я не помню. Видел тебя отчетливо-отчетливо. Софья моя! Я ведь тут почти один-один. Тянет писать, что-нибудь большое, так нет ни времени, ни умения, ни настроения. Ну, закончу. Хочется после школы попасть на Север, на Камчатку. Где служат два года. О! Это было бы чудес-

но. Но если б ты была здесь, мне бы и пять лет службы не в тягость.



Сонечка, дорогая! С ответом задержался. Виноват, но ты не упрекай. Ждал я от тебя письма долго-долго. Обижался. Ругал тебя, злился. А получил — и будто крылья выросли, забыл все обиды. Только все-таки пиши чаще. Я вот сейчас сам тебе еще не ответил, а от тебя уже жду письма.

Софья, а ты веришь разве, что не будешь задерживать письма? Наверное, нет. Ведь жизнь остается жизнью, а у нас с тобой она далеко не праздная. Но в то, что ты будешь стараться, я верю, верю, Соник.

Значит, твоего папу реабилитировали... Такие потери безвозвратны, и очень тяжело знать, что не только не были эти потери необходимы или естественны, а наоборот, были преступными. Отца не вернешь, но ты, Сонечка, должна гордиться им. Очевидно, он был замечательным и настоящим Человеком, других не забирали. А кто забирал? Чужие, несоветские люди. Они и сейчас еще живут, глубоко пустив свои корни, и — нужно опуститься и стать такими же, как они, либо драться, драться с ними не на жизнь, а на смерть, хотя бы только для того, чтоб они не погубили нас так же, как погубили твоего отца.

Ты пишешь, что чувствуешь себя хорошо. И рентген дал хороший результат. А вот сердце стало болеть, да и не кашляешь "почти" — это уже далеко не хорошо. Береги себя, Соник.

Райка, значит, "своя"? Скажи ей, что я согласен взять ее к нам, но с условием, что она перестанет кокетничать. Жуть как не люблю кокетство.

Теперь, Соник, о себе. Сейчас мы одели гимнастерки, чувствуем себя легко-легко. Летняя форма — не зимняя. Скоро парад, а завтра — генеральная репетиция в выходных мундирах, без шинелей. Вот.

Написал одно стихотворение в Минск, в газету. Оттуда ответили, что оно литературно грамотно, но в этой теме ничего нового не открывает. А вот на такую тему я не посылал тебе стиха?

Я хочу тебя в домашнем платице,
Как пушинку, на руках поднять
И, покуда сердце не захватится,
В губы дорогие целовать.

Нежная, хорошая, любимая,
Всяк наряд к лицу тебе идет,
Но во мне любовь неистребимая
К платицу домашнему живет.

В нем ты ближе, искренней, роднее.
Если в нем ты — веселею я.
Если в нем ты — я всегда бодрее,
Потому что в нем — ты вся моя.

Соник, оцени. Мне, откровенно говоря, нравится. А тебе?



Увидеть тебя, хотя бы на час, хочу очень. Когда мы были еще в Моздоке, я хотел, чтобы ты летом приехала, хотя и не осмеливался просить тебя об этом. Но то был Моздок, а не Минск. Там я мог бы быть с тобой на протяжении недели, двух, даже месяца. А здесь... здесь я могу надеяться твердо всего лишь на один день, может быть, сутки, и, как максимум, — двое суток. Стоит ли из-за этих считанных часов ехать в такую даль, затевать историю с отпуском? Наконец, тратить немалую сум-

му денег? Стоит, стоит, тысячу раз стоит, хоть на один час быть с тобой рядом, снова видеть тебя, обнять тебя, просто смотреть в твои глаза, дышать твоим дыханием... Как это хорошо, Сонечка! Я очень соскучился по тебе, по твоей ласке, по твоему голосу, по твоему, полностью мне, поцелую. Но имею ли я право обрекать тебя на новые муки, вызванные слишком кратковременной встречей и — снова разлукой? Я очень хочу увидеть тебя, буду очень, неописуемо рад встрече с тобой, но при мысли, что нам снова придется расстаться, я впадаю в глубокое уныние. И все-таки всем сердцем своим я хочу, хочу, чтобы ты приехала. А сердце не признает никаких рассуждений. И мои старые домашние врачи, Трезвый Рассудок и Железная Логика, бессильны перед ним. Приезжай, Соник, приезжай. Но дай мне слово, что ты спокойна, зная, что едешь ко мне очень на немного. Иначе я наложу “вето”.

Где ты остановишься? Удобнее всего для тебя — гостиница. Но, во-первых, Минск — столица, с местами может быть трудно. Во-вторых, увольнения в Минск мне, по всей вероятности, дать не смогут. Поэтому лучше будет снять на эти пару дней комнатку здесь в Уручье, в 200-300 метрах от нашей казармы. Это возможно, я узнавал.

Почему ты хочешь ехать в начале мая, почему не позже? У нас еще не установились теплые дни, сыро, грязь, пронизывающий ветер. Тебе все это отнюдь не полезно. Может быть, попозже чуть-чуть, в июне, что ли?

Больше писать ни о чем не в состоянии. Жду скорого-скорого ответа. А на работу опаздывать нельзя, не то что просыпать. Вот.



Сегодня уже 25-е, и пока мое письмо придет к тебе, праздник уже наступит. Я поздравляю тебя, Софеея. Подхожу к тебе, беру тебя за плечи, смотрю в твои хорошие глаза, а они блестят знакомыми шальными искорками. Сон, сон! Я сижу в нашем классе, сзади Витька играет на гармошке вальс «Дунайские волны», и я под этот аккомпанемент, так совпадающий с моим настроением, пишу тебе письмо, которое ты прочтешь через целых несколько дней. И все-таки, закрыв глаза, я вижу себя рядом с тобой. Ты не возражаешь против того, что я глажу рукой прядку твоих смоляных волос? Нет? Спасибо, Соник. Мне очень хорошо с тобой. И я очень хочу, чтобы ты была счастлива. Очень-очень счастлива. Со мной. И чтобы мы, живя дружно и в достатке, никогда чтобы не были мещанами, обывателями. Чтобы много видели с тобой, много городов, много людей (хороших), много спектаклей, кинофильмов. Всего — помногу. Чтоб у нас были дети, мальчик и девочка (сначала, конечно, мальчик), очень живые, благородные и честные, и очень непослушные. Так интереснее, правда? Многого я хочу для тебя, для нас обоих. А в подарок к 1 Мая приношу свою первую творческую радость. Меня впервые за все время напечатали. Правда, в газете нашего соединения, и быть может, этот первый раз станет и последним, но пока — все-таки напечатали. Мне было и странно, и радостно читать строки, писанные мной всегда на бумаге и чернилами, — вдруг напечатанными в газете. Эта моя радость — слишком маленький подарок тебе, но я прошу принять его. Ладно, Софеея? Вот.



Получил от тебя деньги и от мамы посылку и 50 руб. Ну зачем это? Деньги, конечно, истратятся, и посылку уничтожим, но нужно ли это? Ведь я могу обходиться без этого. Сонечка, Сонечка! Спасибо большое — и не надо. Ладно? Давай договоримся. Тебе деньги нужней, и если я не могу тебе высылать, то я помогу тебе хотя бы тем, что ты не будешь высылать деньги мне. Хорошо, Соник? Вот. Со дня на день жду от тебя письма. Сможешь ты приехать или нет?

Сонечка, вчера ночью были на тренировке в Минске. Проходили, как на параде. Сегодня получил благодарности за то, что вышел в отличники.

Был на комсомольском активе. В перерыве нашел меня офицер из редакции, сказал, что стихи нравятся, просил зайти в редакцию. Говорил, что 5-го, в День печати, собираются наградить каким-то подарком.

На активе говорили, что ЦК ЛКСМБ создал заочный университет эстетики. Предметы: история литературы, музыки, живописи. Срок обучения — 1 год. Пришлют программу и список рекомендуемой литературы. Потом — экзамен и удостоверение. Хорошая вещь, правда? Если разрешат, попробую написать заявление. Вот.

Послезавтра — парад. Ух, как болит голова! Наверное, простыл. Я закончу, Соник. Прости меня, не могу больше. До свидания, хорошая! Ты мне снишься сейчас каждый день. Как хорошо, если приедешь!

[СОНЯ]

Тысяча, миллион извинений за долгое молчание. Прости, задерживать ответ и письма больше не буду. Обещаю, честное слово, веришь, рыбка?

Получила письмо от Ляли. Пишет сестричка моя, что очень скучают по мне. Все знакомые интересуются, как я устроилась, как живу.

Да, Сенечка, папу реабилитировали, посмертно. Прибыло извещение из Москвы. Мне об этом написала Ляля. Жалко папу, такой хороший человек, и ни за что пропал. Рыбка, так мне больно, что у меня не было родного отца. Даже слезы навернулись. Я всегда завидовала тем, у кого есть отец. Мне всегда хотелось назвать родного, близкого человека — папой. Но увы, его нет.

Чувствую себя в общем хорошо. Но в последние дни что-то стало болеть сердце. Недавно была на рентгене, всё в порядке. Совсем почти не кашляю. Ем хорошо — и масло, и яички.

С Раей мы живем дружно. Она меня слушает. Я ей поблажек не даю. Я строгая, ты же знаешь!

Сегодня у нас пересменка, так что работаю ночью. Сейчас спокойно. Загрузили соль, задали раствор тринатрийфосфата, теперь идет регенерация, то есть идет сначала соляной раствор, потом фильтр будет отмываться, а потом бак заполнится подсоленной водой. Ясно? Это и есть регенерация. Работаем мы по два человека на смене: дежурный лаборант, который следит за котловой водой, питательной, конденсатом турбин и т. д., и дежурный по водоочистке, который следит за работой фильтров, проводит регенерацию, взрыхление, следит за уровнем в деаэраторах, которые питают котлы, за расходом воды на бойлерную. Вот тебе и всё.

А стихотворение мне понравилось. Что ты хочешь сказать, что раз я твоя жена, значит, буду говорить, что всё хорошо, да? Не выйдет, я всегда была правдива, ты это прекрасно знаешь.

Спасибо за фотографии. Говоришь, что перестал горбатиться, а вот фотография говорит совершенно противоположное.

Смотрела «Закройщик из Торжка». Очень понравилась картина, и нахохоталась. Игорь Ильинский неповторим.

Читаю сейчас Куприна, первый том. Называется — читаю. Если уже три месяца читаю и никак кончить не могу. Абсолютно свободного времени нет.



Получила твое письмо и фотографии. Очень довольна, это самые лучшие из всех, что ты мне присылал.

Сенчик! Скоро 1 Мая, великий праздник, а мы с тобой опять не вместе. 11 мая будет уже ровно полгода, как тебя не видела. Очень бы хотела приехать к тебе, но это возможно в том случае, если ты мне пришлешь телеграмму, что болен. Я тогда возьму отпуск за свой счет и поеду к тебе хоть на несколько дней. Ты скажешь, что это нецелесообразно и невыполнимо, правда?

Я очень скучаю по тебе, а ты, наверное, не думаешь обо мне, потому что даже не снишься. Пожалуйста, если есть какая-нибудь возможность сделать так, чтобы я к тебе приехала, то постарайся, я тогда в первых числах мая смогу поехать.

Извини, что сразу не ответила. Понимаешь, получила письмо и решила тебе написать на работе. Но станция была на аварийном положении, так что у нас работы хватало, да и вообще стыдно было писать в такое время. Ведь если придет дежурный инженер или начальник смены, будет очень неудобно, когда застанут за таким занятием. Сейчас пишу тоже ночью.

Позавчера в 00.10 я проснулась от телефонного разговора. Я поняла, что проспала, и скорее выбежала в коридор к телефону. Но меня успокоили — работать за меня осталась Инна (девушка, о которой я тебе писала). Ее ругали, а меня — не знаю, потому что еще начальства не видела. Я проспала, потому что Марк был на работе до часу ночи.

У Раечки косички уже хорошие. Я ей заплетаю. Рыбочка, как хочется иметь своего ребенка! Меня слушает. И даже любит несмотря на то, что я строгая. Вот наша жизнь. В кино давно не была. Прочитала 1-й том Куприна. Сейчас читаю роман К. Паустовского «Романтики». Очень хорошо пишет. Если будет возможность, почитай.

С сердцем ничего. Просто — невралгия. Перенервничала, вот и болело. Чувствую себя хорошо. Только на лице весна зацвела — очень ярко проступили веснушки.

Да, Сенечка, как по щучьему велению, посылаю тебе фотокарточки. Задержалась с письмом из-за них, хотелось тебе поскорей послать.

У нас еще зима, вчера выпал глубокий снег.

Пиши о себе побольше, я очень рада твоим большим письмам.

май'58

[СЕНЯ]

Я получил твою телеграмму, большое спасибо. Прочел «встречи» и понял, что ты решила ехать, но всё же жду письма.

Мои праздники уже подходят к концу. Еще несколько часов — и снова начнется обычная жизнь. Разница будет лишь в том, что мы жить будем в палатках. Перейдем в летний лагерь, вероятно, 10-го.

Как прошел мой Май? 1-го рано утром поднялись. Суета, подгонка мундиров, сапоги начищены до блеска, все торопятся — всё это напомнило мне дом, тебя. Выехали в Минск на машинах. Город встретил нас празднично убранными улицами, разряженными минчанами, спешащими к местам сбора — для демонстрации. Наконец, мы стоим на площади, готовимся к параду. Со всех сторон окна и балконы домов глядят на нас букетами людских голов. С нами здоровается командующий парадом, потом Тимошенко, и — парад начинается. Мы проходим мимо трибун. Равнение — в ниточку. Штыки блестят. Шаг рубаем исключительно. Все лица — в сторону трибуны. Прошли очень хорошо. Получили благодарность. Всё. Едем назад. Нам машут руками люди, а мы, глядя на них, свободных, веселых, праздничных, — тускнеем и тускнеем. Выехали за город — маленькие вездесущие мальчишки отдают нам честь, кричат «ура»...

Приехали. Для нас кино — «Страницы былого». Одесская киностудия. Показали Оперный, кое-какие улицы узнавал. Хорошая картина, но снова защемило сердце.

К нашей тройке в последнее время присоединился еще Илья Ступицкий. Вот мы вчетвером уничтожили мамино печенье, баночку бычков в томате. Так мы отметили 1 Мая.

А вчера на лужайке у казармы легли, как на маёвке, взяли печенья в магазине, мама сливочное масло прислала — вот мы и наслаждались удовольствиями потусторонней жизни. Илья всё время ждал свою жену (правда, он с ней не расписан) — она должна была приехать к нему на Май. Перед вечером она приехала, но этот приезд доставил ему много огорчений. Она сказала, что приехала 1-го, а подружки, бывшие вместе с ней, обмолвились, что с самого 30-го стремились попасть на парад, но — не смогли. Потом она почему-то темой разговора избрала продолжительность его службы. В завершение оказалось, что 1-го они познакомились с курсантами Академии, те пригласили их на вечер, и они торопятся... Он проводил жену с подругами и — вернулся. Представь, с каким настроением он любезно угощал нас привезенным тортом! Уверен, что он долго не мог заснуть. Так закончилось и 2-е.

А сегодня до самого обеда я пробыл на гарнизонном стадионе — бегали на 1,5 км. Норму разряда не выполнил никто, а я тем более. Пришли, пообедали под плавные звуки романса Рощина (наш оркестр играл), пришли в казарму, я побрился, поспорил со своим сержантом о женщинах, и — снова кино. На этот раз глубокое прошлое, «Невеста» по А. Чехову. Как ни странно однообразие моих оценок, но — тоже хороша! И как много в этом "глубоком прошлом" сегодняшнего, нашего. Как

еще много надо делать! Кстати, вчера, когда лежали на траве, Юрка как-то произвольно листал Ленина, и вдруг в глаза бросилось место, где как раз интересующее нас. Мы только что говорили о попытках борьбы и их последствиях. И вот читаем, что бюрократизм сразу победить нельзя, для этого потребуются долгие годы, что борьба с ним у многих вызывает уныние, неверие, наконец, отчаяние — и у человека падают крылья. Вот. Именно этого состояния и нельзя допускать. Драться и драться, верить, что если не ты, то дети твои закончат начатое тобой благородное дело. Знаешь, Соник, как это меня вдохновило! Я ведь за свою коротенькую жизнь успел познакомиться со школой, артелью, техникумом, заводом, стройкой, военным складом, теперь — и с армией. И везде — хоть что-нибудь — обязательно нужно ломать. Остается только выбрать — либо жить, закрывшись от жизни уютом и теплом обставленной комнатки и быть неудовлетворенным своим существованием, либо — драться, хотя это стоило бы благополучия. Но ведь это хорошо — знать, что ты чем-то живешь, и что это "что-то" — нужно и благородно. Да-а... Ты не пугаешься меня, Соник? Не надо. Мне ведь до демобилизации далеко, а за это время, быть может, меня "научат жить", чего так хотел многоуважаемый Кайгородов.

Сегодня в конце соревнований вдруг пошел дождь. Все побежали под навес, а я остался под дождем. Глядел куда-то далеко-далеко и думал о тебе. Где ты, хорошая моя? Приезжай, Соник. Скорее! Мне так не хватает тебя! Сонечка, сейчас я жду от тебя письма, подробного. Как только я его получу и уверюсь окончательно, что ты приехать можешь, сразу же даю телеграмму, если она нужна. Ты мне, если поедешь, дай из Москвы телеграмму.

Если отпустят в Минск, я тебя встречу. Если нет — знай, как до меня добраться. От вокзала нужно троллейбусом доехать до Комаровки (остановка такая). На Комаровке сядешь на автобус маршрута Комаровка — Колодищи и доедешь до остановки «Вторые ворота». Здесь, в воротах, спросишь, как найти в/ч 06017. Тебе покажут. Идти не близко, учти. Придешь сюда, к нашим воротам, скажешь, что я курсант полковой школы. Меня вызовут. Вот так. Сонечка, если в Ухте есть, купи, пожалуйста, пару фотопленок. Если удастся, Витька нас с тобой здесь сфотографирует. Когда-нибудь будем показывать детям. Правда? Соня-союшка и Сенька в военной форме! А они будут спрашивать: «А что, наша мама тоже в армии была?» — «А как же, вы же видите, что мама в фуражке со звездочкой!»

Сонечка, милая моя, хорошая, скорее приезжай!

Р. С. Получил от Ляли письмо, как всегда, оригинальное — на двух открытках. Пишет, что видела Ольгу Антоновну и Неймана, интересовались нами.



Поздравь меня. Вчера в ГДО состоялся вечер, посвященный Дню печати. И после доклада мне вручили “ценный подарок” за лучшие стихи. Подарок этот — библиотечка из семи книг: «Очерки теории и истории русского стиха» Тимофеева, «О Горьком — художнике слова» Ленобля, «Из эпохи «Звезды» и «Правды»» Ольминского, «Калинин об искусстве и литературе», «Статьи о советской литературе» Луначарского, «Очерки по стилистике русского языка» Гвоздева и «Мудрое слово» — сборник русских пословиц и поговорок. Во! На каждый экземпляр наклеен красный ярлычок-ромбик, на котором напеча-

тано: «Курсанту Кравцу за лучшие стихи, напечатанные в газете «Патриот Родины». Май 1958 г.» Очень приятно было. И каждый подходит, поздравляет...

Сегодня я стою в наряде. Вчера, прямо после вечера, после кино пришел, успел поужинать и сразу — на пост. Новостей особых нет. Каждый день и целый день одно и то же: жду от тебя вестей, радостных. Да, от Борьки письмо получил. Он уже работает. На стройке. Десятником.



Только что пришел с улицы, из-под дождя (мы устанавливали палатки), зашел в ленкомнату, а Витька вручает мне письмо от тебя. И я, еще не зная, о чем ты пишешь, обрадовался. Больше, чем обычно. Ведь еще не было такого случая, чтобы я не успел ответить тебе на одно письмо, как пришло второе. Спасибо, милая. Мне так дороги твои письма!..

Значит, ты приехать не сможешь... Так. Ясно. Не будем больше возвращаться к этому вопросу.

Сонечка, то, что ты не умеешь писать письма, это неправда. В каждом письме я слышу тебя, чувствую тебя и не читаю десять раз подряд только потому, что времени хватает только на 2-3 раза. А когда есть время, вынимаю все и перечитываю одно за другим. У меня чаще всего получается так, что письмо приходится писать на скорую руку. Оттого они и сухие, даже несколько отдают раздражением, так как я всегда в такие минуты страшно зол на то, что не только поговорить с тобой не могу, но даже и письмо по-человечески написать.

В отношении стихов — за откровенность спасибо. Но я оправдаюсь, если это будет убедительно. Я ведь написал их сразу, не переделывая, — раз, не для тетради, а для

Боевого листка, — два. И потом, не сочти подарком стихотворение, нет. Я подарил тебе сам факт его напечатания. Ведь это первый раз в жизни. В этом письме я пошлю тебе еще одно напечатанное в газете стихотворение — «Военкор». Это по заказу редакции ко Дню печати. Ну, ладно об этом.

Сонечка, хорошая моя! Мы здесь часто разговариваем о женщинах, о любви вообще, о женах. В армии такие разговоры часты, и именно здесь раскрывается истинное отношение к женщине. Я всегда с большой гордостью говорю о тебе, Соня-Софья. Только ты себя, Соник, не терзай. Мы жили немного, но как было хорошо! Тогда ты часто была недовольна, мы иногда ссорились, но я бы хотел, чтобы все это вернулось, с ссорами и недовольством, бог с ним! Ничего, время идет, медленно, но верно. Будем вместе, проживем лучше прежнего.

Недавно мы лежали в палатке и мечтали с “профессором” о будущем, о нашей встрече через 10 лет, во времена личных вертолетов и helicopters, воздушных такси, телефонов с экраном... Хорошо было мечтать!



Пишу тебе в воскресенье. На улице жарко-жарко, а мы еще зимнее нижнее белье носим, трусы и майки не дают. Сейчас снял гимнастерку и рубашку — и сразу легко стало. Рубашка мокрая, по лицу струится пот. Палатку мы раскрыли, так что сижу под вольным ветром. Только что пришел с почты — еле упросил замполита отпустить. Тот всё боялся, что попадусь патрулям.

Наши хлопцы бежали кросс 3 км. 9 человек уложились в разряд, из них 8 — из нашего взвода. Хорошо!

Сонечка, в отношении стихов моих Марк прав. Чем дальше, тем хуже. Как-то всё притупилось и — самое главное — уже иссякает запас слов. Протоколно получается. Тебе писать стихи я просто боюсь. Заранее знаю, что не смогу передать себя.

Вчера мой Витка дал прочесть целую пачку писем от девушки, знакомой ему только по переписке. Меня что поразило? Живет она в деревне, в Ростовской области, окончила 7 классов, рассуждает же очень здраво, более чем современно, в жизни стремится к чему-то большому, причем искренне и — по-взрослому, серьезно. Неужели мы ошибаемся, что люди деревни намного невежественнее городских? Впрочем, и там — разные.

Соник, комаров тут до черта и, что наиболее досадно, — все кусаются. Вчера вечером кино было (а оно у нас сейчас в летнем зале), и “зрители”, прежде чем сесть, варварски обламывали ближайшие деревья, дабы было чем отмахиваться от комаров. А твой покорный слуга избавлялся от них густыми клубами табачного дыма и звонкими оплеухами. Смотрели «У порога жизни», хорошо задуманный и отвратительно поставленный и сыгранный монгольский фильм. Ступицкий, комсорг наш, даже ушел. Кстати, Сонечка, помнишь, я писал, что к нему приезжала его девушка-жена, приезжала странно и оскорбительно. Так вот, недавно он получил от нее “драгоценный подарок” — все свои 38 писем. Приятная бандероль, не правда ли?

[СОНЯ]

Поздравляю тебя с праздником и желаю очень-очень скорой встречи, здоровья и успехов в службе.

Мой родной! Тысяча, миллион извинений за долгое молчание. Ругай меня, как хочешь, только, умоляю, не обижайся на меня. Марк и Раечка уезжают 16 мая в Одессу, так что писать буду регулярно, то есть через день-два. Но что писать? Новостей-то у меня никаких.

Сенечка! Сегодня у нас вечер, а у меня сейчас слезы стоят в глазах. Какой может быть праздник, когда тебя нет со мной. Мне очень тяжело. Просто тоскую. Мне ничего не мило. Скорей бы уже закончилась служба! Через 10 дней будет полгода, как мы не виделись.

От мамы получила вчера вторую посылку. Ты знаешь, Сеня, мне стыдно, что мама каждый раз посылает посылки. Мне не хочется, чтобы она тратилась на меня. Ведь я теперь, слава богу, обеспечена — 700 рублей получаю на руки. Я напишу маме, чтобы она больше не присылала, правильно?

Мой миленький! Как я люблю тебя! Как мне хочется сейчас положить голову на твою грудь и хорошо поплакать! Ты бы меня успокаивал и целовал, правда? Как мне хочется к тебе, но увы и ах! Отпуск за свой счет не дают. В июне я тем более не смогла бы, потому что многие уходят в отпуск. Ты же знаешь, что у нас на юге все хотят в отпуск летом, а на севере тем более. Нам, наверное, придется иногда работать по одному человеку, то есть и за дежурного лаборанта, и за дежурного по водоочистке.

Заметка хорошая! Очень довольна твоими успехами. Приятно читать, я горжусь и всем хвалюсь: «Вот у меня какой муж». И стихотворение мне очень понравилось. Это правда, веришь?

Сейчас я дома одна. Марк и Райка ушли на вечер, а я не пошла. Настроения нет. Сегодня утром меряла белое платье, уже не то. То ли я уже постарела и подурнела, то ли я никогда не была хороша в этом платье. Рыбка, я была когда-то симпатичная или нет? Ты всё еще меня любишь? Мне все говорят: «Он тебя забудет и найдет другую». Я говорю, что это неправда. Я верю тебе, рыбка.



Ласточка моя! Вот если бы ты действительно был ласточкой, ты бы прилетел ко мне, хоть на несколько минут, правда? Милый! Спасибо тебе за последнее письмо. Такое хорошее, что я, наверное, его раз десять подряд читала. Вот ты счастливый человек, умеешь письма писать, а я не умею.

Новостей у меня никаких.

Сенчик! Скажу откровенно, стихи у тебя бывали лучше. Но спасибо тебе за подарок. Я очень рада за тебя. Вчера, то есть 3 мая, исполнилось 1 год и 4 месяца, как мы поженились, а вместе жили-то совсем мало.

Сейчас я работаю в ночь, уже шесть утра, мне очень хочется спать, а всю ночь была молодцом. Ты ведь знаешь, что вечером я поздно уснуть не могу, а зато утром не буди меня рано. Но я согласна лечь очень поздно, только чтобы ты, именно ты разбудил меня рано-рано. Поцеловал бы в глаза, в лоб, и прижал меня к себе. О, Сенчик, как я соскучилась по тебе, по твоей ласке!

Начал “стучать” сепаратор, то есть пошли гидравлические удары, и все мысли спутали.

Прошу тебя, пиши теперь чаще. Что хочешь, пиши, только пиши. Сейчас Марк с Раей уедут, и я останусь одна.



Наш сосед получил новую квартиру. Они перебрались, а мы остались в старой, но уже на всю. Сейчас у нас хорошо. Элла с Марком будут жить в отдельной комнате сами. Я буду жить с детьми.

Марк с Раей уехали сегодня, и так стало пусто, просто жутко. Мне ведь теперь ночью придется одной спать.

Сеня, хочу с тобой поговорить по телефону, но не знаю, есть ли у вас возможность на почтовом отделении и разрешат ли тебе. Напиши мне, и тогда я закажу разговор. Хотя бы скорей закончилось лето, а там ты скоро приедешь в отпуск.

Милый мой! Если любишь меня, то старайся, чтобы тебя отпустили ко мне.

Мне твое последнее стихотворение «Военкор» понравилось, а Марк его разбил в пух и прах и говорит: «Чем дальше он пишет, тем стихи слабее».

Сейчас они уехали, а у меня работы непочатый край. Стирки собралось ужас сколько, мыть надо двери, окна (а их немало), балкон. В общем, надо наводить порядок.

Марк болел, но уехал здоровым. Раечка умница, болтает безбожно. Мне сказали, что откогда мама уехала,

она стала вести себя гораздо лучше. Все лавры этой победы отношу, конечно, на свой счет.

По хозяйству доставалось. Ведь мне приходилось и варить, и мыть полы, и стирать, и убирать, да еще и смотреть за Раечкой и работать. Я, безусловно, устала, гулять, в кино ходить, читать я, конечно, не имела возможности. Да к тому же приходилось то зашить, то заштопать. Теперь имеешь представление о моей жизни. Но ничего, это на пользу. Ведь у нас будет тоже такая семья, так что буду в курсе дела, но у меня будет помощник, мой друг, моя любовь — Сенчик-птенчик.

Да, здоров ли ты? Мне снился нехороший сон. Обязательно напиши, как себя чувствуешь.

Я чувствую себя неважно, почему-то болит под грудью на левой стороне. Ходила к терапевту, она сказала: «То ли простуда, то ли невралгия». Так я точно и не узнала.

Мне иногда бывает так скучно, что просто тошно. Пойду на работу — там легче. Все-таки люди, и поговоришь, и посмеешься, душу отведешь.

Буду теперь писать тебе регулярно, только писать не о чем. Совсем отстала от жизни. А о моей любви тебе, наверное, надоело читать. Сенечка! Напиши, любишь ли ты меня по-прежнему?

Если хочешь получить представление о моей работе, то читай следующее стихотворение — репортаж, который написан одним нашим ТЭЦовским поэтом.

Стоит Соня у рабочего стола.
С конденсатом четвертиночку взяла,
Долила какой-то жидкости грамм пять,
Потом стала туда капель прибавлять.

Поболтала, посмотрела, поняла.
(Пена на стекле устойчива была.)
«Жесткость — норма, — она Маше говорит, —
Надо щелочность котла определить».

Снова колба, снова жидкость (разный цвет).
«Настроения работать что-то нет!»
Призадумалась, вздохнула глубоко:
«Жить без милого на свете нелегко».

Когда дрожь начнет немного пробирать,
Потеплее надо место выбирать.
Посидишь, к трубе затворной подойдешь,
Еще глубже, еще жалобней вздохнешь.

Или сядешь возле фильтра номер пять,
Станешь песенки, романсы напевать.
Спину греет, словно ночью у костра.
Потихонечку “придавишь комара”.

И опять задвижки крутишь, вентиля.
Жизнь прекрасна, откровенно говоря!
Так закончив день рабочий, трудовой,
Ты спокойно отдыхать идешь домой.

Вот и всё. “Придавить комара” — значит вздремнуть.
Опаздываю на работу.

июнь'58

[СЕНЯ]

Ты пишешь, что чувствуешь себя плохо. Это плохо. Надо к врачам, Соник, чтобы не вернулось это. Пожалуйста, Соник, не упрямясь. Сходи. Узнай. Возможно, нужно срочное лечение. Слышишь, Софеея? Сходи!

«Повесть о бедных влюбленных» я здесь смотрел. Не пойму я этих “некоторых”. Мне, например, тоже понравилась. А вот в субботу смотрел фильм-спектакль «Белая акация» в постановке Одесского театра музыкальной комедии. Играли Дембская, Водяной. Показывали Оперный, бульвар, Потёмкинскую лестницу. В общем, расстроили меня жутко. Не скоро мне все это увидеть.

От Борьки было письмо. Пишет, уже первый аванс получил. Встречается с девушкой уже четыре месяца и «не собирается отдавать концы». Успел уже испытать ревность! Какой прогресс! А когда-то он меня не понимал. Ведь это не от отсутствия доверия, отнюдь не от этого.

Соник, вчера я получил свежий номер газеты. Мой рассказ напечатали.

Между прочим, несколько дней назад пришел к нам парторг части, сказал мне, будто ему поручили попросить у меня заметку для окружной газеты. Говорит, «получите рублей 50». В окружной-то платят за напечатанное. Я написал, но наспех. Не знаю, напечатают ли.

В пятницу отстрелялся на «5». Вчера поругался с моими сержантами, сегодня из-за головной боли получил освобождение на три дня.

Смотрели научно-популярный фильм производства «Ленфильм» «Дорога к звездам». Какая чудесная, увлекательная фантастика! И как стыдно, что вот скоро на Луну полетим, а ведь на Земле не всё-то еще устроено. И люди не хороши, и жизнь не сладка, и техники мало. Вот ты соль лопатой разбиваешь? Как хочется что-то делать, большое, нужное, полезное! Читаю сейчас Эренбурга. Прочел его повесть «Второй день», и захотелось на стройку, бригадиром...

И писать тоже хочется. Так, чтоб люди задумывались. Вот Борька пишет, что из меня поэт выйдет. А я не верю. Слов мало, чувств мало. А писать — уметь надо. А я — не умею. Вот и делай выводы. «Рожденный ползать летать не может».

Ну, закончу. Недавно, в состоянии почти отчаянном, почти не задумываясь, написал: «Изможденный тяжестью разлуки, я хочу твоих касаться губ, чувствовать, как трепетные руки непокорный мой ласкают чуб, слышать твоё жаркое дыхание, видеть радость в искорках очей... Я упал бы, верно, без сознания от одной от близости твоей». Вот. Настроение и сейчас не лучше. И не улучшится, по всей вероятности, пока не получу отпуск. А это — очень сложно. И, что самое жуткое, зависит не от меня. Хорошо, если в ноябре-декабре, а то, может, и позже. Вот и подумай, сколько и как надо держаться, крепиться и — молчать, стиснув зубы. А всё казалось таким простым! Даже уже будучи в армии, я писал в стихотворении «Встреча проездом», посвященном Игорю Орешко: «Что же, мама, до встречи. Три года — не век!» Какое там «не век»! Это 1095 вечностей, каждая продолжительностью в 16 мучительных часов сознания, исключая 8 часов сна, положенных в сутки. Да и сон иногда уходит.



Очень спешу, так как через час нужно уезжать на полигон: я в числе других назначен огневым посредником и сейчас участвую в боевых стрельбах. Всё это интересно, ново и романтично, так как всё происходит, как в бою, а есть и спать приходится под открытым небом.

Твое письмо меня взволновало. Ты что, была больна, лежала? Напиши.

Что нового у меня? Вчера были в Минске, в музее Великой Отечественной войны. Ходили с начальником школы и неожиданно получили относительную свободу. Сделали несколько снимков.

Сонька, уже команда строиться на ужин. Закончу.

Целую крепко-крепко, Сенька.

P. S. Уже 16-е. Сегодня написал:

В черной сожженной траве,
В щепках разбитых берез,
В неба густой синеве,
В солнце, слепящем до слез,

В звонком неистовстве птиц,
В ветра порывах лихих,
В свете багряных зарниц,
В леса тропинках глухих,

В облачках — всё бы им плыть! —
В дыме костров, где посты,
Всюду, лишь веки прикрыть, —
Ты, ты, ты.

/Полигон/



С добрым утром, и поздравляю тебя. Хорошая моя! Сегодня тебе исполняется 21 год и — 21-го. Сонька, старушка, ай-яй-яй, как тебе не стыдно? Такая маленькая, а уже третий десяток разменяла!

Ночью мой сосед слева — ташкентец Иванов, которого в шутку называют «курсант Ваня», — два раза со сна яростно целовал мое плечо. Я просыпался и с трудом засыпал.

Утром мы говорили с Витькой, и я вспомнил, как я впервые поцеловал тебя. Ты плакала... Теперь ты плачешь, оттого что некому тебя целовать, оттого что я далеко...

А мне тоскливо, грустно и муторно на душе. Утром я весь был в праздничном настроении, сиял, смеялся и шутил. А сейчас грустно. Завтра воскресенье, и мне не придется воспользоваться им: сегодня заступаю в наряд. Идет дождь. Недавно получил письмо из окружной газеты «Во славу Родины» с просьбой заполнить анкету военкора. Это значит, что открылась возможность там печататься, если, конечно, будет что печатать.

Что писать, Сонечка? Нелегко, со всех сторон нелегко, и нужно обдумывать каждый шаг, чтобы не ошибиться, чтобы принять правильное решение.

Завтра — праздник, День открытия летних лагерей. Все готовятся демонстрировать оружейные приемы, я же в этом принимать участие не буду, так как не был на тренировках — был на боевых стрельбах.



Сонечка, как я жду твоих писем и как радуюсь им, особенно таким, как это! Милая моя! Вчера я закрыл глаза и увидел тебя. Ты только-только проснулась и, сидя на постели, жмурила глаза от яркого света. Я даже вздрогнул. И от неожиданности, и от ощущения жуткой действительности. Ведь это только видение! Выражение твоего лица было удивленное и беспомощно детское. Казалось, ты сейчас протянешь руки и позовешь меня, чтоб я защитил тебя от этого вероломного света. Очень тяжело без тебя, Сонька. Веришь? Очень тяжело.

Соник, ты пишешь, что работала помощником машиниста? Этак, пока я из армии вернусь, ты универсалом ста-

нешь? Поздравляю. Молодец. Но здоровье как? Задвижки еще тяжелы или нет? И вообще? К врачу всё-таки надо. Очень приятно, что мой рассказ понравился. Но, честно говоря, очень уж сентиментально получилось. Все чувства по полочкам.

У меня почти ничего кроме того, что отправил заметку в окружную газету и что на штурмовой полосе не уложился даже в "тройку". Успехов, как видишь, кот наплакал. Сегодня снова шел сильный дождь, было холодно. Вот и всё. Закончу. Жду фотографии.

[СОНЯ]

Письма твои получила, и открыточку тоже. Очень рада твоим письмам, но когда уже будет конец им? Я хочу тебя видеть, разговаривать, гулять, ласкать.

Пишу сейчас на смене.

Сегодня утром смотрела кино «Повесть о бедных влюбленных», картина мне понравилась, но некоторые другого мнения. Ну, в конце концов, у разных людей разный вкус.

Устала страшно, а в сущности, ничего и не делала. Ноги, как чугунные, болят и опухли. Очень побаливает правый бок. Чувствую себя очень плохо. Недомогание, головная боль, вялость какая-то. Боюсь, чтобы не вернулось. Мне одной будет очень тяжело. Погоды тут жуткие, всё время холодно. Дома страшная тишина и скука. Нервы распались совсем. Боюсь одна оставаться дома.

Сенечка! Очень скучаю по тебе. Когда уже лето пройдет, а? Ведь осенью ты же обязательно приедешь. Уже многие хотят с тобой познакомиться.



Сегодня ровно 7 месяцев, как мы не виделись. Вечность прошла.

Извини, что сразу не ответила. Конечно, виновата, безусловно. Но такое настроение, что боюсь тебе писать. Чувствую себя неважно физически, а еще хуже морально.

Теперь у меня пожар, в смысле срочной уборки. Марк приезжает 14-го, а у меня работы еще непочатый край. От Ляли сегодня получила письмо. Собирается в июле ко мне в гости.

Сенчик! Была в театре (приезжал Сыктывкарский драмтеатр), смотрела «Операция под грифом «Секрет»» и «Коварство и любовь». Обе пьесы мне очень понравились. Очень хорошо играют некоторые и, между прочим, не заслуженные, а некоторые заслуженные играют страшно.

Погоды у нас жуткие. Только позавчера снег выпал. А потом дождь, и так всё время. Вероятно, лета я в этом году не увижу. Но ничего, на следующий год обязательно летом отпуск возьму.

А между прочим, ты знаешь, что мы несчастливые? Так знай. Я покупала лотерейные билеты: одни надписала — Сеня, другие — Соня, но ни ты, ни я ничего не выиграли.

У нас к одной лаборантке (помнишь, я писала, что ходила с ней на танцы) приехал молодой человек. Она с ним дружила, он ушел в армию, сейчас служит в Ленинграде в Радиотехническом училище. Его

отпустили на 10 дней в отпуск. Она сейчас с ним гуляет, ходит в кино, в театр. Мне прямо завидно, хотя это нехорошо.



Ты, действительно, прав, что даже поцеловать меня некому. От Эллы получила телеграмму, очень теплую. Очень ей благодарна. Уже соскучилась по ней и не могу дождаться ее приезда.

Сенечка! Я не отвечала по простой причине — была больна (ангина). Только, умоляю тебя, не пиши домой, а то будут волноваться. Теперь чувствую себя хорошо. Боюсь, что пошлют меня на сенозаготовки на два месяца. Ведь там я совсем дойду! Но я решила, что лучше уволюсь, чем поеду.

Ты спрашиваешь о моих отношениях с Эллой и Марком. С Эллой я живу хорошо, советуюсь с ней, вместе многое делаем по хозяйству. С Марком дела хуже, потому что у нас характеры жуткие и не ругаться мы не можем. Элла нас без конца мирит. Он страшно вспыльчивый, а я знаешь какая, не уступаю в этом никому. Меня на ТЭЦ уже многие называют спичкой.

Живут Элла с Марком очень хорошо. Любят друг друга, берегут. Он очень внимателен к ней. Всё решается у них сообща. Семья очень дружная и веселая. Я бы хотела, чтобы так было у нас.

Перемена климата на меня особенно не повлияла. Чувствую себя лучше, чем в Чирчике. Работой я довольна.

Уже собрала 400 руб. — я заказала Ляле привезти кое-какие вещи, так что пока она придет, я думаю, денег у меня будет достаточно, чтобы расплатиться.

Сейчас читаю «Повесть о бедных влюбленных» — сначала смотрела картину. Прочитала «Дело пестрых» и «Парень из Сальских степей»! Сейчас мне принесли «Поселок у моря», продолжение «Сын рыбака». Вот и вся моя жизнь. Сплю, читаю и работаю.

июль'58

[СЕНЯ]

Соник, я не лицемер и не притвора, говорю тебе совершенно серьезно, что тебе нужно быть под постоянным контролем врача и не плевать даже на малоопасную ангину. Я не взываю ни к твоим чувствам заботы о своем здоровье (ее, как и у меня о своем, — нет), я прошу только сделать мне приятное. И уже в который раз!

Софя, ты помнишь, я как-то говорил, что мне не снятся сны? А теперь — снятся! Как я ни устаю, а сплю плохо и — сны вижу. И тебя — очень часто. Недавно видел тебя почему-то с моей мамой. Вы были так похожи и так влюбленно смотрели друг на друга, и так дружно меня за что-то ругали!

Тяжело без тебя. Но становится легче, когда оглядываешься назад. Ведь уже июль начался! Июль. Завтра — сколько? — ровно полтора года нам с тобой, правда? Год назад я уже работал в этот день с Аркадием и, уходя на работу, поздравил тебя и поцеловал...

Сегодня уже третье. Вчера не успел закончить письмо.

Соник, ты спрашиваешь, что побудило меня задавать тебе такие вопросы. Ты знаешь сама, что время от времени появляются мысли — не вернуться ли тебе в Одессу. И ты сама имеешь это в виду как возможный вариант, да и в Одессе, как я тебе писал, об этом говорят.

Я очень благодарен Марку и Элле, что они с такой готовностью пригласили тебя, что неплохо встретили, что устроили на работу. С другой стороны, твое (да и мое!) нежелание стесняться. Теперь — приезд Ляли и возможность ее работы в Ухте. (Кстати, Ляля сможет устроиться? Ты узнай, ведь она на это надеется.) Вопрос, сама понимаешь, серьезный. Решение его в конце концов зависит от тебя. Я хочу, чтобы ты спокойно, по-взрослому, без горячки обдумала все это. Остаешься — значит, остаешься. Уезжаешь — значит, так тебе лучше.

Но как бы там ни решилось — ничего, выживем. Помнишь, Макаренко говорил — «Не пищать!»? Вот мы и не будем. Верно? Держись, мой Соник, «на свете два раза не помирать. Ничто нас в жизни не может вышибить из седла». Помнишь? Школа, детство — позади. Мы уже взрослые. Жаль, Сонька? Немного грустно. Ведь детство — это беззаботное веселье. Но сейчас хоть и трудней, зато — интересней. Правда? Во!

Ну, до побачення, моя любя!

Целую крепко-крепко мою Сонечку в глаза-непробудки и в губки-незабудки.



Было бы очень хорошо, если бы Ляля устроилась на работу в Ухте, на достаточно удовлетворяющую ее работу. Но я думаю, что это вряд ли возможно. Вероятно, ты, Софья, думаешь так же. И, вероятно, уже решила ехать

к маме. Что я могу сказать? Хотел, чтобы Ляля заехала через Харьков ко мне. Но — Ляля не смогла. А писать... что писать? То, что не хочется, чтобы ты к маме ехала, — ты знаешь. Почему? Черт его знает. Слишком горжусь нашей самостоятельностью и боюсь ее потерять, как свою, так и твою. В общем, смотри сама. Может, действительно, лучше жить у мамы, и твоя поездка на Север была моей ошибкой, может быть. Но — хорошо подумай. Письмо мое придет числа 18–19-го, Ляля уже будет в Ухте. Обсудите всё, посоветуйтесь и — решайте.

Что у меня? Хожу злой, что не могу получить отпуск и приехать к тебе.

Сегодня были на озере. Ребята шутят: «Ехали два часа, а в воде были 1 минуту 30 секунд». Это мы сдавали плавание на ГТО. А купаться не пришлось.

Нашел меня там подполковник Андреев, редактор дивизионной газеты. Просил написать очерк о ком-нибудь из курсантов. Трудновато, но заманчиво. Еще сказал, что московской комиссии, приехавшей проверять работу газеты, он представил отчет, в который включил концовку одной моей заметки. Говорит: «Начальству понравилось». Обещал “пустить в номер” мое стихотворение «Третий вертится». Договорился с нашим начальником, чтобы меня отпустили на днях в редакцию.

Сегодня Юра Мальцев — помнишь? — получил посылку из Ташкента — яблоки, помидоры. И он, и мы были очень тронуты. Ведь у него никого нет — на почве ревности его отец убил его мать, и сейчас в тюрьме. А посылку прислали... соседи. В посылке было письмо. Пишут, что всем двором ремонтируют его квартиру. Мы даже замолчали все. Ведь как хорошо, а!

Вот так, живу чужими радостями, страшно, до психа, скучаю, тоскую.

Обещают экзамены в октябре, во время подготовки к параду. Если бы! Тогда 7 ноября выпуск, числа 10-го — прощай, Минск, и, быть может, в декабре — здравствуй, Софья, хорошая моя... Если бы! Но боюсь, что увидеться удастся только после Нового года.



Сегодня суббота, короткий день, но и настроение, и погода отнюдь не выходные.

Во вторник мы с Витькой Александровым были в редакции дивизионной газеты. Принесли туда выпуски нашего «Наждака». Понравились. Несколько карикатур с моими подписями собираются использовать для газеты. Я принес туда свой очерк. Как его оценят там — не знаю. Ну а пока — твоего Сеньку сфотографировали для газеты. В редакции познакомился с одним парнишкой, Давыдовым. Он там корректор, и фотограф, и художник. Служит первый год, а до армии работал в издательстве «Известий», выпускал газету «Шестой фестиваль», журнал «Иностранная литература», так что парень знает немало, очень интересный и как-то быстро сходится с людьми.

Вот это мои внеармейские, вернее внеслужебные, новости. А по службе — готовимся к выступлению на республиканской спартакиаде. 27-го будем показывать оружейные приемы. Представь сама, каковы масштабы, какова ответственность, какова трудность заставить две с половиной сотни людей работать, как один человек, и какова у нас нагрузка.

Но это всё мелочи. Два вопроса занимают меня сейчас. Один — это ты. Ляля выехала из Одессы 9-го, значит, сейчас она уже в Ухте. Что вы решили? Остаетесь ли? Уезжаете ли? Почему я ничего не знаю? Я — как в колоде, который сверху еще и крышкой прикрыли.

Второй вопрос это, Сонечка, партия. Дело в том, что начальник школы предложил мне вступить в кандидаты. Конечно, приятно было. Но тут же раздумье — не рано ли? И — кроме того — это ведь дело очень серьезное. Такие вещи наполовину ведь не делают. Если уж быть членом партии — так уж действительно быть им.

Сонечка, я не предпринимаю никаких шагов до тех пор, пока ты не скажешь своего мнения. Договорились?

Ну, закончу. Ляле мой привет. Жду от нее письма и от всей души поздравляю с окончанием института.

Да, напечатали стихотворение.

ТРЕТИЙ ВЕРТИТСЯ

Третий спутник
мир облетает.
Третий...
Третий!
А не было ни одного...
Страна Советов
всего
начинает
Пятое десятилетие
существования своего.
Слепые в безграмотье
на пальцах считали,
Уткнувшись
в непроходимые дебри цифр.
Теперь
машины из мертвой стали

Мыслят, как живые.
Машины! — не слепцы!
Было время —
лоб морща,
Бились над яйца куриного
нутром.
Яйцо
атома куда больше!
А мы
штурмуем
атома ядро.
«Куда нам!» —
насмехались скептики,
Почести
французским самолетам
воздав.
Скептики и не состарились,
а уж лучшие на свете
Наши
реактивные воздушные
поезда.
О куске ржаного хлеба
мечтали,
В очередях
дни
простаивая,
А теперь
мечта об автомобиле
стала
Обычная,
осуществимая,
деловитая и простая.
Чудо?
Нет!
Чудеса — у бога.
Мы же — люди,
земные.
Но у нас

Первое в мире
Государство свободы,
Труд на себя
трудящихся масс.
За нами — будущее,
прекрасное и светлое,
За нами
и вселенной,
и счастья просторы!
Третий спутник
вертится...
Это
Вертится само
колесо истории!
/Курсант С. Кравец/

август'58

[СОНЯ]

Сразу не ответила на твое письмо. Но пока Ляля не придет, я ничего не могу решать. Я, может быть, уеду вместе с ней домой. Конечно, если бы она здесь устроилась, то вместе бы и остались. Жду Лялю с нетерпением.

С Эллой я переписываюсь, она сдала уже все экзамены и все зачеты. Теперь осталось сдать еще два госэкзамена. Чувствует себя сейчас не особенно хорошо, потому что переживает из-за экзаменов. Ну ничего, отмучается, а потом будет отдыхать.

К врачу я еще не ходила.

От Нади и Вовы получила письмо, тебе привет передают. Я еще не ответила. Борису тоже до сих пор не ответила, но надеюсь, что скоро буду в Одессе, увижу их всех и извинюсь устно. Так будет лучше.

Пишу на работе, а фотокарточки опять забыла дома. Но ничего, в следующем письме выплаю.

Ну вот, кажется, и всё. Да, прочитала «Поселок у моря». Больше понравилось, чем «Сын рыбака».



В воскресенье приехала Ляля. Марк и я ее встречали. Ляля ни капельки не изменилась. Очень молодо и хорошо выглядит. Уже окончила свой институт и получила диплом. Собирается тут устраиваться на работу. Если она тут устроится, то я не уеду отсюда, а если нет, то уеду.

Если будем уезжать домой, то я к тебе приеду. Предварительно тебя предупрежу, потому что ты должен будешь меня встретить.

Ходили втроем смотреть третью серию «Тихого Дона». Очень понравилась. Очень хорошо играют артисты. В субботу хотим пойти на «Память сердца». Ляля уже смотрела и с большим удовольствием пойдет смотреть второй раз. Прочитала «Мисс Монад» Шагинян. Очень мне понравилась. Сейчас читаю «Черное море» Паустовского (второй том) о Шмидте. Очень хорошо, красиво и легко пишется. Можно зачитаться.

На работе у меня пока всё в порядке.

Привет тебе от Ляли, Марка.

В почтовой переписке первый антракт. Соня принимает решение уехать из Ухты и вместе с Лялей вернуться в Одессу. По дороге домой, оставив Лялю в Москве, Соня на несколько дней едет к Сене в Минск, в Уручье.

[СОНЯ, Одесса]

Вероятно, когда я махала тебе рукой из самолета, ты меня не видел, потому что я сидела с противоположной стороны. А я тебя очень хорошо видела.

Как только самолет побежал по дорожке, я заплакала, но ты не видел моих слез.

Сенечка! Ты не можешь себе представить, как мне не хотелось от тебя уезжать. Потом я немного успокоилась, стала наблюдать за полетом. Вообще не страшно! Мы влетали в облака. Чувствовала себя хорошо.

В самолете я разговорилась со своим соседом. Он работает в Управлении машиностроения и станкостроения. Он сказал, что если бы я работала по этой специальности, он мог бы меня устроить в Минске. Вообще он сказал, если я буду у тебя еще, то смогу с тобой у них остановиться, так как у них квартира большая. Понимаешь, он пожалел нас — потому что сам женился рано, и его взяли в армию. В Москве мы сели в экспресс-автобус и доехали до площади Свердлова. Тут мы расстались.

На второй день после приезда в Одессу ходила провожать Эллу, а в день приезда была у бабушки. Она себя чувствует неплохо.

У меня были Вова с Надей — с букетом и тортом, а виновницы торжества нет дома (я ходила в баню). Так что я к ним пошла. У них очень хорошо. Я даже им позавидовала.

Все испугались, что я такая тощая. Но я всем обещаю, что скоро поправляюсь.

Сенчик, я срезала волосы, но завивку не делала. Срезала в день приезда. Милый мой, дорогой! Не ругай меня, до твоего приезда отрастут. Да мне и без косичек лучше.

15-го с Надей пошли к Светушке. Разговаривали с мамой. Она нам сказала, что Света с Жориком скоро собираются в Одессу. Вдруг открывается дверь и появляется Света, а потом Жорик с чемоданами. Светушка выглядит чудесно, а Жорка худой, но он после болезни. Извиняется, что не мог написать.

Дорогой мой, подала паспорт на прописку, но управлением заранее предупредил, что меня не пропишут. Я тогда пойду в военкомат, может быть, помогут.

Завтра днем собираемся пойти к Свербилю. Сомневаюсь, что смогу устроиться на Химзаводе, но попытка не пытка.

Сегодня был у нас Бора. Оказывается, его снова “забрили”. Сейчас он находится в госпитале на обследовании. Он уже должен был устроиться на работу, но пока с армией не решится, он не может ничего предпринять. Обещала быть у них во вторник с Лялей. Видишь, сколько сразу новостей. Все о тебе спрашивают, ото всех огромнейшие приветы.

Пишу сейчас письмо под музыку «de danse». Уже 0:35, хочется спать, но я всё-таки допишу.

Смотрела в Москве «Перед заходом солнца», немецкий фильм. Посмотреть стоит. Несколько дней была под впечатлением.

Любимый мой, далекий! Я хочу к тебе, забери меня, я очень скучаю.

Пиши побольше, я буду отвечать сейчас быстро. Как только что-нибудь будет слышно о прописке или работе, я тебе напишу.

СЕРЖАНТЫ

ЗИМА

сентябрь'58

[СЕНЯ]

Сонечка, дорогая моя! Как тебя назвать — не знаю. Любимая, хорошая... Есть много правильных слов, но они настолько знакомы и привычны, что часто внимание на них не задерживается. Нужная моя, понимаешь? Вот теперь — здравствуй!

Вчера вернулся из караула — мне дали твое письмо. Я его ожидал уже с беспокойством. Тут же, еще не поставив автомат и не сдав патроны, прочел его. Вчера писать ответ было уже некогда, зато сегодня — впереди целый день. Сегодня начинаются всеармейские автомобильные гонки, а мы стоим в оцеплении.

Лежу я сейчас на белорусской траве. Светит солнышко, шумит в березках легкий ветерок. Стрекохут вокруг кузнечики, прямо на тетрадь наползают суетливые муравьи, где-то сзади слышны голоса и треск сучьев. Передо мной — дорога на Вильнюс, идущая от шоссе Москва — Минск. Скоро по ней промчатся мимо нас гоночные машины разных марок. А пока — тихо.

Соник, слёз твоих я не видел, но если ты на трапе стояла за молодой женщиной с ребенком, то руку твою я видел. Проследил за самолетом, пока он не взлетел, — и пошел. Как будто оборвалось что-то внутри. Спешил в часть, будто там облегчение ждало. Казалось только... Знаешь, Сонька, такое ощущение жуткое, словно навсегда провожал. Тоска на каждом шагу преследовала. И вот теперь, оглядываясь назад, думаю: сколько еще тебе сказать надо было! Очень много. Но, наверное, если бы ты была у меня не пять дней, а в десять, двадцать раз больше, — все равно не хватило бы. Тем более обидно, что ты была здесь так мало.

Эх, Сонька, Сонька. Как только люди могут друг без друга? Вообще-то, конечно, могут, если другого выхода нет. Но если есть возможность быть вместе, как могут не воспользоваться ею? Не знаю. Помнишь, Соник, кто-то сказал, что человек без мечты, что птица без крыльев. Это ведь верно. И мне было бы сейчас гораздо труднее, если бы я не мечтал, что ты будешь там, где я. Надежда большая у меня на Полоцк. Там уже работают первые очереди крупнейшего в Союзе химкомбината. И если только меня направят из Смоленска туда, — а я буду просить, — то всё будет в норме. Комбинат новый, большой, люди нужны. Да и квартирное обеспечение там, вероятно, соответствует грандиозности предприятия. Вопросов, Сонечка, к тебе уйма.

Через день после твоего отъезда пошел к начальнику. Говорю, что зашел «спасибо» сказать. Ну он мне, значит, и говорит, что, мол, кому-кому, а мне — всегда пожалуйста, занимаюсь, мол, успешно и пр. И снова — относительно рекомендаций в партию. А по тону начальника видно было, что будь ты здесь хоть месяц, все было бы так же.

(Сейчас прошла мимо машина с желтым флагом. Значит, старт дан. И уже проносятся мимо гонщики. Одиночки, двойки. Быстро-быстро. Просто мелькают. Ну бог с ними.)

Значит, за истекший период Вы, миледи, успели побывать на Севере — раз, стать летчицей — два. Что ж, придется догонять супругу. Не приличествует же главе семьи отставать от своей жены, правда ведь? Вот всё и обошлось хорошо. А ты боялась. А твой попутчик... что ж, это только подтверждение того, что люди — они хорошие, и их надо и можно любить. Не всех, конечно, но большинство. И если очутимся мы с тобой когда-нибудь в Минске — зайдем. Не останавливаясь, а просто — засвидетельствовать почтение. Добро? Сонечка, Сонечка, расцеловать хочу в глаза. Ты не возражаешь?

За то, что у бабушки была в первый же день, — молодец. Вообще, с кем бы ты ни увиделась в Одессе, — меня интересует — как? Что говорят, как расценивают, как относятся. Всё. Нужно всё-таки знать, где мы ошибались, где были правы.

То, что ты тощая, — это плохо, то, что обещала поправиться, — это хорошо. Только чтоб слово — закон! Уговор? Но вот если ты в ближайшее же время не будешь у Ревекки — это будет очень плохо. Снова ты в Одессе, и снова появилось ее имя. Как знак близкой беды. Дело не в ней, она замечательный врач, но ты, ты... учти, что у меня ремень широкий и достаточно больной. Смотри, как бы не попало тебе по этой самой... как ее... забыл, черт возьми.

За то, что волосы срезала, я пока молчу, делаю вид, что ничего не знаю, что уверен — застану всё прежним по

приезде домой. Но если, не дай бог, приеду и увижу стрижку — буду ругаться. Люблю косы, ну что ты скажешь? Даже такие, какие не любишь ты сама.

Что касается рекомендаций, то жаль, конечно, что Ольга Антоновна не член партии, а адрес Неймана неизвестен. Значит, тебе не безразлично, буду я в партии или нет? А делать — что делать? Ничего не делать. Мне нужно две рекомендации. Придут — вступлю, не придут — тогда год ждать, пока не узнают меня на новом месте. Вот так.

Юрка сейчас лежит в медсанчасти с распухшей рукой — его что-то укусило. Ходит в халате и в тапочках, питается по 15-й норме, смотрит телевизор, спит сутками, в общем — кум королю. Привета я ему еще не передавал: вчера пришли поздно, а сегодня в 6 часов подъем — и сюда. Так что зайти нельзя было. Витёк и Илья шлют тебе взаимный привет. Витька тоже прихворнул — по-видимому, простыл в карауле. Но сюда его взяли — на ногах пока держится.

Вот это наши новости.

Не забудь о Ревекке. Пиши всё, Соник, чем живешь и что думаешь. Ясно?

Что еще писать? Нечего. Знай только, что я очень люблю тебя. Когда мы рядом — ничего сверхъестественного нет, всё обычно, как обычно, что человека окружает воздух и он дышит им. Но вот когда тебя нет... Представь, что нечем дышать. Как это трудно!

До свидания, Софья. Будь здорова, а во всех делах, как говорят северные моряки, — пять метров чистой воды под киль.

[СОНЯ]

1 сентября начала работать на Химзаводе. Устройство на работу заняло много времени и сил. Ты ведь знаешь, как я быстро устаю.

Я пришла к Свербилю и просила, чтобы он поговорил с Луговским. Он поговорил, и Луговской велел мне прийти. Приняли меня временно. Буду работать лаборантом в лаборатории по 5-му разряду. Начну, конечно, пробоотборщицей. Трудно придется, но что поделаешь.

Я очень довольна, что устроилась именно на Химзаводе и так быстро, просто чудо. Все удивляются.

Прописали меня безоговорочно, потому что муж военнослужащий.

Вес у меня сейчас 49 кг, представляешь, какой ужас, как в Чирчике. Делала рентген, когда устраивалась на работу, у меня обнаружили в другом месте очаги. Может быть, просто ошиблись, даже не знаю. У Ревекки была, но она в отпуске на два месяца.

Теперь, Сенчик, насчет переезда к тебе. Я решила, что если оставят меня постоянно работать на Химзаводе, то я никуда не уеду. Я считаю, что мама права, говоря, чтобы мы никуда не уезжали из Одессы. В 1960 году будет готов газопровод, так что сможешь устроиться в Одессе. В конце концов где-нибудь на заводе. Мужчине легче устроиться, чем женщине.

После армии приедешь в Одессу, сразу будешь прописан. Поступишь в институт, лучше в вечерний,

конечно. Мама сейчас состоит на учете по обмену квартиры, обещает выделить нам одну комнату.

Понимаешь, Сенчик, если мы уедем из Одессы, то потом мы вернуться не сможем, потому что нас не пропишут. Думаю, что ты со мной согласен. В конце концов, будешь работать где-нибудь на производстве — тебе дадут квартиру. Прошу, ответь мне, что ты думаешь по этому поводу.

Борис был у нас. В госпитале его признали негодным к военной службе по зрению, а дальше не знаю что. Передай привет Илье, Юре, Виктору и др. ребятам.

сентябрь'58

[СЕНЯ]

Дела у меня неважные. Настроение чемоданное, с нетерпением жду окончания школы, а это плохо сказывается на занятиях. Литературные “дела” тоже не ахти. На последнем семинаре военкоров мне предложили написать статейку в окружную газету на тему комсомольской жизни. Сегодня я ее начисто переписал, нужно отправить. “Творить” — некогда. Нужно написать три стихотворения и один рассказик, но время, время...

Юра уже здоров. Витька усиленно занимается фотографией. Илья сейчас откомандирован руководить ремонтом одного здания, но ночует здесь. Все очень заботятся, чтобы я аккуратно передавал тебе приветы. Вот это о ребятах.

Вчера смотрел «На переломе». Картина не особенная, но Одессу я немного увидел.



Сонечка, здравствуй, родная, любимая! Долго ли будешь вдали от меня? Долго ли будем разлукой тоскливой мучиться оба — и Сонька, и я? Долго ли письмами будем нечастыми радовать, Сонька, с тобой, долго ли выглядеть будем несчастными перед судьбой? Э-эх, жисть наша поломатая!.. Плохо. Но — не совсем. С работой твоей — хорошо, с пропиской — тоже. Здоровье...

Сонечка, 49 кг — очаги. Делай выводы и предпринимай что-нибудь решительное вопреки, быть может, и желанию, и настроению. Ревекку не жди, ты сама знаешь, что она присоветует, — крем, кашу, яйца, молоко. Вот так. Докажи еще раз, что ты взрослый человек, серьезный-серьезный. А, Софья?

Ну, насчет переезда ко мне. Значит, хочешь жить в Одессе? Ну а сколько мы с тобой будем зарабатывать? Где-нибудь устроиться я смогу, но ты ведь прекрасно знаешь одесские заработки и одесские условия жизни. Впрочем, Сонечка, об этом еще рано говорить. Впереди — два года. И за это время может встретиться всякое — и похуже Одессы, и лучше нее. Но, на всякий случай, если ты будешь работать на Химзаводе постоянно, попробуй записаться на квартиру. Кто его знает, быть может, за два года и очередь подойдет. А без своей квартиры, Соник, нам в Одессе будет трудно, сама понимаешь.

Значит, с Борькой и плохо, и хорошо. Конечно, хотелось бы получить от него письмо. Его письма всегда интересны новизной мыслей и суждений.

Сонечка, солдатка моя! Плохо, что ты не здесь, что ты худая, что ты болеешь. Хочешь, чтоб мне было хорошо?

Тогда выздоравливай, полней и приезжай ко мне. А? Хочешь? Хочешь, я знаю. И я хочу.

У нас уже холодно. Осень движется, приближая конец минского периода службы. Скорей бы, скорей бы.

[СОНЯ]

Вот сегодня уже 11 месяцев, как мы не вместе. Очень тяжело без тебя, да и надоело одной да одной.

Кушаю я хорошо, но почему-то не поправляюсь. Вероятно, скушаю, и всё идет не в пользу.

Погоды у нас сейчас дождливые. Работаю по-старому. Устаю.

Ляля работает по-прежнему в яслях. Вот и всё о ней.

Ну, кончаю писать, пора спать. Мне завтра в 6 утра вставать.

Будь здоров, рыбочка, расти большим и послушным. Привет ребятам. До свидания, мой мальчик, мой самый любимый! Целую крепко-крепко, твоя Софья.



Сегодня была у Ревекки А., но не застала дома. Боюсь, чтобы не было чего-нибудь серьезного. У меня был острый катар верхних дыхательных путей. Сначала голос потеряла, потом хрипела страшно, а сейчас кашляю.

Получила от Жорки и Светушки письмо, тебе привет. Живут хорошо. Жорка хочет ребенка.

Ну, больше писать пока не о чем. Привет тебе от наших, от Вовы, Нади и многих других знакомых.



Получила твое письмо и очень обрадовалась еще «точно неизвестному секрету». Вот если бы это была правда, было бы замечательно. А что на ногах “трибок” — плохо. Сейчас как себя чувствуешь?

Рыбка, так соскучилась по тебе, просто места себе не нахожу. Скорее бы в отпуск приезжал. Я уже считала, что на Октябрьские, ну, может, чуть позже, приедешь.

Была вчера у Ревекки. Она меня слушала и сказала, что дела плохи. Надо усиленно питаться, иначе малейшая простуда — и у меня будет вспышка. Ругала меня за аборт. Говорит, что он очень подорвал мое здоровье. Ревекка сказала, чтобы я числа 10 октября пришла на рентген.

Да, тете Мане пришла чёрная нейлоновая шуба. Мне очень в ней хорошо, как раз на меня. Хочу купить, но не знаю, сколько она за нее запросит. Если дорогая, я не возьму.

Насчет квартиры перспектив никаких. На учет сейчас уже не берут. Только если ты устроишься в какой-нибудь организации, которая строит дома, только в том случае мы можем получить квартиру.

октябрь'58

[СЕНЯ]

Ну разве можно так долго молчать? Ладно. На тебя сердись, не сердись, всё равно раз в месяц писать будешь, правда? Ух, Софея, Софея, бить тебя, да некому.

Соник, в отношении неурядиц производственных ты не очень волнуйся. Ты не пробоотборщица — уже хорошо. Что же касается 10 град расхождения, это, конечно, худо. Но — нет худа без добра. В обоих случаях 10 град. Нет ли здесь какой-то закономерности, общей для обоих случаев ошибки? Присмотрись, поищи — и, я думаю, найдешь. Это не беда. Неприятно, конечно, только без этого не бывает. Но, Софья, честное комсомольское слово, что результат анализа от меня не зависел. И не загадывай больше, ладно? Ведь не всегда так удачно получается, как тогда с билетами на «Кружку пива» во Дворце моряка. И потом — разве еще нужно гадать? Ведь скоро два года будет, а ты всё еще поверить не можешь. Ай-яй-яй, как не стыдно не доверять такому солидному и серьезному человеку — твоему мужу!

Что стихотворение понравилось — я очень доволен. Но Буме скажи, что его не только «Комсомолка» не возьмет, его не захотела взять «Во славу Родины».

Ты пишешь — Борька устроен, вероятно, хорошо. Ну разве это нужно понимать под «хорошо»? Слесарь без никаких перспектив. Борьке надо было уехать.

Ну, у меня что? Познакомился здесь с одним парнем, Анатолием Пинюгиным, одесситом. По комсомольской путевке уезжал на целину. Был там три года. Уже два года служит. Интересный парень. Личная жизнь у него необычно сложилась. Когда-нибудь расскажу — очень интересно.

В «Во славу Родины» написал очерк. Если и напечатают, то снова безбожно сократят, как и в первый раз. Кстати, за эту заметочку получил перевод на 28 руб. 90 коп. —

первый гонорар. В нашу «Патриотку» отослал этот же очерк и заметочку. Пришли в школу фотографировать “героев” моих “произведений”. Вот сегодня жду номер. Не бреюсь, пока что-нибудь не напечатают.

10 ноября должны начаться экзамены. В последних числах ноября — в первых числах декабря уедем. Остались считанные дни. В парадную колонну я, к счастью, не вошел. Ребята “рубают”, а я сачкую. Илью должны наградить значком комсомольского активиста. На всю дивизию два значка всего. Витьку обещают пустить в отпуск за художественную деятельность. Вот и все новости.

Говорил с майором мед. службы относительно тебя. Он сказал, что на жиры слишком налегать не стоит. Главное, чтобы организм получал абсолютно все витамины. Книга у тебя есть, в каких продуктах что содержится — знаешь, вот так и «организуй питание». А то, что ты умница, так... ты ж у меня умница! Так держать!

Я прочел «Вопросы психологии характера» и немного из книги «В человеке должно быть прекрасно всё» — настоятельно прошу достать обе и прочесть. Очень много интересных и жизненно важных мыслей. Паустовский и Толстой — это хорошо. Приеду — окунусь.

Читатель, наверно, обратил внимание — Семен Кравец не обо всем готов сообщать в своих письмах. Вот «Познакомился здесь с одним парнем», но — «Когда-нибудь расскажу — очень интересно».

Кто-то заметил, что о любви легче писать, чем говорить, это так. Но всем известно, что об очень многих вещах лучше говорить, но никак не писать. Тем более из армии. У армии всегда есть секреты. И даже тайны — «военная

тайна» это же с детских лет знакомое... И вот — «очень интересно», и потому — «когда-нибудь расскажу»...

А нам тоже интересно рассказать, что за тайный такой одессит там встретился. И мы предлагаем прерваться на не очень длинное “лирическое отступление”, которое через много лет Кравец в своих воспоминаниях назвал «Рядовой Пинюгин».

РЯДОВОЙ ПИНЮГИН

На фотографии, которую сделал Витя Александров, — наш армейский автобус с красным крестом на пузатом борту, а возле автобуса два крепких парня в больничных халатах — с короткой черной заческой это я, а со светлым ежиком над круглой головой — это Толя Пинюгин.

Курсант рядовой Витя Александров — мой товарищ по команде прикомандированных, а просто рядовой Толя Пинюгин — единственный одессит, которого я встретил, пока служил в армии свою срочную службу. Толя Пинюгин с Дальних Мельниц. Дальними их называли те, кто когда-то ехал в Одессу молотить зерно. Для них они были дальними. А от Госпитальной, где была моя школа и куда ходили ребята с Дальних Мельниц, они были ближе, чем Ближние Мельницы. Так что Толя с Дальних Мельниц мне близкий человек. Как говорили в армии — земля, земляк. Земляк настоящий. И единственный, кого я там встретил.

И Толя за свою службу тоже никого из одесситов больше не встречал. Оно и неудивительно. Я призывался в армию не из Одессы, не с одесситами вместе. А Толю тоже не из Одессы брали, а откуда-то с целины.

Целина — понятие не географическое, а как бы советский символ эпохи 50-х годов. Тогда распашка нетронутых, це-

линьных земель шла в разных местах, но большей частью всё же в Казахстане.

Целина — символ эпохи не только в том смысле, что после войны нужно было сеять много хлеба. Это как бы само собой. Но, как говорится, не хлебом единым, есть еще и душа. В войну для души было — «Всё для фронта, всё для победы!». После войны — «Все на восстановление народного хозяйства!». Но подросшим детям войны, которые в пятидесятых были уже комсомольцами, нужно было предложить еще и нечто романтическое. Воодушевляющее. Привлекающее и даже притягивающее. Ведь после такой тяжелой войны жизнь, конечно, будет несладкая, но — справедливая! Честная! И — такая же самоотверженная, как в войну на фронте! И вот — целина. Нужен хлеб! Много хлеба! Все, кто может, — на целину! Даешь целину!

У меня был товарищ, старше меня, Виля Зицер. Сам он из Балты, не очень далеко от Одессы. Во время войны оказался с матерью в гетто, мать там умерла, а его выходили, спасли как-то. После того как Балту освободили, его определили в детдом. Он, когда подрос, в детдоме обозначился как общественно активный человек. Его потом выбрали председателем Совета. А председатель Совета в детдоме — вроде как главный детдомовец. А еще — вроде как и главный защитник детдомовских. Защитник от взрослых. В том числе от начальников.

И так получилось, что от начальников таки надо было защищать. И ребят, и девочек, больших и, особенно, маленьких. Сначала Виля никак не мог сообразить, почему от начальников нужно защищаться. Они же умные, они же понимают, что после такой несправедливо жестокой войны относиться к детям нужно по справедливости и по-доброму. Особенно

к детдомовским, у которых ни отца, ни матери, ни бабушки с бабушкой. А тут, оказывается, директор детдома у детдомовских ворует! Продукты ворует! И другим разрешает!..

Балтское начальство по случаю острого сигнала назначило проверку. Он, Виля, как председатель Совета был включён в комиссию, обнаружили недостачу. Но позже оказалось — в акте написали, что всё в порядке, и подделали его, Вилину, подпись. И что же Виля? Сдался? Нет! От имени Совета детдома понес заявление в суд. Весь детдом, от малышей до старшеклассников, за него переживали. Там такое было! Вся Балта на ушах стояла. Директора должны были снять с работы. Но как раз в это время Виля уехал в Одессу, поступать в Железнодорожный техникум, и в Балте дело замяли.

В Одессе Виля Зицер познакомился с нашей семьей, а когда призвался в армию, то писал нам оттуда. И в одном из писем, когда бросили клич «Все на целину!», написал — очень ему жаль, что он сейчас в армии. А то уже был бы там, на целине! На главном фронте страны!..

Сознательный строитель счастливой страны Виля Зицер на целину так и не попал. А Толя Пинюгин попал. Еще как попал! Толя рассказывал, что сначала на целину он не собирался. Ну просто и в мыслях ничего такого не было. А потом... И всему причиной была — любовь. Можно сказать, первая любовь. Одесса, как известно, живет дворами. В жилкоповском фонде, как это называлось в советское время. Но Мельницы — хоть Дальние, хоть Ближние, — это, как и все тогда одесские пригороды, в основном частный сектор. По улице идешь — дом, калитка, ворота, забор, дом, калитка, ворота, забор. За забором у кого что — сад-виноград, огород, беседка или собачья будка, это кому что в наследство досталось. Но в

любом случае — это земля, это от села, это хозяйство, и живет здесь — хозяин. Хозяин может в городе работать кем угодно — у кого какой интерес и талант, но никогда не имеет он права забывать про свое хозяйство. Оно досталось ему в наследство, и он обязан его сохранить, умножить и передать дальше.

Так вот, хозяйство, земля — это от села. Пинюгины тоже от села, и родня у них жила в селе, вроде как в Дачном. Может, и сейчас живет. А тогда в том Дачном разглядел Толя Пинюгин девочку, в которую влюбился. Ну как влюбляются мальчики в девочек? Влюбился и влюбился. И что не всегда случается, девочка ответила ему, как говорится, взаимностью. Ну и хорошо! И пусть себе...

Только приходилась эта девочка Толе двоюродной сестрой, кузиной, если у французов. И для него, и для нее это было как-то не важно (и, по слухам, для ЗАГСа тоже не важно, хоть о ЗАГСе рано было говорить). А вот Толины родители, как только узнали, категорически — ни в коем случае! Как с этим вопросом у французов, им не интересно, а касательно Толи — категорически: любовь велено было похоронить на корню.

Вот тогда Толя, вольная душа, в знак протеста против родительского насилия пошел в райком комсомола записываться добровольцем на целину. И записался. А что? Школу окончил, в армию еще рано, так что вперед! Пусть знают теперь дорогие родители! (Но можно предположить, что это было еще и бегство от девочки, которой надо было что-то говорить, а говорить-то что? Мама не разрешает?)

Надо сказать, что добровольцев на целину было много. Недаром мой товарищ Виля Зицер завидовал тем, кто мог туда уехать. Такое было общее настроение. Вот здесь, дома, — всё обыкновенно, неинтересно, а там... Там всё не так. Не так, как здесь.

И это была правда. Только мало кто задумывался, а как же оно там не так? Как там не так, как здесь? А нечего задумываться! Вот приедем и увидим. Мы же, мол, не сами едем, нас везут. А не могут везти туда, где плохо. Трудно — так об этом честно предупредили. А плохо? Нет. Дома — плохо, а там — нет! Там — хорошо!

Добровольцев было много, но всё же меньше, чем нужно. Нужно было еще и еще, на каждую область был план, и план этот нужно было выполнять. По количеству и в срок. Сроки, как обычно в ту пору, жесткие, для агитации времени в обрез, что делать? А то делать, что делали всегда в то обманное время. Делали дело, сколько могли, а еще делали вид, что делают дело. Под известным в народе названием “добровольно-принудительно”. То есть как будто добровольно, а на самом деле очень даже принудительно.

Принудительно ехали те, кого можно было принудить. А кого же это можно принудить, если каждый человек — свободный гражданин свободной страны? Насчет того, свободна ли страна, это мы узнаем много позже, а вот что не каждый гражданин свободен, это всем и тогда было известно. Нарушил закон — свободы не видать. И была такая категория граждан, которая вроде бы уже нарушила закон, но справедливый советский суд этот факт еще не подтвердил. И вызывали такого гражданина — не в райком комсомола, куда ходил записываться на целину Толя Пинюгин, а совсем в другое место. Вызывали и предлагали на выбор из двух одно — или таки да свободы не видать, или — добровольно на целину...

Уезжали со станции Одесса-Товарная. Оттуда же, откуда Виля Зицер уезжал в армию. Проверка по спискам в клубе Иванова напротив Алексеевского садика, а там уже строим

через Степовую, мимо трамвайного депо — на Товарную, на посадку.

Провожали. Выступал кто-то от обкома партии, кто-то от горкома комсомола, потом прощались. И поехали. На целину!

В вагоне стали устраиваться, знакомиться.

Три отсека заняла веселая компания. Явно блатные. Водка, мат, песни, ссоры. А к ночи оттуда — крики, плач. А вагон — вагон как спит мертвым сном. Только утром шепот пошел — насиловали девочку. Толя видел ее на перроне, с отцом и матерью, мама в шляпке... Девочка до самого места назначения пролежала на своей второй полке, а за ней всю дорогу ухаживали две, но не подружки, а из этой же компании. Видно было, что жалели...

И, как говорится, монотонно стучали колеса — одинаково для этой девочки, и для Толи Пинюгина, и для блатной братвы. Как признался Толя, ему тогда стало страшно. То есть стучали на стыках рельсов вагонные колеса, поезд шел на целину, но Толя уже совсем не был уверен, что всё у него там будет хорошо.

Еще в первый день своего целинного путешествия Толя познакомился с парнем и даже перебрался к нему в отсек, — с парнем, у которого, между прочим, был разряд по боксу. А утром второго дня, после ночи, они уже твердо знали, что будут держаться вместе. И когда приехали и выгружались на станции, и потом, Толя уже не отходил от своего случайного товарища, и как Толя сказал, если бы не друг-боксер...

Конечно, не со всеми и не везде было одинаково. Известный актер театра и кино Валерий Золотухин гордился медалью «За освоение целины» — была такая специальная медаль. Вряд ли Толя тоже имел такую награду, он вообще ничего не рассказывал о своих трудовых подвигах. Однако домой не сбежал, характер выдержал...

Вот с этой целины Толю Пинюгина призвали в армию. И пошел он служить.

Смешно сказать, но не всякая служба — служба. Армия — это большущее хозяйство, в котором кроме всяких пушек-пулеметов и бомб-да-самолетов нужно всё то же самое, что нужно “на гражданке”. И всё, что только могут организовать и обеспечить сами военные, должны организовать и обеспечить именно они.

Это, конечно, правда, что хлеб армии это патроны и снаряды, но надо добавить, что первый хлеб армии это просто хлеб. И Толя Пинюгин попал служить на “просто хлеб” — на хлебопекарню.

Работа вместо службы — это же мечта каждого солдата! Да если пошлют чего-нибудь грузить-разгружать — так это ж спасибо вам большое, это ж не то что «Выше! Ногу! Раз! Раз!». Нет, повезло Толе Пинюгину, тут двух мнений и быть не может. Я уж не говорю про собственно пищевое довольствие. Ведь на первом году службы куда солдат после обеда идет? В воен-торговский магазинчик, где можно купить бутылку лимонада и батон с хрустящей корочкой. Казалось бы, как после обеда можно умять целый батон в один присест? А так! И не в присест, а не приседая даже! Не отходя от прилавка! Потому что не хватает молодому растущему организму солдатской пищи на первом году службы. А у Толи какие проблемы? Никаких! Ешь — не хочу! Так что работал Толя, ел, если хотелось, а поев и отдохнув, отправлялся в деревню по соседству — в клуб, кино посмотреть, на танцы.

А с какого-то момента — и на свидания.

Толя не рассказывал, что за девушка, кто да кто и что да как, только факт, что скоро свидания стали тайными. Поскольку

отношения вошли в стадию, которую лучше было держать в тайне, чем наоборот. Вроде как любовь.

В отличие от Толи Пинюгина, у которого не служба, а работа, и вроде как любовь, нам на первом году приходилось в службу втягиваться, у нас и без женщин была куча всяких проблем, и потом — мы просто не видели близко этих женщин. Между тем объективно такой фактор существовал. Например, однажды прошел слух, что двое солдат из нашей дивизии изнасиловали семидесятилетнюю старуху (старуху — это для наших двадцати лет!). Например, однажды медицинский майор, который время от времени проводил с нами просветительские занятия, посвятил свою очередную беседу именно отношению полов, физиологии человека и ее капризам. Витиевато выражаясь и осторожно выбирая слова, он пытался дать нам понять, что в армейских условиях не будет предосудительной некая подмена естественных процессов, разумеется, в разумных пределах. Мы даже не очень сообразили тогда, к чему он, собственно, клонил. Так и разошлись в некотором недоумении.

Много лет спустя я познакомился с библейской историей Онана, чей отец очень переживал, что у старшего сына, уже женатого, нет детей. И нашел способ поправить репутацию старшего — велел неженатому младшему, Онану, войти, так сказать, в жену брата, дабы понесла она якобы от мужа своего. Не хотел младший брат ради престижа старшего обманывать широкую общественность, но и отца послушаться тоже не посмел. Однако — весь в папу! — исхитрился найти решение даже в такой непростой ситуации: и отца уважил, и брата не подменил. В жену брата он, так сказать, вошел, да вышел раньше срока. И животворный продукт детородного органа предательски был предан земле, явно неподходящему

месту для реабилитации упомянутого старшего брата. В итоге неспособной к деторождению признали, как это и полагается, невестку, за что последняя была изгнана из семьи. (Правда, в самом конечном итоге женщина не дала себя оболгать, и хоть и не от сыновей, а от их папаша, но все-таки и забеременела, и родила. Но это, как говорится, уже другая история.) Вот этот пресловутый Онан и дал жизнь нежизненному слову «онанизм», на что намекал нам майор медицинской службы в нелегком разговоре об армейской жизни начинающих мужчин, о жизни мужчин без женщин.

Армия (особенно в то далекое уже время) — это много мужчин и никаких женщин. Эту правду знал медицинский майор и большинство солдат, сержантов и старшин срочной службы армии и флота. И большинство с этой суровой правдой смирилось. И смирилось без особых на этот счет переживаний. Успеется! Ведь, кстати, еще неизвестно, среди какого пола больше торопящихся прикоснуться к древу познания. Так что смирившемуся большинству суровая правда если и была в тягость, то не более, чем на гражданке. Томление оно и в армии томление, но переживем!

А вот некое меньшинство, которое в своих томлениях подошло к черте или черту перешло, меньшинство эту суровую правду пыталось обойти, и часто безуспешно. Вот к этому активному меньшинству и пристал Толя Пинюгин.

Конечно, и речи быть не может о каких-то некрасивых вещах. Ухаживал, сумел девушку расположить к себе; то, что она нравится, — не скрывал; что хочет близости — не скрывал, но в вечной любви не клялся, так что о женитьбе речь не шла. Встречались к удовольствию обоих, и встречи свои достаточно долго могли скрывать. Но не так долго, как хотелось.

Банальная история. Родители девушки (в первую очередь отец) напрочь забывают о приметах своей собственной молодости и хотят выдать дочь замуж непременно девушкой. Не спрашивая при этом саму девушку, чего хочет она в данный конкретный момент своей собственной жизни. То есть достаточно распространенное противоречие — девушка считает, что ее жизнь — это ее собственная жизнь, а родители считают, что перерезать пуповину еще время не пришло. И вдруг этим самым родителям становится известно, что солдатик, с которым видели их дочь в местном клубе, не только приглашает ее на танец, и она не только приглашает его и именно его на белый танец, не только...

Сначала поговорили отец с матерью, потом мать с дочерью, потом дочь с Толей, потом последнее слово сказал отец: пусть поженятся. О том, что дочь может не захотеть на всю оставшуюся жизнь выходить за Толю замуж, так этого просто не может быть. О том, что Толя может не захотеть жениться, — пусть только попробует! О том, что у солдатика нет паспорта, где положено ставить загсовский штампик, так не смешите людей! Командир для солдата и мать, и отец, и ЗАГС.

И было воскресенье, и была свадьба — не на всю деревню, скромная, но звучало громкое «Горько!», и сладкими были прилюдные поцелуи.

А потом в дверь постучали незваные гости, которые, как известно, хуже татарина (не в обиду татарину будь сказано). Гости были — военный патруль, офицер и два солдата. И пришли они не по ошибке и не просто так, и уж тем более не за стол, а за Толей Пинюгиным — арестовать. За что — не скажали, и увели прямо от свадебного веселья. А наутро тестю с невестой стало известно, что рядовой Пинюгин затребован на гарнизонную гауптвахту и в часть уже не вернется.

Вот так Толя оказался в нашей дивизии. Патруль на свадьбе был липовый, и устроило этот спектакль с последующим переводом Толи в другую часть — кто бы, вы думали? — его хлебопекарское начальство. Это всё, что оно, начальство, могло сделать для уже не мальчика, но еще не мужа, Толи. Потому что Толя, который был в пяти минутах от женитьбы, для женитьбы, однако, еще не созрел, поскольку ощущал себя вольным человеком. А вольному воля...

А встретились мы с моим земляком Толей в лазарете, куда я попал с волдырями на обеих ногах, а Толя — с непроходящей язвочкой опять-таки на ноге.

Лазарет не госпиталь, персонал — майор да сержант-медбрат. И должны они быть на все руки мастера. Конечно, если зуб, то направят к зубному, а если глаз, то к главному. А поскольку у нас с Толей и не зуб, и не глаз, то с нами они справлялись сами. Только что-то не ладилось с нами у нашего майора. Толя как Толя, у него одна язвочка, а у меня обе ноги — ступить не на что. Эпидермофития стоп, если кто знает. Попросту — грибок, а его чуть не девяносто видов. Так что майор больше мной занимался, хотя и у Толи дело вперед не двигалось.

Ко мне пришлось приглашать дерматолога из госпиталя, заодно и Толю показали. Предписали нам квалифицированное лечение, что должно было приблизить время выписки, чего я всей душой желал. Но ожидаемое улучшение всё не приходило.

Улучшение пришло через медбрата.

Наш медбрат призывался в армию после окончания медицинского училища и служил, так сказать, по специальности. Однажды, когда майор, отчаявшись, назначил мне лечение народным средством — прикладыванием сырого картофеля,

медбрат не выдержал и предложил мне вступить с ним в преступный сговор — согласиться на мазь, которую он, медбрат, приготовит мне по своему рецепту. Условие одно — что майор об этом не узнает. Потому как скромное образование сержанта не имеет права конкурировать с медицинской академией майора. Я согласился на тайный эксперимент, и здоровье моих ног быстро пошло на поправку, каковой факт майор простодушно относил на счет картофеля, который мы с сержантом якобы регулярно брали на лазаретской кухне.

А вот Толя, оказывается, не торопился выздоравливать и в какой-то день доверительно рассказал, что язвочка у него — его собственного производства. Оказывается, еще в Одессе показали ему травку, от которой получаются такие язвочки, а еще показали травку другую, которая эти язвочки вылечивает. Он когда-то проверил, и всё сошлось. Это как живая и мертвая вода или как фокус или как маленькое чудо для тех, кто не знает. А майор наш как раз к тем и относился, которые не знают. И специалист-дерматолог из госпиталя тоже не знал. И наш медбрат, который много чего знал, этой травки — не только одесской, кстати, — и в глаза не видел.

И собирался Толя пролежать в лазарете ни много ни мало, а сколько продлятся дивизионные учения. Плюс день-два на заживление ранки, и — на выписку. Такой вот простой был у него план. Не хотел он в этих учениях участвовать.

Дивизия была мотострелковая, то есть пехотная на колесах. Хоть и на колесах, а пехота всегда пехота. Окопаться, обжиться, насторожиться, а по тревоге подняться, куда-то переместиться и там опять окопаться и обжиться. Артиллерия — вот она, танки тоже под боком. Ну и учения как учения.

Мы как полковая школа тоже как-то были на учениях, только на полковых. На ночных. Там нас назначили огневыми посредниками. Это значит, что мы должны находиться посреди

рот в боевых порядках и следить, чтобы brave солдаты во время стрельбы по воображаемому противнику нечаянно друг в друга не поцелили. В казарму вернулись под утро, всё обошлось, и напряжение спало. Тогда мой дружок, любитель-фотограф и любитель-книголюб Витя Александров вспомнил вслух слова невоенного классика Гоголя, что нет, мол, ничего святее войскового товарищества.

Меня выписали. Медбрат, родом из Средней Азии, подарил мне фотокарточку три на четыре — для документов, с уголком для печати, — там он с усиками и с двумя лычками младшего сержанта. А рецепт целительной мази я где-то посеял. Майору я, конечно, сказал большое спасибо и медбрата не выдал. Попрощался и с Толей — как оказалось, навсегда. Из дивизии нашу временную команду вскорости отправили обратно, да и потом, после демобилизации, встретиться тоже не довелось. Наверно, и в самом деле «вся Одесса очень велика». Осталась фотография — мы с Толей на фоне пузатого автобуса с красным крестом, в подпоясанных больничных халатах, из-под которых белые кальсоны плавно переходят в белые же бинты и прячутся в совершенно домашних тапочках. И наши безмятежные физиономии после команды Вити Александрова — «Улыбка!».

Но вернемся к тому, что нашло отражение в письмах.

[СОНЯ]

Я — умница. Я каждый день ем манную кашу, сметану, мед. Уже немного поправилась и стала похожа на человека. К твоему приезду думаю вообще выглядеть хорошо.

А теперь расскажу о работе и почему долго не писала. Я даже хотела увольняться и уезжать к тебе.

Понимаешь, у нас одна пробоотборщица беременна и ей уже нужно переходить на легкую работу. В связи с этим хотели поставить ее на мое место, а меня — на ее. Представляешь, какое у меня было настроение? Я, конечно, поругалась и расплакалась и сказала, что если меня поставят на отбор проб, я вообще уйду. Я очень перенервничала. Ты же знаешь, что такое отбор проб. Это физически тяжело, и потом — опасно. Ведь резервуары высокие. Ты же знаешь, что я трусиха. Вообще отношение тут ко мне гораздо хуже. Все меня считают салажонком. В Ухте ко мне относились гораздо лучше.

Теперь новая неприятность. У нас раз в месяц дают три контрольных работы на сходимость анализов. Мне дали контрольную пробу на вспышку. Я сделала и дала химику результат. Расхождение было 10 град, а это недопустимо. Разрешается только 4 град. Оказалось, что эта проба моя. Мне, конечно, страшно стыдно было. Выходит, что я не умею работать. Но у нас химик очень хорошая женщина, она решила заменить мне пробу. И что ты думаешь, я сделала, и снова расхождение на 10 град, и снова моя проба, и совсем не давнишняя. Теперь я лишусь 20% премии, но не это для меня важно, а то, что я подвела бригаду, цех. И потом, мне просто стыдно, все будут злословить по этому поводу. А между прочим, когда я делала анализ, я задумала: если ты меня любишь, то контрольная получится. Но увы и ах, как видишь.

Ласточка, стихотворение мне понравилось. Его читал Бумка, ему тоже понравилось, и он посоветовал послать его в «Комсомольскую правду».

Был Борька у нас, но меня не было дома. Он уже работает на нефтебазе слесарем. Сейчас устроен, вероятно, хорошо.

Сегодня я подписалась на Паустовского, уже получила 1-й том. Получила 1-й и 2-й том А. Толстого, больше пока выкупить не могла из-за отсутствия денег. Мы сейчас хотим купить книжный шкаф.

Сенечка! Если ты приедешь в отпуск, меня отпустят за свой счет. Галина Александровна — моя химик, я у нее практику проходила, — обещала поговорить с начальником.

ноябрь'58

[СЕНЯ]

Деньги получил, бандероль — тоже.

Сейчас — экзамены. Два уже сдал. Один на «4», второй на «5». Впереди еще два, завтра и послезавтра. Готовимся.

Из лазарета вышел перед самыми экзаменами, но ноги хандрят до сих пор.

Еще несколько дней — и прощай, Минск.

Прости за краткость. Еще одно письмо успеешь написать — до 20-го. Больше пока не пиши. Всё. Не сердись, Софья, что мало.



Вчера твой муж «окончил учебное подразделение с общей оценкой «отлично»». В один только вчерашний день

я получил погоны младшего сержанта, свидетельство об окончании школы (с усатой физиономией на фотокарточке), знак «Отличник Советской Армии» и премию за рассказ «День рождения» — альбом для фотокарточек. Видишь, сколько много? Итак, школа окончена. Самый, кажется, трудный период службы — позади. А впереди — неизвестность. Всех здешних уже назначили по подразделениям, а мы еще в школе, так как до сих пор не знают, куда нас нужно отправлять. Но, хотя ничего еще и неизвестно, — уже достали и надели заветные голубые погоны с «птичками» — щеголяем «летунами». Думаю, что днями уедем. Не в понедельник, так в среду.

Прошел год. Много дал он. И хоть не всё здесь было по сердцу, — расставаться с ребятами жаль, жаль. Грустно. Илья стал сапером, уже ушел. Но сюда забегает. Стало тихо и пустынно. Слоняемся по коридорам в ожидании судьбы своей. Уже упаковали и вещмешки, и чемоданы. (Мои книжки доставляют мне немало хлопот.) Читать нечего — из библиотеки мы уже выписались. Последняя моя книжка — «Хождение по мукам». Какая вещь! Я ее читал когда-то, но сейчас прочел многое совсем по-иному. Уже и с точки зрения просто человека, и — человека «семейного». Семейного... Семья, дом, уют, мягкий свет и — ты...

Два раза в неделю у нас кино. Раз в неделю — передачи по телевизору. Значит, пять раз в неделю сердце буквально кровью исходит. В пяти метрах от тебя, на экране, люди живут, мучаются, радуются, любят своих друзей и жен, целуют их горячо, поверяют думы свои, поддерживают в беде и сами ищут этой поддержки... Люди живут. А ты молча сиди и смотри, как живут обыкновенной жизнью люди, которых нужно оберегать от возможных неприятностей.

Сонечка, помнишь, ты говорила, что в политике ты не разбираешься, да и не хочешь разбираться? Это ведь не так. То, что мы с тобой сейчас не вместе, — это тоже политика. Пока есть два мира: война возможна, государство содержит армию, армия велика, люди нужны, и среди этих нужных государству людей — твой покорный слуга. Вот тебе и политика. Черт бы побрал Эйзенхауэра вместе с капитализмом!

Да... Нервы, Соник, хорошая штука, когда они в порядке. Писать сюда уже поздно, письмо не найдет меня. Придется ждать нового адреса. А это значит, что я долго еще не буду знать, что ты, как ты. Тяжелее этого я еще ничего не знаю.

Мне всё почему-то кажется, что ты лежишь в больнице. Эх, скорей бы домой...

Ну, до свидания. Может, что и до скорого.

Привет всем. Сержантский.



Я так обрадовался твоему письму, что даже сказал вслух «Софья, милая моя». Вслух! Такого со мной никогда не случалось. Сижу, улыбаюсь и не знаю, что писать. Что жив? Это ясно. Что здоров? Это тоже ясно. Что люблю больше всего на свете? В этом ты сомневаешься. Что ж, должен сказать прямо, что у тебя есть основания. Я давно знаком и давно люблю одного человека, прелестнейшее создание, замечательного и верного друга, обаятельнейшую женщину, которая во мне, я слышал, души не чает (не знаю, насколько это верно). Верит она в меня безгранично. Настолько верит, что я больше всего в жизни боюсь потерять не столько любовь ее (любовь — она может уйти и к другому), сколько доверие и уважение.

И ты ее хорошо знаешь, больше даже, чем я. И как зовут ее, знаешь. Хочешь — ревнуй.

Что тебе сказать? С одной стороны — обидно должно быть, кажется. Я ведь перед тобой весь — наизнанку, и вдруг — сомнения. А с другой стороны... Наверно, без этих самых сомнений и любви не бывает. Ведь я-то тебя тоже знаю, а иной раз ночью глаза сомкнешь, и думаешь: а вдруг? Всякое бывает. И хороших ребят, лучше меня, — много. И, пусть не хороших, а — опытных в соблазне, — тоже много. Вдруг... Но заснешь обязательно с мыслью, которой обычно кончал подобные думы Рощин из «Хождения по мукам», как все-таки люди похожи друг на друга! Наверное, нет никого на свете, кто в разлуке не думал бы о верности любимого человека. Вот поэтому я и не сержусь на тебя. Но — старайся верить, не сомневаться. Хорошо? И — не мучь себя. К черту кофейную гущу! Хорошо? А лабораторная вспышка — получится. Меня другое волнует — как бы другая вспышка не повторилась. О себе — вот мое почти постоянное состояние:

Молча проплывают облака,
Неба синь невинную закрыв.
Жизнь проста для слишком дурака,
Если он еще и незлобив.

Горечь расставаний, жуть разлук —
Что похуже сыщешь на земле,
Чем: далёко самый близкий друг,
Ты — один, во мгле, в тоске, во зле.

Робость взгляда, детскость слабых рук,
Родинка, знакомая до слез,
Голос... дивный голос... Сколько мук
В буйной радости... всего лишь грёз!

Здесь пробудем числа до 26-го. Так что еще одно твое письмо авиапочтой может прийти. Пусть придет!



Я уже в Смоленске. Приехали сюда еще позавчера, и сразу же побывали и на работе, и в карауле.

Из Минска уехали так неожиданно, что я только с Ильей и успел попрощаться. Не отъехали от части и 300 м, как зачихала, захандрила машина. Поехали в город на автобусе: всё не терпелось. Настроение праздничное. Еще бы! Ведь уезжаем. И снова стук колес, духота вагона и Витька с чуть посоловевшими глазами перебирает голоса гармошки.

В Смоленск приехали в 6 ч утра. Погружаемся на прибывшие за нами машины и вскоре подъезжаем к знакомым местам. Встретились здесь с командиром роты из Моздока, со всеми ребятами-моздокчанами, кто в свое время отсюда разъезжался. Только Игоря моего нет и не будет. Где он сейчас — никто не знает.

Мы — ждем. К сожалению, Витьку с нами разлучают. Жаль, но — служба. Не знаю, попадем ли мы вместе хотя бы с Юрой. Выудить что-либо о нашей судьбе — очень трудно. Но, по крайней мере, почти определенно известно, что юга нам не видать. Надежда на Камчатку со службой в два года тоже отпадает. Радиус наш: Московский, Воронежский и Белорусский округа. Женьку Иванченко (он служит ведь в Уручье!) так и не видел. На праздники он должен был приехать ко мне, но... напился и попал на гауптвахту. Встреча, таким образом, отложились на теперь уже слишком неопределенный срок.

Сам я жив, здоров (если исключить тоску). Ем и курю нормально. Сплю... вот со сном тяжело. Очень часто вижу тебя. Почему бы это? А недавно видел тебя и мою маму. Наверное, быть мне скоро в отпуске, а? Что сны говорят? Я шучу, конечно. Мы ведь не суеверны. Но было бы просто замечательно. Правда? Плохо, что я ничего от тебя не могу получать. Когда уедем — неизвестно.

[СОНЯ]

У тебя есть две защитницы на работе, одна — наша химик Галина Александровна, а другая — Ира Никитина, с которой я работаю в одной комнате (она старший лаборант). Когда приедешь, я обязательно тебя с ними познакомлю.

Дома всё по-старому. Но т. Маня приходит только вечером, когда мама дома. Она продала шубу, которую я хотела, за 2500 руб. Я очень расстроилась. Я пришла с ночи и нужно было идти в ночь, а я наревелась, глаза опухли, чуть ли температура не поднялась. Если бы я знала, что шуба не мне, тогда другое дело. Мои сестрички вместе со мной объявили ей бойкот. С ней не разговариваем. Ты приедешь, тогда соберем и купим хорошую шубу, правда? Не стоит огорчаться, но я т. Мане эту шубу никогда не прощу.

Сеня, была в Филармонии, видела Семена III. с Аллой. Сейчас читаю «Мудрость чудака» Фейхтвангера.

Я уже немного поправилась. Наппа Г. А. меня заставляет кушать. «Пока Сеня приедет, вы должны поправиться». Видишь, какая у нас хорошая бригада? А я ее подвожу.

декабрь'58

[СЕНЯ]

Сегодня уезжаем. С Юркой. Это просто чудом. Он должен был ехать в Бобруйск (в Белоруссии), а я — в Сещу Брянской области. Хорошо, что мы вовремя узнали об этом и успели выпросить назначение в одно место. Едем вдвоем. Витька пока остается здесь. Вместе нам уже не служить.

Здесь познакомились с Наумом Менакером из Баку. Хвалит Баку. Утверждает, что нам с тобой там устроиться нетрудно. (Этим, конечно, поинтересовался я, так как до сих пор не уверен в возможности моего будущего в Одессе.)

Пожили здесь неплохо. Самочувствие — нормальное, а спать — всё еще не сплю. Сегодня спал немногим больше трех часов. Плохо то, что стал закуривать ночью. Но от этого избавлюсь.

Ну, вызывают в штаб. Через пару часов отъезд.



Я уже на месте. Кончилось чувство "между небом и землей". Хотя на погонах "птички", на землю опустился окончательно. Сейчас праздники, и нас с Юрой на должность еще не поставили.

Живем уединенно, до ближайшего населенного пункта — 5 км. «Степь да степь кругом». На улице метет, в казарме холодно, я уже не только духовно, но и физически "замерзаю без тебя". А ты? Тоже мерзнешь?

Хорошая моя! Чем дольше я в одиночестве, тем нежнее к тебе. Почему это? Наверное, только в разлуке и учишься ценить по-настоящему всё близкое и дорогое. Мне

кажется, что теперь уж мы никак не должны ссориться, правда? Расстояние взрослит. Но не старит! Хотя лицом я — настоящий старикашка. Даже с прокуренными рыжими усами. Но я их пока не сбрею. Продержу до лета. Летом, говорят, здесь можно получить отпуск. Вот к тебе приеду безусым.

Да, Сонечка, дело к тебе есть серьезное. В Одессу отсюда собирается один человек. Хороший человек. Если он поедет, то остановится у вас. Прости меня, но мне отказать было неловко. Больше того — нужно будет, чтобы ты взяла на свой счет отпуск дней на 5–10. Я не знаю еще, поедет ли он, так что маме ты пока ничего не говори, но на работе на всякий случай подготовь почву. В крайнем случае — скажи, что я приезжаю. Тебе ведь обещали в этом случае. Очень важно, понимаешь? Уезжает он в конце декабря, в 20-х числах. Пожалуйста, Сонечка, не обидься на меня. Я хорошо понимаю, что это не просто, тем более на праздники. Но — необходимо, поверь. Из-за пустяков я бы не просил тебя об этом. Так что — хорошо? Ну, закончу. Привет всем-всем. Уже из-под Брянска. На карте поищи Дубровку по дороге Смоленск — Брянск. От Дубровки я недалеко.



Сегодня у нас с Юрой первый день самостоятельной работы. Я провел два часа политической подготовки, Юра сейчас проводит огневую. Как это ни странно, нас слушают. Не знаю даже, где искать причину. Или подтягивает непривычность, новизна требований, всей формы взаимоотношений, или, что было бы лучше, причина кроется в уважении к нашему “специальному образованию”. Ведь здесь сержанты в основном школу не кончали

и считают, даже уверены, что мы знаем больше их и, например, при нас — можно без ущерба для самолюбия застегивать пуговицы и прекращать разговоры. Конечно, занятия проходят не идеально, но ни Юра, ни я к этому пока и не стремимся, так как прекрасно понимаем состояние наших подчиненных — сами эту школу прошли. Стараемся быть лучше бывших своих командиров во всех отношениях. Удастся ли это? Кто знает... Уж слишком плохи здешние традиции, жива национальная рознь, а это имеет немалое значение, так как здесь основной контингент — кавказцы.

И вот, Софья, представь меня в роли воспитателя, командира и — наркома по делам национальностей. Трудновато, но — интересно. Получится хорошо, или не получится? Между прочим, замполит обрадовался моим усам, но огорчился, узнав, что я не грузин и не армянин. Кстати, усы мне немало помогли. Что там говорить! Раз сержант усы носит — свой человек! Один парень даже поделился со мной: у него дома только мать, секретарь-машинистка, образование четыре класса. Работа навечно гарантирована быть не может. Нужно ему чего-то в жизни добиваться, а его взяли с 10-го класса. И вот теперь проблема — окончить в армии десятилетку, чтобы тверже стоять на грешной земле. Что я мог ему сказать? Нужно время и условия для занятий. Я этого дать не могу. Обещал, если он попадет в мое отделение, поговорить о нем с замполитом. Жалоб много, и всё нам, нам. Как свежим людям, выкладывают всё.

Хочется, чтобы служба занимала всё время, но здесь, к счастью или к несчастью, это невозможно. Пока не устроились, писать не могу. Читаю «Цетлис» Розит из латвийской жизни. Много ярких женских образов,

мужские тоже раскрыты глубоко. Но «Цетлис» — между думами. Хочу к тебе, Соник. Хочу — и всё. Всё дорого, особенно мелочи, которые превратились чуть ли не в самое важное. Захватывает дыхание, когда вспоминаю твою милую манеру разговаривать ребенком. Как всё это далеко и как желанно! Дела — делами. Ими можно жить, если они вызывают чувства, впечатления. А впечатления лишь тогда живучи, когда обмениваешься ими, делишься, сам оцениваешь и знакомишься с оценками других. А если я только с тобой хочу и могу делиться всем, до самого сокровенного? А тебя нет? Тогда — тяжело. Ох, ох, ох... (Твой Сенька уже вздыхает по-старчески.)

Софья, жду от тебя письма очень-очень. Я ведь так долго не получал от тебя весточки! Что дома? Что на работе? Как теперь вспышка? Маленькая моя! Трудно тебе одной, да? Я здорово виноват перед тобой. Наверное, нам нужно было расписаться после службы. Так тебе было бы легче, правда? Или — неправда?



Пишу тебе после последней ночи своего двадцать первого года, ночи бессонной и тревожной. Да, беспокойно начинается моя служба на новом месте. Но это, Сонечка, даже и неплохо. Жизнь тогда интересна, когда в ней и романтика, и беспокойство.

Со вчера на сегодня я — в карауле. Посылку получил вчера. От всех отдававших и от меня в первую голову — большое спасибо. Юрке прянички так понравились, что он сегодня ночью остатки уничтожил, облизываясь от удовольствия. Шпроты. Хорошо! Потому с ними и с колбасой мы и разделались без промедления. С маслом и конфитюром чай пили. С белым хлебом. Яблоки — на

десерт пошли. В общем, слов нет — предусмотрено всё. Празднество по всем правилам. Спасибо, Софья. Порадовала и вкусом, и вниманием. Жена! — ничего не скажешь. Милая моя, хорошая. Любишь? Да? Хорошо. Очень!

Сонечка, хотел, чтоб неожиданно получилось, но — врать не хочу больше, а молчать — не разрешаешь: в каждом письме, даже в телеграмме (спасибо за нее) напоминаешь, спрашиваешь. Через недельку собираюсь выезжать. Завтра, то есть в понедельник, пойду к командиру — окончательно решать, поеду сейчас или нет. Думаю, что пустит. И тогда мы, Софья, свою вторую годовщину законно вместе отметим. Хорошо? Вот.

[СОНЯ]

Сегодня получила от тебя письмо. Наконец-то с точным адресом. Я так соскучилась, что просто передать не могу. Так хотелось написать тебе, но, к сожалению, некуда было.

Сенечка! Потрясающая новость! Я была на медосмотре и на рентгене тоже, и у меня ничего не нашли, а написали: R-скопия — легкие и сердце в пределах нормы. Ясно?

На работе почти всё в порядке. За контрольную лишили 25% премии, но это еще куда ни шло, хотя деньги тоже нужны. Зато склоняли по всем падежам. Очень неприятно. Хорошо, что я была на смене и могла присутствовать на собрании. Ты за меня краснеешь тоже, правда? Очень стыдно.

Теперь в связи с созданием бригад коммунистического труда Галина Александровна стала химиком в такой

бригаде, а Иру Никитину и меня перевели в разные бригады. Итак, нас всех разъединили. Ну что поделаешь, вероятно, так нужно. Понимаешь, Ира работает старшим лаборантом, а сейчас я тоже работаю старшим, поэтому нас в одной бригаде оставить не могли. Без тебя совсем разленилась, скорей бы уже приезжал, хоть забота была бы.

Да, Сеня, что за человек должен приехать и почему я должна брать отпуск за свой счет? Напиши мне обстоятельно.

Сейчас читаю «Испанскую балладу» Фейхтвангера. Посылаю тебе фотокарточку. 7 ноября я работала, и ответственный дежурный по заводу Свербиль сфотографировал нас. Нравится?

январь'59

[СЕНЯ]

Настроение уже недели две прескверное, а сегодня расстроился вконец. Большого труда стоит не сорвать накопившуюся желчь на солдатах — нервнотрепки здесь порядком, хоть ребята, в основном, неплохие.

Ну что можно сказать, Соник? Ведь я так был уверен, так обнадежен. Ты же знаешь, что отпуск был мне объявлен еще в школе, 27 октября. Всё это время я молчал, так как знал, что случайность может всё изменить. И написал лишь тогда, когда сомнений не было никаких. Так уж получилось, не пустили, и изменить что-либо я был бессилен. Второе письмо я старался отправить как можно скорей — чтобы ты не вносила никаких изменений в свои новогодние намерения. Но и письмо не пришло вове-

мя. И в результате — излишнее “тяжело”. Твое “тяжело” и, значит, мое “тяжело”...

Поздравить тебя телеграммой не смог — у меня ведь служба. Сегодня пришел, а завтра снова в путь-дорожку. На письма времени хватает, а вот отшагать три с лишним километра до почты — на это времени нет совсем. Пришлось отказаться от услуг телеграфа и написать письмо.

Лялю жду. Думаю, что удастся свидеться.

Прости, Соник, я слишком растрепан, чтобы сосредоточиться и написать большое и хорошее письмо. Мне сегодня слишком холодно. Остается надеяться, что отпустят, не дав замерзнуть.



Лялю я не смог встретить. Ждали генерала с комиссией, и меня просто не пустили. Обиднее всего то, что генерал в этот день как раз и не приехал. Он был сегодня, и я имел честь представляться: «Помощник ком. взвода мл. сержант Кравец». Несколько дней назад меня на эту должность назначили вместо снятого с работы сверхсрочника. В караул буду ходить теперь раз в неделю, работы много, времени — мизерно мало. Пишу уже только после отбоя, и то — закончив все неотложные дела. Вот так. И еще боюсь, как бы повышение в должности не отсрочило мой отъезд. А это может быть. За две недели порядка не сделаешь.

Здоров, хотя и недосыпаю, бодр, хотя неприятностей до черта, шучу, хотя на сердце частенько кошки скребут. Мы с Юрой не так давно расстались со своими хлопцами по школе, и теперь они осаждают нас письмами. Многие из них были далеко не друзьями. И их писем я просто

боюсь. Их много, на все нужно отвечать, а я — пишу, как повинность отбываю. Вот так и живем.

На сегодня всё. Жду возвращения Вани из отпуска с большим нетерпением в надежде, что отпустят меня.

[СОНЯ]

Я на тебя обижена страшно. Как ты мог, не зная точно об отпуске, написать, что выезжаешь через неделю! 25-го я пришла со второй смены в начале второго ночи, смотрю, мне письмо от тебя. Я, конечно, обрадовалась, но когда прочла, вообще потеряла рассудок. Несмотря на поздний час я подняла весь дом своим криком. Я так разволновалась, что всю ночь не могла спать и только утром уснула. Я объявила на работе, что ты приезжаешь на Новый год. Даже хотела отгул брать на 4 января, потому что в ночь на 4-е надо было идти на работу. Я ведь ожидала тебя позднее всего 3-го числа, в день годовщины.

Я на 1 января взяла два пригласительных билета на бал. Но тебя не было, и я не пошла. На Новый год я была очень расстроена.

2 января была у бабушки. Они очень волнуются, что от тебя ничего нет. Когда я рассказала, что ты должен приехать, бабушка прослезилась и сказала, что хочет скорей тебя увидеть.

Рыбочка, дорогой мой! Я знаю, как тебе тяжело. Но в те дни, когда я ждала тебя, я потеряла половину здоровья. Сердце не переставало болеть. Я за эти дни просто почернела. Я ведь знаю, что это не в твоих силах, приехать или нет, но когда ты написал, что

приедешь... А я знаю, что ты никогда слов на ветер не бросал. Всё-таки легче вообще ждать.

Ну еще и письма твои увидели поздно. Понимаешь, я волнуюсь, что тебя нет и ничего от тебя нет, хотела уже командиру части писать, но вдруг увидела вчера между рамами окна кухни — почту через форточку вбросили. Дядя Рува открыл окно и вынул три письма от тебя. Поэтому сегодня только отвечаю.

Спасибо тебе за теплое письмо. У нас дома всё по-старому. Очень устала и переволновалась, так что ничего не читаю сейчас.

Не сердись, родной, на меня, я очень расстроена. Но всё-таки надежды не теряю. Только заранее не пиши, а когда выедешь, дай телеграмму, как мы когда-то уговорились.



Ваня Поволаки был у нас 14-го. Я собиралась заняться уборкой, но Ваня приехал, и я уже ничего не делала в этот день. Я с ним ходила в магазин, но к бабушке мы бы просто не успели — он приехал в начале четвертого, а в восемь вечера ему уже нужно было уезжать. Да, Сенчик, почему ты Лялю не встретил? Ляля больна, но сейчас уже легче. Зато начинаю расклеиваться я. Но ничего, думаю, что к твоему приезду буду здорова. Кончаю писать. Пора уходить на ночную.



Извини, что так сухо, но я так зла на тебя, что иначе письмо не получится.

Поздравляю тебя с повышением в должности, я страшно “счастлива”, что тебя повысили, ведь теперь наша встреча снова откладывается. Когда уже мы будем вместе? Кажется, никогда.

Всё мое свободное время занимает чтение. Ведь я никуда не хожу, а если хожу, то очень редко. Вчера кончила «Продолжение легенды» Ан. Кузнецова, молодого писателя. Вещь очень хорошая, написана новым языком, очень современна.

На прошлой неделе была в кино с Деборой и Мишей, они пришли за мной. Я им была очень благодарна. Была в Русском театре со своими сестричками. Смотрели премьеру «Третья патетическая». Чудесный спектакль.

Очень люблю твои письма, в особенности теплые, внимательные. И нужно отвечать — во всяком случае, хочется ответить — тем же, но ты ведь знаешь мою натуру, письма писать не умею.

Рыбонька, милый, родной мой, у меня всё в порядке, испугалась твоего тона и сразу поправилась. Вчера была у Ревекки Аркадиевны на рентгене. Она сказала, что я здорова, что всё хорошо, что нужно только поправляться. А я буду кушать тогда, когда ты приедешь в отпуск, и я обещаю, что я поправляюсь, честное слово.

Здесь была в командировке Светушка Жоркина. Она беременна, в мае приедет в декретный отпуск. Выглядит очень хорошо, даже похорошела. Жорка посылает телеграммы, волнуется, не может ее дождаться.

Вани всё нет. А впрочем, я не верю, что тебя отпустят, когда он приедет, так что всё равно.

О, если бы ты знал, как я зла на твое повышение, оно меня абсолютно не радует. Я бы хотела, чтобы ты был просто солдатом, но приехал в отпуск.

Жду тебя с нетерпением. Тоска невозможная.

февраль'59

[СЕНЯ]

Сегодня, наконец, могу написать письмо пообширней последних.

У нас свирепствует вирусный грипп, и за неимением людей я вынужден был записать себя в караул.

Ты поздравляешь меня с повышением и — ты недовольна, что наша встреча откладывается...

Очень хорошо, что у тебя наконец кончилась волянка с болезнью. Хорошо, когда хорошо! В таких случаях даже петь хочется. Но, к сожалению, в последнее время такие случаи уж слишком, слишком редки.

Светушка беременна... Счастливый Жорка мечет телеграммы... Как хорошо! Да...

Ваня уже здесь. Он не смог заехать к тебе на обратном пути, зато уже успел полежать в лазарете с гриппом, но сегодня уже вышел.

А ты, действительно, права, когда не веришь в мой отпуск после его приезда. Командир щедро дает мне время «войти в новую должность». А вхожу я туго-туго. Работы много, неполадок — тоже, неприятностей столько же. Если командир части будет ждать, пока «помкомвзвода

наведет порядок», то мы увидимся, пожалуй, уже в 60-м году. Но — будем оптимистами.

На меня возложили драмкружок. В гражданской библиотеке я случайно наткнулся на нашу с тобой «Линию жизни». Ее согласились поставить — она понравилась. А во мне она вызвала много хороших воспоминаний. Я ведь, как и ты, почти всю пьесу наизусть знал.

Еще две новости. Получил от Толика Бондарева письмо из Находки. Он уже демобилизовался, сейчас плавает. Вторая новость — мое стихотворение напечатали в армейской газете и просили выслать еще несколько стихов и фото. Пока всё.

Привет всем. Я уж давно приветов не передавал. Пишешь всегда в такой спешке... Делов куча, как говорит Юрий Николаевич. Привет тебе от него, от Вани и от Ильи.

[СОНЯ]

Я люблю тебя. Очень тоскую, мучаюсь, жду, но напрасно.

Была в техникуме, видела Деда. Передал тебе привет и наилучшие пожелания.

Стихотворение мне понравилось.

Прочитала «Лунный камень» Коллинза. Детективный роман, но очень интересно. У нас уже есть весь Паустовский и четыре тома А. Толстого.

Да, Ляля просит адрес Толика Бондарева.

Передавай привет Илье, Юрию, Ване.

И прозвенел звонок на второй почтовый антракт. Это был подписан приказ на десятидневный отпуск млад-

шему сержанту Семену Кравцу, отпуск, объявленный еще в бытность его курсантом полковой школы. Но сами обстоятельства объявления этого отпуска...

Конечно, Семен Кравец расскажет об этих обстоятельствах своей Сонечке, и она согласится, что писать об этом в письме было бы неосторожностью. И мы сейчас, спустя уже много лет, наверняка скажем то же самое, если познакомимся еще с одним фрагментом воспоминаний Кравца под интригующим названием «Месть».

МЕСТЬ

— У кого ворует? У своего брата-солдата ворует!

Замполит полковой школы был вне себя от волнения. Высокий, худощавый, с впалыми щеками, он опирался обеими руками о спинку стула в своем кабинете, куда мы с Юрой Мальцевым были срочно вызваны. Мы оба не понимали, в чем, собственно, дело, но не смели даже переглянуться. Доложили, что прибыли по его приказанию, и стояли по стойке «смирно», даже не думая пререкаться. Капитан говорил в единственном числе — «ворует», хотя обращался к нам двоим одновременно. Наверное, это должно было означать, что мы для него одно целое. Так оно и оказалось.

Оказалось, что нас как одно целое обвиняют в краже денег у сержанта Сирож. Причем не подозревают, а именно обвиняют.

О том, что у сержанта Сирож пропали деньги, мы с Мальцевым знали чуть ли не первыми. Потому что наши с Юрой койки в казарме стояли рядом, а головами к нашим головам спали рядом наш командир отделения сержант Данилевич и командир второго отделения сержант Сирож. И каждый вечер после команды «Отбой!» мы вчетвером тихо перего-

варивались, подводя итоги дня. Такая была у нас игра — доверительные беседы командиров с курсантами. Игра в демократию в условиях армии, где приказ начальника — закон для подчиненного. Тем не менее демократия была. Так что про кражу мы знали сразу. Но что в этом могут заподозрить нас... И даже обвинить...

Мы с Юрой служили по первому году и попали в курсанты в общем-то случайно. Собственно, в курсанты вроде бы и не случайно, но именно сюда в курсанты — да, не по плану. А по плану Юру из города Ташкента везли в сторону Сталинабада (потом Ашхабад, а теперь Ашгабад), меня подобрали в районе Карши («Бог создал три дыры — Карши, Кушку и Мары»), потом нас привезли в Красноводск. Отсюда до Баку — только Каспий переплыть, а там нам уже и открыли военную тайну: едем в Моздок, в Северную Осетию, в школу младших авиационных специалистов. Так что курсантами мы были таки по плану, по первоначальному плану. И отбирали нас по среднему образованию — или чтоб десятилетка была, или чтоб техникум.

А дело было в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, когда шло небывало большое сокращение Вооруженных Сил СССР вообще и авиации в частности. Приписывают это Хрущеву, но при чем тут лично Хрущев? Конечно, последнее слово за царем, даже если царь называется Генеральным секретарем партии. Ну и как принято говорить «при таком-то царе», так и мы говорили — «при Хрущеве». При Хрущеве решено было сократить армию на миллион двести тысяч человек.

Что такое — такое сокращение, трудно даже представить. Сокращают ведь не призывников, которых, допустим, просто не призывают. Нет. Сокращают кадровых военных. Тех, для кого это, так сказать, жизненная стезя, а им сейчас говорят — спасибо, мол, только у нас сокращение...

Что же до нас, то мы успели послужить в Моздоке только чуть-чуть, когда услышали, что нашу школу сокращают вместе с бомбардировщиками ТУ-4, которые мы должны были научиться обслуживать. ТУ-4 — это то же самое, что всем известный ТУ-104, самый лучший самолет, только этот возит людей, а наш — бомбы. И вот с бомбами нас разлучают и направляют в Смоленск, в распоряжение нашей родной 50-й воздушной армии дальней авиации. Прощай, Моздок!

Но здесь надо отметить, что Моздок успел оставить глубокий след в наших необстрелянных душах. Во-первых, здесь мы впервые услышали (и запомнили!) такое нестандартное заявление, что там, где начинается авиация, там заканчивается дисциплина. Это звучало заманчиво и провокационно. Во-вторых, мы выучили серию строевых песен лётной тематики, в том числе таких, которые никогда раньше не воспринимались как строевые. Ну как, например, петь в строю такую всем известную песню, как

Дождливым вечером, вечером, вечером,
Когда пилотам, прямо скажем, делать нечего,
Мы приземлимся за столом, поговорим о том, о сём,
И нашу песенку любимую споем...

Как можно петь в строю такую песню? Оказывается, можно! Да еще и с успехом у слушателей! Три раза в день мы из своих казарм ходили в столовую по центральной улице Моздока. И каждый раз, когда мы — с песней — шли по городу... О чем говорить... Мы гордились каждой новой песней. А наш старшина при первой возможности поднимал нас в учебных классах и под команду «На месте шагом марш!» сообщал нам очередную новинку. И мы в очередной раз с воодушевлением готовили презент жителям и гостям нашего нового родного города.

И вот теперь Смоленск. Мы уже успели друг с другом близко познакомиться, и даже сдружиться, и к назначенному новому месту службы в Уручье, под Минск, мы приехали уже как бы одной командой. Всего нас прибыло двадцать один человек. Мы были прикомандированы к мотострелковой дивизии для учебы в полковой школе. То есть вместо авиационных специалистов из нас здесь должны были подготовить младших командиров пехотного профиля. Зачем — мы не знали, но знали, что мы здесь временно, и подтверждением тому были наши голубые погоны и такие же петлицы с “крылышками”. То есть мы здесь из 50-й воздушной армии, и туда вернемся! Так мы смотрели на себя, и так смотрели на нас наши новые сослуживцы-краснопогонники.

Здесь курсанты набирались в школу со всей мотострелковой дивизии, и сами только-только друг к другу притирались, а мы смотрелись, как уже бывалые. В школе было три взвода, два стрелковых и пулеметный. Мы с Юрой Мальцевым попали в пулеметный, нас, “летунов”, было здесь одиннадцать человек, мы невольно стали костяком взвода. А персонально нас с Юрой уважали и ребята, и сержанты — командиры отделений и Данилевич, и Сирож, у которого, как мы знали уже сразу, кто-то украл деньги.

И вот теперь нас с Юрой обвиняют в этой краже. И кто! Наш капитан-замполит!

Нужно сказать, что дивизия, в которую мы попали служить, была не простая. Во время Великой Отечественной она принимала участие в тяжелейших боях. Имела звание гвардейской, была награждена орденами и получила имя города Рогачева, который она освобождала от захватчиков. (В город Рогачев мы потом как-то ездили на грузовой машине за медикаментами, а у каждого из нас на груди красовал-

ся гвардейский знак, как у наследников боевой славы.) Начальник нашей полковой школы подполковник Лайков во время войны служил именно в этой дивизии, и несмотря на ранение, из-за которого он не мог даже донести руку до виска при отдавании чести, его оставили служить. И капитан-замполит, долговязый и худой, тоже был из этой же дивизии, а в войну командовал полковой разведкой. (Как он только уцелел, такой заметный!) И наша гроза старшина школы, красавец-строевик Агиевич, дивизионный знаменосец, он тоже фронтовик. А нам, которые выросли на войне и на книжках о войне, видеть вчерашнюю пехоту, еще и разведку... В форме и с наградами... Мы смотрели на них с восхищением. Для нас вообще, кто воевал, были святые люди. Это потом, когда мы стали взрослыми (а взрослыми мы стали, когда много чего узнали), это потом мы поняли, что война не делала людей хорошими или плохими, война только проявляла, хорошие они люди или плохие, проявляла и — усиливала в людях это хорошее или плохое во много-много крат. А тогда — тогда мы боготворили своих командиров-фронтовиков. Во всяком случае, мы с Юрой Мальцевым.

И вот обожаемый нами замполит-разведчик кричит нам:

— У кого воруете! У своего брата-солдата...

Через некоторое время стали известны мотивы, так сказать. Случайно нашлись деньги сержанта Сирожа. Нашлись они в пожарном ящике с песком, у входа на чердак школы. Стандартный щит с багром, лопатой, топором, а под ним — стандартный выкрашенный в красную краску ящик с песком. В песке деньги и нашли. Огласке находку эту не предавали, обсудили в узком кругу. И был в этом узком кругу наш помощник командира взвода старший сержант Спиридонов. Вот он и предположил, что это наша с Юрой Мальцевым работа. И объяснил, почему.

Оказывается, нас с Юрой часто видели у этого ящика по утрам, когда вся школа на лестнице начищала перед построением свои сапоги...

Кто служил, тот знает, что к построению и подворотничок должен быть свежим, и ремень затянут так, чтобы не влез кулак старшины между пряжкой и животом, ну и сапоги... Чтоб не только спереди были до блеска начищены, “для старшины”, но чтобы и задники блестели, потому что обязательно обойдет старшина строй и непременно обнаружит того, кто опять не успел. Так вот, мы с Юрой успевали, но успевали почему-то в числе последних. Когда мы с сапожными щетками и с баночкой гуталина на двоих выскакивали на лестницу, там уже полным-полно было народу, и нам частенько ничего не оставалось делать, как взбираться на самую верхотуру, на неудобную площадку перед чердаком, туда, где ящик с песком... И Спиридонов связал наши сапоги с пропавшими деньгами Сирожа.

Всё обошлось. Комсорг школы Илья Ступицкий сходил к подполковнику Лайкову, вступился за нас с Юрой, и всё уладилось. Ступицкий был здешний, из дивизии, но нас знал хорошо. Он призывался из Калининграда и успел перед армией поработать мастером на стройке, был женат, то есть вполне самостоятельный, в сравнении с другими. Может, потому Лайков его и назначил комсоргом школы — взрослый же человек! Так или иначе, только после визита Ильи к начальнику школы нас с Юрой никто больше не трогал.

Но легче от этого не стало. Худое слово уже прозвучало. Кто нас знал, тот не поверил, а кто не знал? Ведь кто-то же украл! Кто? Вслух называли только нас. И первым это сделал Спиридонов.

Спиридонов был и помкомвзвода, и одновременно командиром первого отделения. Он был того же года призыва,

что и Сирож с Данилевичем, но видно было, что те всегда вдвоем, даже койки рядом, а Спиридонов как бы сам по себе. Нам с Юрой Мальцевым это было как-то всё равно. У нас своя жизнь, у сержантов — своя. Мы и с Сирожем имели дело только потому, что его койка рядом с Данилевичем была. А так мы бы и его не очень знали. Нас интересовал Данилевич — он нам командир, мы от него зависим. Но вот надо же — Спиридонов нас зацепил. Вроде все обошлось, но не забылось. Потому что долго казалось, что вся школа только на нас и смотрит.

А летом школа, как и вся дивизия, перебралась в летние лагерь. Благодать! Тепло, вокруг лес, живем в палатке — деревянные полаты на отделение, сбоку отдельно — наш Данилевич. В палатках — всё. Палатка — ленинская комната, почитать газеты, написать письмо. Палатка — хозяйственная, что-то починить, подшить, погладить. Город из палаток!

Однажды ночью проснулись от крика — звериного, хоть и человеческого. Крик прозвучал и как оборвался. Зато слышны стали ритмичные мягкие, как шлепки по телу, звуки. Ритмичные, а после крика как бы зловещие. Наша палатка, всё отделение, все как один и Данилевич с нами, сидели на своих соломенных матрасах не шевелясь и не говоря ни слова. Чуть погодя Данилевич, в кальсонах и в сапогах на босу ногу, вышел наружу. За брезентом палатки опять, как вырвался, звериный крик, теперь уже долгий и слабеющий, как удаляющийся...

Нагнувшись, влез в палатку Данилевич. Оказалось, в нашем ряду, в одной из пустующих палаток, били вора...

Как рассказали Данилевичу, в какой-то роте поймали на горячем солдата, который воровал и сбывал в соседнем Уручье солдатское белье. Постельное, нательное и полотенца тоже. Солдатику тихо провели в пустую палатку, из уворованной им

наволочки соорудили кляп и заткнули рот. Потом уложили на стол, задрали рубаху, четверых поставили держать за руки, за ноги, а двое с намотанными на руку поясными ремнями встали друг против друга и поочередно стали учить его уму-разуму. Вот это нам и слышалось, как мягкие шлепки по телу. Что по телу, так мы не ошиблись.

Воровитому неудачнику как-то удалось выдавить кляп, тогда мы и услышали его отчаянный крик. Но кляп быстро вернули на место, и экзекуция вернулась в прежнее ритмичное русло. Однако в какой-то момент жертве посчастливилось не только избавиться от кляпа, но и вообще вырваться из рук своих мучителей. Изо всех сил он бежал в сторону дежурного по части, в сторону офицера, в сторону закона, который спасет его от страшного самосуда. Вора быстренько спрятали на гауптвахту, до суда...

И вдруг, уже никто и не ждал, обнаружился человек, который зимой украл деньги у сержанта Сирожа! Его звали Маркин, он был москвич, из первого стрелкового взвода нашей школы, из здешних, то есть из дивизии. Он украл у кого-то хороший фотоаппарат. Фотоаппарат в пятидесятые годы — это же и редкость, и ценность! Украл и тут же попался. А когда попался, то еще кое в чем признался. В том числе и в деньгах Сирожа.

Напуганные недавним самосудом, наши офицеры отправили на спасительную “губу” — гауптвахту — и Маркина тоже. Там его допрашивали, там дали ему свидание с приехавшим отцом. Потом говорили, что отец его какая-то шишка в Москве, что судить его не судили, сплывили куда-то в другую часть, а то бы загудел в дисбат — дисциплинарный батальон, такой себе штрафбат мирного времени. А там и посиди, сколько тебе дали, а потом еще и возвращайся в свою часть дослуживать, сколько не дослужил.

И только теперь мы с Юрой Мальцевым почувствовали себя нормальными людьми, уважаемыми людьми, свободными от каких-то там подозрений людьми. Обыкновенными честными и порядочными людьми. И пусть наш капитан-замполит не свистит вместе с помкомвзвода Спиридоновым. Мы с Юрой — нормальные честные люди... Это было большое для нас облегчение. И для нас, и для тех, кто за нас болел и переживал. Чище мы чистого, как говорится.

В душе мы с Юрой и Спиридонову, да и капитану-замполиту тоже, этой истории не простили, но всё же редко ее вспоминали. Каждый день новые дела, мелкие, но дела, так что не до воспоминаний было. Но Спиридонов, нет-нет, снова напоминал о себе. Вот взъелся он на Вальку Дроздова. Дроздов из наших, из прикомандированных. Парень как парень, но имел невезение попасть к Спиридонову в отделение. А весной, когда расчищали от наезженного снега участок шоссе и долбили этот снег-лед ломами и кирками, от лома Вали Дроздова отлетел осколок этого снега-льда, и куда отлетел? Прямо в лоб его командиру отделения старшему сержанту Спиридонову. И Спиридонов ему это запомнил.

Шоссе расчищалось, чтобы нам удобно было готовиться к майскому параду. Дивизия наша считалась столичной и по Первомайским и Октябрьским праздникам участвовала в торжественном прохождении войск. На шоссе Минск — Москва мы уже с марта приучались тянуть носок, видеть грудь четвертого человека и задирать подбородок в сторону праздничных трибун. А плюс к тренировкам на шоссе нас отдельно на плацу муштровали наши командиры отделений. Вот тут и настрадался от Спиридонова наш Валя Дроздов.

Против атлета Спиридонова наш Дроздов был только чуть меньше в масштабе, а так — такой же крепкий, сбитый. Но выглядел как-то не по-боевому, не по-бойцовски, как-то

мягко. Губы у него были как припухшие и чуть приоткрыты. Не то чтобы открыты, а как щель между губами. И было у него от этого такое выражение лица, как будто ему что-то интересно и он этому интересному как бы удивляется. И вот такому как бы удивленному курсанту Дроздову Спиридонов, чуть что, дает команду — повторить.

По одному проходят перед Спиридоновым его гвардейцы, и всё у них хорошо, а вот Дроздов... «Отставить! Повторить!» Дроздов повторяет, а на лице как удивление. И на это как бы удивление опять команда «Отставить! Повторить!».

Уже мы и майский парад «торжественным маршем, побатальонно» отчеканили, уже и лето пришло, но всё равно, хоть на брусьях, хоть под проволокой по-пластунски, — всё равно для Дроздова звучало спиридоновское «Повторить!».

Дроздов был наш, из “летунов”, как нас называли в письмах, и его надо было как-то выручать. Один раз мы увидели его плачущим. После команды «Разойдись!» обратили внимание — слезы по лицу! Молчит, припухшие губы удивляются, а по щекам — слезы. Мы ему — ты чего, мол? А он — «Да ну его!», он даже и ругнуться толком не умел.

Мы с Юрой Мальцевым, как-никак, головами к головам с сержантскими койками. О Спиридонове уже говорили как-то, поняли, что и Сирож, и наш Данилевич от него не в восторге. Но с Вале́й Дроздовым что делать? Мы и представить себе не могли, что кто-то из нас может заплакать. Заплакать! С чего вдруг! Слава богу, не женский пол. И вдруг... Надо ж так довести человека!

Сержанты ничего посоветовать не могли, кроме как потерпеть и постараться не обращать внимания. Совет, конечно, дельный. Служба есть служба. Командиров не выбирают.

Тогда поговорили с Ильёй Ступицким. Что, мол, скажет комсорг школы... Тот возмутился, загорелся поговорить со стар-

шиной Агиевичем, который, как сказал Илья, таких вещей не спускает. Но мы отказались — иди знай, как среагирует Спиридонов. Как бы хуже не вышло...

Тут мы с Юрой вспомнили, что я уже вроде как признанный военкор, военный корреспондент при нашей дивизионной газете. При газете, которую в дивизии все читают. (А что еще читать в армии? Тем более что в то время на курево выдавали махорку, и газета шла еще и на закрутки.) И решили мы с Юрой, что должен я написать в газету, какой у нас в полковой школе есть замечательный курсант Дроздов Валентин. Вот просто замечательный, и всё.

И что вы думаете? Написал, и напечатали. А Витя Александров, наш, “летун”, тоже, как Юра, из Ташкента, сделал фотографию курсанта Дроздова, в парадном мундире, в фуражке. И фото тоже напечатали. Ничего на это наш Спиридонов не сказал, но понятно было, что прочел. Прочел и немного поутих.

Поутих, но такая уж у него была суть, пакостная, что надолго утихнуть — это не для него. И проявилась эта его суть для всего нашего пулеметного взвода однажды осенью, когда мы уже опять были “на зимних квартирах”, а на дворе было дождливо, и под ногами было не сухо, хоть белорусская земля и впитывала жадно небесные осадки.

Занятия в полковой школе, как и во всякой школе, проходили по расписанию, и если на спортивном городке был, допустим, первый взвод, то пулеметчикам или второму стрелковому там делать было нечего. В тот день по расписанию последние занятия у нас были по тактической подготовке. На тактических мы и оборону занимали, и сектор обстрела обозначали, и по флангам вперед выдвигались, так что порядком устали, пока услышали, наконец, команды помкомвзвода Спиридонова — «Строиться!» и «Шагом марш!». И вот мы уже идем, идем

домой, в столовую, на ужин, и уже прилично прошли, и уже текут, как говорится, слюнки...

Ан не тут-то было. Команда «Запевай!», и... Наши запевалы Юра Мальцев и Элемесов почему-то не запели. Вот как-то так оба враз не запели. То ли друг на друга понадеялись, то ли так устали, так “не в масть” было это «Запевай!», что они оба, не сговариваясь, взяли и не запели. А как не запели, сразу другая команда пошла, которую все услышали, — «Стой!». Раз, два, стоим.

— Запевалы на месте? — спрашивает Спиридонов.

В ответ молчание. Всё ясно, не захотели. Ну и правильно, и так еле ноги волочим! Но...

— Правое плечо вперед, шагом марш! — командует Спиридонов. — Прямо!

И мы идем обратно! Впереди командиры отделений Сирож и Данилевич, за ними взвод, а сбоку справа — Спиридонов. И пришли туда, откуда шли. И разворачивает нас Спиридонов, и снова дает команду запевать, и снова молчат наши запевалы. Ну и ну! Интересно, что теперь скажет наш помкомвзвод.

А Спиридонов вызывает к себе сержантов Сирожа и Данилевича, нас разворачивет в цепь, дает команду «Ложись!», и мы плюхаемся в песочную слякоть полигона. «Слева, справа по одному, короткими перебежками — вперед, марш!», и мы опять в бою.

Мы бежали, падали, ползли, волоча за собой табельное оружие — автоматы Калашникова в основном. В каждом отделении было и по одному ротному пулемету. У нас такой пулемет был закреплен за мной, я до сих пор помню его заводской номер — ЭГ270. Один пулемет на отделение, но мне никто не завидовал — пулемет, не в пример автомату, весил тринадцать целых и шесть десятых килограмма, какая

уж тут зависть... Мы ползли вперед, волоча за собой табельное оружие, мы выполняли приказ командира, который не обсуждается...

Наконец, Спиридонов приказывает строиться, наши сержанты возвращаются в голову колонны, и мы опять движемся в сторону казарм. «Запевай!» — командует наш прилежный строевик Спиридонов, а наши запевалы? Опять отмолчались!

Спиридонов рассвирепел. Он снова вывел сержантов из игры, развернул взвод в обратную дорогу, дал команду «Бегом марш!», а потом как-то даже истерично крикнул — «Газы!». «Газы!» — это сигнал о газовой атаке. Эта команда-сигнал означала, что из противогазных сумок, которые до сих пор мирно шлепали нас по левой ягодице, из сумок мы должны извлечь резиновые маски и отработанными до автоматизма движениями натянуть эти маски на наши упрямые головы. И главное было — не забыть откупорить противогазную коробку, чтобы воздух таки да поступал...

Никто не проверял, хорошо ли натянуты маски, нет ли щелей где-то у подбородка, потому что не в учебе было дело, не учеба это была, а наказание за непослушание, за непокорность, за то, что забыли, где наше место в самой низовой армейской иерархии — солдат, сержант, старший сержант...

В низовой армейской иерархии есть еще одно воинское звание — ефрейтор. Наш запевала Элемесов имел именно такое звание. Как он его получил, было загадкой даже для него самого. Ему присвоили это звание еще в Моздоке, причем еще до принятия присяги. И это непонятное присвоение сыграло с ним злую шутку. Перед присягой мы должны были провести стрельбы, выпустить по три пули по мишени. (Тем самым мы, видимо, подтверждали, что наши убеждения не мешают нам взять в руки оружие.) Элемесов, как и все, взял в руки карабин, лег на огневом рубеже и сделал свои

три выстрела, но... в мишень не попал. Не попал — и не попал, подумаешь, это же так, только начало, настреляешься еще! Так-то оно так, но Элемесов уже ефрейтор, старший солдат как-никак, и вот — такой конфуз. Он упросил дать ему еще одну попытку, ему разрешили, но, увы, всё повторилось. Очень он тогда переживал... И что же теперь должен делать взводный запевала Элемесов? Он же ефрейтор, старший солдат!

А Спиридонов уже останавливает взвод. Оказывается, наш Витя Александров, самый низкорослый и потому всегда замыкающий в любом строю, потихоньку отставал и отставал. И чтоб догнать, сорвал с себя противогазную маску, чтоб дышать было легче. И это увидел Спиридонов. И остановил взвод.

— Александров! Газы! — уже не командовал, уже не кричал, а орал не своим голосом Спиридонов.

Витя Александров, известный единственной в школе гармошкой, безотказным фотоаппаратом и добрейшим нравом, опять натянул на себя мокрую от пота резину, на которой таращились круглые стекла.

— Бегом марш! — проорал Спиридонов.

Мы побежали, тяжело топая сапогами и тяжело дыша...

После “газовой” пробежки Спиридонов снова построил взвод и, уже не рискуя ставить сержантов впереди, дал команду двигаться. Понятно, что сейчас он снова потребует заводить песню. Уже темнело. И Элемесов тихо говорит Юре Мальцеву: «Поём пропеллер». А Юра ему: «Поём на три, четыре». И не успел Спиридонов насладиться своим командирским голосом, как зазвучали голоса наших запевал:

Там, где пехота не пройдет,
Где бронепоезд не промчится,

Угрюмый танк не проползет,
Там пролетит стальная птица.

А мы дружно, и даже, я бы сказал, бодро включились в припев:

Пропеллер, громче песню пой,
Неся распластанные крылья...

И как в песне летела в свой последний, но победный бой стальная эскадрилья, так победно шли мы (откуда только силы!) ровным строем дальше и дальше по лесной дороге, под песню, под свою песню, и мой почти пудовый ротный пулемет уже не казался мне таким уж почти пудовым. К столовой взвод подошел под слова

Мы перед вылетом еще
Их поцелуем горячо
И трижды плюнем через левое плечо-о-о.

— Взвод, стой!

Раз, два, и взвод стоит.

А нас, оказывается, уже ждут! Какой-то майор с повязкой дежурного по части и с ним — что нас всегда настораживает — наш строгий старшина Агиевич.

Оказывается, мы здорово опоздали на ужин. Нам команда — бегом в столовую, но мы успеваем понять, что сержантов чехвостят за ЧП — не покормили вовремя солдат...

Наверное, шум подняла столовая — мол, из-за одного какого-то взвода ни печи погасить, ни двери запереть. Но это столовая, а у дежурного офицера другой резон — солдат должен вовремя поесть! Конечно, это так. Дивизия, которая прошла войну, знала цену всему, из чего состоит война. По Суворову, у солдата ноги в тепле, живот в голоде, а голова в холоде, однако после «живота в голоде» должна прибыть

полевая кухня! А тут — редкая возможность поучить других! — не покормили вовремя солдат...

Наутро скандал получил и развитие, и завершение. У начальника школы подполковника Лайкова прошло короткое совещание, откуда с белым лицом вышел не только наш командир взвода старший лейтенант Ожегин, но и капитан-замполит. В этот день все взводные занятия проводил сам командир взвода. Когда мы уходили на строевые занятия и запеваля привычно затянули ставший для нас традиционным “пропеллер”, вдруг прозвучала команда «Отставить!», после чего старший лейтенант сказал:

— С сегодняшнего дня поем только общеармейские песни. Это было сказано спокойно, но твердо. И это было для нас неожиданностью, потому что нашими необычными строевыми песнями наш комвзвода даже гордился. И вдруг... Значит, что-то случилось. А вечером, после ужина, всех нас, прикомандированных от авиации, построили посреди казармы. Старшина школы Агиевич, лично, каждому из нас вручил комплект погон и петлиц красно-малинового цвета для замены наших летных — голубых. И это было сделано тоже спокойно и твердо, спокойно и деловито, как будто в этом всем не было ничего такого, ничего особенного. Ничего особенного в том, что теперь мы будем, как все, — краснопогонники с обычными эмблемками вместо дорогих нашему сердцу “крылышек”...

Мы расходились к своим тумбочкам, ошарашенные и бессловесные. Нас как будто лишили чего-то очень важного, очень главного. Нас как будто оскорбили, а мы это оскорбление проглотили... Мы были ошарашены и не глядели друг другу в глаза...

А что, собственно, произошло? Мы теперь будем выглядеть, как все? Только и всего?

Чуть позже Ступицкий рассказал, что утром был большой скандал. В политотдел вызвали нашего капитана-помполита и в очень резкой форме (то есть в очень резкой) попросили объяснить, что это за строевые песни такие поет на весь гарнизон полковая школа? Перед каким это вылетом «еще их поцелуем горячо и трижды плюнем через левое плечо»? А «На пле-чо!» команду выполнять их в школе научили? Короче, когда выяснилось, что это прикомандированные из авиации поют свои авиационные строевые, приказано было нам на время командировки забыть, откуда мы прибыли, но помнить, прибыли куда.

Мы помнили шутку, что там, где начинается авиация, кончается дисциплина. А что кончается там, где начинается пехота?

Мы стали краснопогонниками, как все вокруг. Но в отличие от всех вокруг мы спрятали “на потом” голубые погоны с крылышками. Мы не хотели выглядеть как все, если можно было выглядеть иначе. Мы были обыкновенные люди. Мы хотели отличаться от других, если это можно. Так устроены люди. Они гораздо лучше чувствуют себя тогда, когда не похожи на других. Какая глупость! Но как живуча...

Одно мы знали твердо — во всём виноват Спиридонов. Это он, гад, произдевался над нами вволю, а потом еще и выставил нас перед этим дежурным по части, патриотом пехоты... Это всё он, Спиридонов...

Между прочим, патриотов пехоты следовало бы уважать больше, чем это делали мы в те годы. Во всякой войне именно пехота и есть главный герой. Безымянный пехотный солдат, неизвестный, легко забываемый, первый, кого убивают, и первый живой, кого встречают хоть побежденные, хоть освобожденные. Именно пехота и есть главный герой во всякой войне. Конечно, лучше, чтобы этих войн вообще не было, но уж коль скоро они есть и коль

скоро свежа в памяти Вторая мировая (а она была свежа в памяти!), то надо бы нам не обижаться на дежурного по части за его, как мы считали, местечковый патриотизм. Надо бы нам, наоборот, устыдиться своей нескромности. Нехорошо, мол. Кашу едим пехотную, еще и на добавку надеемся, а хвастаем, что там, где пехота не пройдет, там пролетит стальная птица... Еще неизвестно, какое к этой птице мы будем иметь отношение. Тем более что вместо школы авиационных специалистов мы здесь, и из нас готовят явно не авиационных специалистов...

Но мы были такими, какими были, и, очень оскорбленные и униженные (!), тешились тем, что придет день, когда мы вернем на свои шинели и голубые погоны, и дорогие нашему сердцу крылышки.

И этот день, конечно же, пришел.

Мы закончили учебу, сдали положенные экзамены, получили специальные вроде бы дипломы и звание младших сержантов. Теперь на наших погонах должны были появиться по две лычки. А поскольку на этом наша командировка как будто и заканчивалась, то к этим двум лычкам должны были вернуться и наши погоны с птичками. И когда уважаемый нами подполковник Лайков («Женщина любит силу и ласку!»), который, отдавая честь, не дотягивал ладонь до положенного виска, когда подполковник Лайков поздравлял нас с успешным окончанием школы, то в общем строю праздничных младших сержантов были не только красные погоны, но и голубые. И подполковнику Лайкову это ничуть не мешало. Школа опустела. Ребята, в том числе и Илья Ступицкий (Ступицкóй, как мы его шутя называли), распределились в роты. Только мы, прикомандированные, маялись в огромной гулкой казарме в ожидании, когда за нами приедут. И этот день тоже, наконец, наступил.

Напоследок случилась задержка. Дело в том, что за успешную учебу выпускников школы наградили не только значками отличников боевой и политической подготовки, но немногих счастливчиков еще и отпуском на родину. Естественно, это относилось только к своим родным выпускникам, а не к прикомандированным. Но в списке неожиданно оказался и я. Как выяснилось, к отпуску меня представил политотдел дивизии как военкора дивизионной газеты. И при этом за-был поставить в известность нашего капитана-замполита. Тот бы сразу сказал, что, мол, это чужак. Но его не спросили! Капитан был очень этим огорчен. Мало того что золотая награда — отпуск — досталась не своему, так еще какому не своему! Тому самому, кто прошлой зимой вроде бы точно украл деньги у сержанта, а оказалось, что не точно украл.

Не знаю, что больше смущало замполита. То ли наши с Юрой Мальцевым физиономии и в самом деле не внушали доверия, то ли они напоминали ему о его досадной промашке. Известно только, что капитан пытался уговорить политотдел заменить мою фамилию на “родного” курсанта, но в политотделе конфузиться не захотели, и капитану было отказано.

И вот напоследок вдруг оказалось, что все документы для нашего отъезда готовы, нет только выписки из приказа на-счет моего отпуска. И хоть дело было уже после рабочего дня, кого-то всё же куда-то послали, выписку отпечатали, заверили и вручили нашему сопровождающему. Прощай, полковая школа, прощайте, товарищ капитан, прощай, старший сержант Спиридонов. И, конечно, прощайте, наши недолгие друзья, и подполковник Лайков, и дорогой наш товарищ Илья Ступицкой... И отдельно — товарищ старший лейтенант, наш немногословный командир взвода. (Витя Александров как-то на стадионе уговорил его сфотографироваться на память и распечатал снимок для всего взвода.) Всё. Летуны улетают.

Мы вернулись в Смоленск, в штаб армии, где должны были нас распатронить кого куда. Одно теперь волновало — куда нас с Юрой Мальцевым определят с нашей нелетной профессией командиров пулеметного отделения. Куда?

Недели две нам придумывали работу в Смоленске — то дрова пилить, то за кирпичом на завод поехать. Наконец, и это кончилось. И... оказалось, что нам с Юрой ехать-то в разные места! Ему в Бобруйск, в составе большой команды, а мне еще с одним из наших — в Брянскую область, в какую-то Сещу. Как так! Нам же с Юрой вместе надо!.. Не догадались предупредить... Майору, который нас расписывал, ему-то было всё равно, кому с кем. Да и теперь ему всё равно, то есть не поздно еще, только договориться надо, с кем поменяться...

Бобруйск — город на слуху, а Сеща — что такое? И никто из бобруйских в Сещу ехать не хочет. Ну а мой напарник по Сеще — как он насчет Бобруйска? А напарник еще как насчет Бобруйска! И переписали Юру Мальцева по его личной просьбе с Бобруйска на Сещу. И теперь ехать нам вдвоем в неизвестную войсковую часть каждому на должность командира отделения какого-то отдельного взвода охраны. И тут мы почувствовали, что всё, что было прежде, это была еще не служба, а так, предслужье, как предбанник перед настоящей парной. И какая она будет, эта наша настоящая служба?

В проходящем поезде наши места рядом с ватагой веселых старослужащих, которые, оказывается, уже домой, уже отслужили. Мы против них — еще, как говорили тогда, салаги, первачки-соплячки, не то что они, уже своё отбывшие, отстрелявшие. И нам наливают — за нас, за салаг, чтоб служба у нас нормально закончилась. Мы с Юрой не очень-то и выпивали

за свои солдатские, а денег из дому просить не хотелось. Своей бутылки в вещмешке не было, так что от себя на стол выставить было нечего. Но ребята на это и не рассчитывали, это был их праздник, и мы были на этом празднике случайные гости, но — желанные, потому что понимающие, что есть что.

Ну и, конечно, первый вопрос — откуда мы, не земляки ли случайно. Одесса? Ташкент? Нет, они из Наро-Фоминска. Слыхали про такой? Это под Москвой, завтра будем дома. Там в войну страшные бои были. Неужели не слыхали?

Мы с Юрой переглянулись. Из Наро-Фоминска был Спиридонов. Мы о нем уже и думать забыли, а тут — надо же, из Наро-Фоминска...

— Слыхали. У нас помкомвзвода из Наро-Фоминска был.

— Да ну! А кто? Может, знаем?

Мы с Юрой опять переглянулись.

— Спиридонов, — чуть не хором сказали мы.

— Спиридонов, Спиридонов... А какой из себя? Уж не Саня ли? Как зовут?

Саня или не Саня, мы не знали, его по имени никто не называл. Даже наши сержанты его иначе как по фамилии не окликали. А внешность у него была яркая, так что портрет его мы очень быстро нарисовали — здоровый такой, бицепсы, трицепсы, всё на месте. Волосы светлые, волнистые. Хоть и стрижены по-армейски, но всё равно — красавчик...

— Вроде Саня, — сказал один из наших попутчиков. — Он должен был вместе с нами призываться, но ему отсрочку дали на год. Он у нас в доме отдыха культурником работал, организовывал разные там мероприятия, зарядку утром, танцы вечером.

— Подожди, — сказал другой, — у него шрам должен быть под правым глазом, помните, он в темноте на колючую проволо-

ку напоролся, хорошо что не в глаз. Есть шрамчик у вашего Спиридонова?

— Есть! — сказал Юра Мальцев. — Есть. Короткий, как ямка. А я так и не вспомнил, чтобы на его круглом упитанном лице была какая-нибудь рябинка-щербинка.

— Он! — обрадовались наро-фоминские. — Ему сколько еще служить? Год? Точно он! Пошел бы с нами — сейчас уже домой бы ехал! Так говорите, помкомвзвода? А что за взвод у вас? Какие взводá в авиации?

И опять мы с Мальцевым переглянулись.

Пока ехали, успели рассказать, как из авиации попали в пехоту, как весело дались нам сержантские лычки и как повезло нам с помкомвзвода Саней Спиридоновым. Уже вроде как и забылось всё, а вот нет, не забылось и не простилося. В те годы мало кто знал такие слова, как «лагерная пыль», но ощущение своего бесправия и своего бессилия перед вроде бы таким же, как и мы, Спиридоновым — мы ребятам из Наро-Фоминска как-то обрисовали. Мы тогда не спросили, где они служили, но понятно было, что так бегать в противогазах, как мы, им точно не доводилось. Противогазы наши явно произвели впечатление.

— Ты глянь! Ты глянь! — приговаривали они. — Ты только глянь! Вот тебе и Саня, Новый год...

Нам выходить было в Брянске. Попрощались. С перрона помахали уходящему поезду — почти земляки, как-никак... Как породнились через Спиридонова...

Вот мы с ним и посчитались. Через год вернется он домой, как ни в чем не бывало, а тут ребята его и спросят — что ж ты, мол, Саня, так тебя не так, в армии делал, лычки свои сержантские как выслуживал? Спросят его, а ответить ему будет нечего. Потому что вчера никто еще ничего не знал,

а сегодня тайное стало явным. И будет ему позор среди людей. И не где-нибудь, а в родном Наро-Фоминске.

Мы пошли искать поезд на неведомую Сещу... Мы еще не знали, что через два дня получим в подчинение ребят с карабинами и боевыми патронами. И поведем их в караул на охрану склада авиационных бомб. Не знали, что еще через две недели меня самого назначат на должность помощника командира взвода, и мы с Юрой переглянемся, вспомнив Спиридонова. И, конечно, не знали, что много лет спустя придет осознание того, что... Кто такой Спиридонов? Откуда взялся? Ну пересекся с нами, но не пророс же в нас, не пророс! Как пересекся с нами, так семя свое и умертвил на корню. Не пророс. Отторжение произошло. Так что и мстить-то, по большому счету...

Вот так это было. Хоть в переписку и не попало.

А мы вернемся в 1959 год.

март'59

[СЕНЯ]

Вот я и уехал. А поверил в это только когда был уже в Брянске. В поезде казалось, ощущение какое-то непонятное, — будто это обычная трамвайная поездка по делам. Сейчас уже никаких иллюзорных ощущений, снова с головой окунулся в осточертело знакомую атмосферу. Акклиматизировался сразу, но, конечно, без того празднично-приподнятого настроения, что было у меня по приезду в Одессу.

За время отпуска у Юрки (он меня замещал) было несколько не совсем приятных случаев, так что требовательность к нам несколько повышена.

Доехал, ясное дело, благополучно. Приехал сюда 19-го в 3 ч ночи. До места добрался к пяти. Вчера с вечера приступил к своим обязанностям. Тоска острее, служба долговечнее. Вот, пожалуй, и всё.

Пиши, Софья. Во-первых, как рентген, — ты ведь сегодня должна была пойти. Во-вторых, что на работе, как моральная обстановка. Ну и в остальном — об остальном. Подробно, от души. Пиши.

Маме скажи, что фонарик отличный. Я его уже опробовал в нашем "пейзаже". И вообще — спасибо, спасибо. Ну, Соник, закончу. Следи за собой, кушай. И — хорошо кушай, на совесть! Ясно, товарищ ефрейтор? Вот так.

[СОНЯ]

Получила наконец-то от тебя письмо. Очень задержалось в пути, пришло только 26-го. В этот день поехала к бабушке, повезла от нас гостинец — шелахмунэс (кажется, так называется). Бабушка была очень тронута. Дебора после твоего отъезда у нас еще не была. Обещала меня устроить на прием к врачу. 27-го у нее должен был быть разговор с Мишей, но не знаю, состоялся ли.

На рентгене была, ничего страшного, немного отразился грипп. Надо кушать.

На работе сделала одну контрольную — уже несходимость. Ну что можно сделать? Я уже не убиваюсь. Сейчас всё свободное время сплю. Никуда не хожу и ко мне никто не приходит после твоего отъезда. Как сговорились.

Была в техникуме, видела Неймана. Он очень жалел, что ты не зашел. Обрадовался встрече со мной. Передал тебе массу наилучших пожеланий и огромный привет. Очень сокрушался, что я не зашла тогда взять для тебя рекомендацию в партию. Он говорит, что с удовольствием дал бы.

Если бы ты знал, как стало скучно и пусто без тебя! Настроение скверное.

Мама довольна, что тебе фонарик понравился.

ЛЕТО

апрель'59

[СОНЯ]

Была у бабушки, она чувствует себя неважно, говорит, что не доживет до твоего возвращения. Но я ей говорю, что она должна еще наших детей понянчить.

Аркадий купил книжный шкаф, обещал нам достать тоже. Ира его ругает, говорит, что у нее туфель нет, а он шкаф привез — специально, чтобы ей туфли не покупать.

Дядя Рува получит комнату, а у нас пока ничего не слышно.

Да, на работе вот какие дела: по сходимости — в марте месяце меня первый раз оценили передовиком. В этом месяце сделала уже одну контрольную — есть сходимость! Еще две осталось — самые трудные.

Очень устаю, просто зверски. Валюсь, как убитая. Сейчас столько работы, что передохнуть некогда.

Да, Сенчик, я теперь артистка. Мы ставим на 1 Мая «Свадебное путешествие». Пьеса очень веселая — комедия. Я играю дочь профессора — начальника экспедиции. Сразу вспоминаю наши репетиции. Ты разрешаешь мне играть?



Вот сейчас отвечаю на твое письмо, а жду уже ответа на свое. Как надоело писать, ждать, быть одной! Считаю, сколько месяцев осталось до моего отпуска. Так хочу к тебе, просто умираю. Я знаю, ты скажешь: «Умирать не надо, а хотеть надо» — да?

На работе всё равно грызусь, потому что могут на голову сесть. Хотя и так садятся.

Вчера очень плохо себя чувствовала, была температура 38,1, но я с работы не ушла. Сегодня не меряла, но чувствую, что тоже есть. Не знаю отчего, думаю, просто простуда.

Ты пишешь, что пьеса в их исполнении хуже, чем в нашем. Нина интереснее меня, ведь ты сам мне говорил, ну а жена офицера, наверное, не так молода и хороша, как Дианочка. В это я верю. Но ничего, главное, чтобы хорошо получилось. У нас вот репетируют «Свадебное путешествие», и я сомневаюсь, что мы поставим на Май, но если и поставим, боюсь, что провалимся. В общем, напишу, как пройдет, а ты напиши, как у вас.

Родной мой! Я очень хочу к тебе. Можно, чтобы я приехала к тебе в гости на весь отпуск, и можно ли вообще?

Спасибо за фотокарточку. Я пока еще выслать не могу, потому что худая, но с сегодняшнего дня стала есть манную кашу, так что должна поправиться.

Сейчас прочитала Отто Штейгера «Портрет уважаемого человека». Книга мне очень понравилась.

Кончаю писать, потому что нужно идти на планерку.



Получила от тебя письмо, очень-очень рада ему, такое теплое, хорошее.

Извини, что сразу не ответила. С драмкружком совсем закрутилась. За пьесу взялись поздно. Приходится каждый день ездить на репетицию. Позавчера была только первая разводка. Вообще пьеса трудная. Работать над ней надо много, а времени мало. Помнишь, как мы долго мусолили одноактную пьесу? А ведь эта в три действия. А еще и мальчишки несолидные. Хохочут и не чувствуют совершенно ответственности. Играют неважно. В общем, боюсь, что провалимся.

Дорогой, у меня, безусловно, есть жених, даже я потом выхожу замуж за него и даже целуемся по пьесе. Жених у меня симпатичный. Рыбка! Ты не ревнуешь? Знаю, нет.

Завтра бабушка именинница, пойду ее поздравить.

Чувствую себя лучше. Читаю сейчас «Битву в пути», исключительная книга. А Ляля принесла уже «Три товарища».

Напиши, что ты сейчас читаешь, что слышно с твоими произведениями и почему ты не прислал мне по-

читать. А, понимаю, ведь я мало в чём могу помочь и посоветовать.

У нас дома пока всё по-старому. Мы уже 74-е на очереди, так что может быть, к твоему возвращению получим квартиру.

[СЕНЯ]

Как хорошо! Со всех сторон тучи, тучи, и вдруг — письмо, солнечный лучик, теплый такой, радующий, весь — только для меня.

Значит, рентген хороший? И надо кушать? Ну что ж, раз надо, значит — будем. Правда?

На работе не грызись, Софья. Нельзя. Я тоже грызусь, но только по необходимости. Как-то на днях шел с фотоаппаратом. Меня мой политбосс спрашивает: «Зачем вы его носите?» — «Фотографирую военные объекты», — говорю. Так он, видишь ли, «не знает, быть может, и так». «Так я, — говорю, — и ставлю вас в известность». Говорит — неостроумно. Ну что ты сделаешь? «Как умеем, — говорю, — как умеем». Вот так мы с ним дружим. Но приходится грызться и с ребятами. Тебе легче — у тебя пробирки.

Ваню, кажется, на днях снимут с должности. Полчаса сна в карауле принесли ему массу неприятностей.

Софья, что тебе сказать? Плохо, что еще много служить, что долго до тебя. Вот приедешь — съездим с тобой в Дубровку (здесь недалеко) к моим попутчикам от Брянска. Молодая семья, он окончил МГУ, юридический факультет, работает помощником райпрокурора, она окончила пединститут, филфак, работает корректором в районной газете. И еще одна она, полутораговая Лилька, их дочь (ей и ее маме я уступил свое боковое

место в поезде). Приятные. Приглашали в любое воскресенье на “семейный обед”. Познакомил их с тобой. Ты понравилась. Софья, выше нос!

Соник, Сонечка! Мне тоже завтра рано вставать. Пиши.



И письма я от тебя не получил, и событий особенных нет у меня, а вот сегодня в караул пришел — и тяга какая-то письмо написать.

Сейчас погода у нас слякотная, вялая. Только и спать под мелко морозящий дождик. Да еще и разговаривать. Сейчас говорили на вольные темы с Толиком Архиповым, “марксистом”, как его называют ребята. Вопрос такой, высокоматериальный, — скоро ли в каждом доме телевизор будет. Пришли к выводу, что здесь дело не только в том, смогут ли купить. Даже взять семью, к примеру. Кровать — вещь необходимая, верно ведь? Ну а дальше что? Я говорю — мы с Сонечкой считаем — дальше нужен приемник. А другим во вторую очередь — ковер или в этом роде что-нибудь. Тут Толик мой размечтался. Нужна, говорит, стиральная машина. Жене, мол, легче будет. Это, говорит, обязательно.

Я вот смотрю — много все-таки нового у нас, хорошего. Толик Архипов. Среднего роста паренек, длинноносый немного, волос впереди прилизан под явным острейшим углом, сзади — торчит растрепанным веником, неопрятный, махнувший на себя рукой в этих условиях. Обыкновенный до серости. Любит читать и философствовать. Родился и жил в одной из тамбовских деревень. Окончил десятилетку. Увлекался мотоциклом, сейчас в свободные часы упрямо штудировать учебник шофера 3-го класса. Страстно любит природу, очень красочно,

с милыми штрихами, рассказывает о своих местах. Как большинство наших ребят, не верит, что женится по любви. Но — хочет только так. И вот послушаешь его — веришь, что хорошим семьянином будет, жена, во всяком случае, плакать не будет. (Не то что я. Верно?)

Много хороших людей, Софья, ох как много. По-разному, но — хороших.

Да, соврал. Новости всё же есть. Ваню и еще одного сняли с должности. Прислали двух новых сержантов. Жаль Ваню — ему ведь немного до конца осталось. Служить ему сейчас легче, но...

Меня избрали, вернее — назначили, в редколлегия. Обсуждали первый номер газеты — уже успел поне-соглашаться с замполитом. Хочется хоть одну газету сделать такой, чтоб ее не смотрели, а — читали. Трудная вещь и — заманчивая. И еще — «Линию жизни» всё-таки ставим. Наташу играет Нина, а Нину Мих. — жена одного офицера, Анна Ивановна. Что и говорить, до тебя и Дианы им неблизко. А мне это на нервы действует. Такую хорошую вещь — можем просто обидеть игрой. У меня роль Черных, как и тогда.

Я завертелся, хотел сразу взяться за многое, но служба поглощает беспощадно всё мое время. Хотел было осенью попытаться сдать за 10-й класс, хотел за этот год окончательно проверить себя — гожусь ли я для литературы. Для этого нужно много писать. А здесь еще и драмкружок, и газета. Вот и крутись.

Послал в «Советский сокол» один рассказик в стиле первых рассказов И. Эренбурга и одно стихотворение. Дома был недавно, а вот — только что собирался подсчитать, сколько же месяцев прошло со дня моего отъезда из Одессы. «Радости немного, коль встреча — коротка».

Мыслей много, и чувств — много. Всё как-то отрывочно, переплетено. Наиболее отчетливо — вот — хочу видеть тебя улыбающейся и любящей. Очень.



Вызвали из караула, а в казарме вручили твое письмо. И — я улыбаюсь. Как хорошо! Всё хорошо! Хорошо получать письма от Софеюшки. Люблю тебя, понимаешь? Нет, ты понимаешь? Люблю!!!!!!!!!!!! Как хорошо! Я немного выпил сегодня — совсем немного. Ты прости меня, это очень редко, редко. Вот после приезда сразу — раз, и это второй. По какому случаю выпивали — не знаю даже, но вызвали срочно, как по тревоге.

Вот прервали меня — дел до черта, и всё — моих. Кажется, немного отрезвел. От порчи настроения. Всё-таки хорошо быть немного выпившим. И рассудка не теряешь, и какая-то повышенная чувствительность в поступках и словах. Только что так горячо и красноречиво доказывал одному, что надо выполнить мой приказ! — и доказал. Ушел человек без слов.

Софея, ты меня порадовала, слово чести. И потому, что хотела «всё сразу написать», и — что тебя «первый раз оценили передовиком». И тебе ведь тоже приятно? Я горд — страшно.

Играть, конечно, разрешаю. А — жениха у тебя по пьесе нет, “дочь профессора”? Смотри, приревную.

Новости какие? Я тебе как-то рассказывал о Косте Сергееве, который, женатый, полюбил девушку здесь. Так вот, он был в отпуске. За 10 суток похоронил мать, горячо любимую, и — семейную жизнь тоже. Его жена встречалась с одним парнем. Тот потом порвал с ней, только узнав о том, что она замужем. И кроме того, она,

зная, что Костина мать больна раком желудка, не считала долгом зайти, по-человечески узнать о самочувствии. Был суд, развелись окончательно. Сейчас подавлен потерей матери.

Ну — всё.

Об одном не написала — как здоровье?



Сегодня мне наш почтальон (он же и заведующий баней) Хаям Рзаев, анархист по убеждениям и добрая душа по характеру, вручил письмо от тебя, от Султана Бекеева (помнишь санинструктора из Уручья?) и перевод из Смоленска на 48 руб. 20 коп. (Суммы растут!)

Перед караулом смотрели хороший кинофильм — «Они встретились в пути». Ты видела? Если видела, то помнишь ли ты разговор этой девушки, Аси, с маленькой девчуркой через дверь? Она ей сказку рассказывала, помнишь? А та потом всё спрашивала: «А что дальше?» Так вот, мне вспомнилось, как искали Райка с Сережкой “тетю в красивой юбке”, которая так увлекательно и живо рассказала им сказку о Красной Шапочке и Сером Волке. Знаешь, у меня даже настроение поднялось. Разговаривал с караулом — всех заставил хоть по разу улыбнуться. И — добрым был сегодня. Надо — на! «Как много значат в жизни нашей подруги, любящие нас!»

Софья, а ты провидец. «Умирать не надо, а хотеть — надо», да! Только «а хотеть — желательно». Не обязывающее «надо», а наоборот, освобождающее «желательно». Но это уже область примитивной философии. Нам до нее часто недосуг. Какая тут философия, когда температура 38,1?! Ругаться буду. Без философии.

Пьеса. Софья, Софья, зачем в тебе живут слабости обыкновенной женщины? Ведь ты же необыкновенная! «Интереснее меня!»! Ишь ты! Так вот, запомни: интереснее тебя для меня нет. Вот это я тебе «сам говорил». Вот так. Вопрос, я думаю, исчерпан? Оч-чень хоррошо! (Люблю, Софья.)

Один из вечеров удалось посвятить химии. Прочли половину вводной части. Лишь сейчас ясно представил себе и грамм-атом, и грамм-молекулу, но убеждаюсь, второй такой вечер выдастся нескоро. Как белка в колесе, Сонечка, целый день.

Из «Советского сокола» пришел перевод на 48 руб. — не может быть за одно только стихотворение. Значит, было что-то еще? Но что же? Неизвестно. Вот беда...

После отпуска был одно время кризисный момент — думал, что потеряю всё, что сумел здесь приобрести, и доверие, и понимание, и авторитет. Кризис прошел и — заметно улучшение. Понимание возвращается. А это так важно!

Насчет того, на сколько тебе можно приехать, говорить еще, конечно, рано. Скорей бы сентябрь! Эх, скорей бы сентябрь...



Сейчас полчетвертого ночи. Я в карауле. Только что потух свет, и так не хотелось зажигать керосинку! Луна действительно волшебница. Она глянула в комнату такой приятной дрожащей голубизной, осветила нас так необычно, что в первую минуту подумалось: хорошо бы вот так до полного рассвета сидеть и — сказки рассказывать. Смешно, правда? Сенька и — сказки. Не сходится.

Значит, моя Софья с пьесой закрутилась, потому и извиняется, что сразу не ответила. Ишь ты! В таком случае "жених" меня переиграл, переиграл.

Что я читаю? Ничего. Кроме газет. В «Литературке» печатают «Первую любовь Иннокентия Торопова» Нилина, в «Комсомолке» каждый день что-нибудь хорошее. Недавно была статья «Девятый класс объявил бойкот» о 3-й железнодорожной школе в Одессе. Ты не читала? Лежит «Ричард — Львиное сердце» Вальтера Скотта — некогда даже просматривать. Лежит еще «Физика», «Химия» и «История СССР» для 10-го — тоже некогда.

Близится май, и многое нужно успеть. За прошлые два дня распланировал площадку перед караульным помещением. Надо делать заборчик, разбить цветник, посадить березки. Должно получиться хорошо. Сегодня ребята взялись за лопаты сами, без всякого приказа. Я был доволен — очень! Вышел помогать. Вскопали клумбу и газоны, что я успел разметить. Посадили первую березку. Сам выкапывал ее в лесочке! Раскидистая, тоненькая. Только бы прижилась!

В офицерских домиках «Кораблик» нашумел. Вдруг все узнали, что Кравец стихи пишет. Одна шестиклассница важно осведомилась: «Вас зовут Семён? А я думала — в газете ошибка и у вас другое имя». Встретил один сверхсрочник, Панчук, вытащил вырезку из газеты, всю в чернильных пометках. Спросил, почему кораблик несет мальчишка, и вдруг появились «две девушки синеоких». Капитан один спросил, часто ли я печатаюсь, и добавил: «Читал ваше последнее, понравилось». А на днях из политотдела пришло начальству письмо — запрашивают, можно ли ко Дню печати поощрить военкора Кравца. Ответили отсюда, что не возражают.

Сейчас у меня лежат письма Нади к Косте Сергееву. Если взять эти письма и письма Риммы к Толе Пинюгину, что лежат дома, и что-нибудь написать, получатся два ярких и таких разных образа! Заманчивая штука. Но я не пишу ничего, кроме писем.

Недавно говорили о музыке, об операх, балетах. «Красный мак» ребята вспоминали. А я — не смотрел. И теперь дал слово, что если буду жить в Одессе — всё посмотрим. Правильно? Стыдно всё-таки. Ничего, наверстаем! И погуляем, и посмотрим, и послушаем.

Ване с Юркой привет передал. Ваня сказал: «Благодарю. Взаимно». Юрка, довольный, улыбнулся. «И от меня передай».

Ну вот, пожалуй, и кончать пора. Да? Софeya, Софeya, как хочется услышать от тебя хоть что-нибудь в ответ даже на это «да?»! Служба, служба... Тяжелая необходимость... Но не для всех, для Витьки Шапоренко — не необходимость. Это лучше? Или нет?

Всё. До свиданья, Софeya. Пиши о себе подробно. И — как температура? Кашу еще кушаешь? Смотри у меня!

май'59

[СОНЯ]

Спасибо за фотокарточки.

Ну что, я как будто не пьяна, а начала почему-то с фотографий вместо того, чтобы с поздравления. Поздравляю тебя с праздником, а желаю больше всего скорее соединиться навсегда, чтобы больше никогда не расставаться.

Родной мой! Извини, что сразу не ответила. Так уставала последние дни, что просто валялась, как труп. Пьесу уже поставили, вообще понравилась, а в частности — много недостатков. Но как играла я, понравилось. Так что можешь своей женой гордиться.

1 и 2 мая мне не повезло, работаю с 4 часов. Вчера была на демонстрации, но до конца не дошла, не было ни желания, ни сил. Вообще абсолютно не чувствуется праздник. Может, потому что тебя нет рядом. Наверное, поэтому.

Вчера были Мила с Лёней. Зашли поздравить. Была Дебора, заглянула на пять минут. Бабушка опять больна, у нее плеврит. 6-го буду у них, я — выходящая.

Стихотворение мне действительно понравилось. Такое весеннее, хорошее. Молодец, рыбонька!

Сенечка, опаздываю на работу. Следующее письмо напишу подробнее.



Так плохо без тебя, а ты меня еще ругаешь.

Хотела написать сразу после того письма снова письмо, но решила, что буду у бабушки, а потом всё напишу.

Была у Лёни с Милой, но застала только родителей. Я у них посидела, помогла купать Алика. Он очень понравился и вообще хороший, спокойный мальчишка.

Была у бабушки, чувствует себя неважно. Говорит, что не дождется тебя и вообще ей жить не нужно. Я сказала, что обязательно напишу тебе о ее настроении. У нее мокрый плеврит. Видно, последствия воспаления легких. Дебору я не видела, она была на работе, но бабушка говорит, что она постепенно стала привыкать к мысли, что они с Мишей не будут вместе. Не знаю, насколько это верно.

Сегодня встретила случайно Ваську Пономаренко. Они вернулись в Одессу уже насовсем. Работали в Татарии, он старшим механиком, а Тамара — оператором. Устроены были хорошо: хорошая квартира, большая зарплата. Но с продуктами и вещами там худо. У них уже дочка Татьяна, 8 месяцев. У Юрки Базилевского чудесный сын, а мы отстаем. Плохо-плохо, но ничего, мы догоним, правда?

Восьмого была в театре, смотрела «Вчера в Касаткине». Сама вещь хорошая, но играли неважно, а некоторые даже скверно. Так что с нас, то есть с художественной самодеятельности, много требовать нельзя.

Неужели Нина сыграла слабо Наташку? Ведь это положительная роль, а положительную легче играть, чем отрицательную, правда? Конечно, я тоже играла слабо эту роль, но сейчас, мне кажется, я бы сыграла лучше. Вот нескромная у тебя жена, да? Нину Михайловну не всякая хорошо сыграет. Помнишь, сколько бились над Дианкой, пока у нее получилось хорошо? В тебе я была уверена, я всё время сожалелю, что тебя нет, а так мы бы играли вместе, правда?

Мама говорит, что когда ты приедешь, будет нам не до драмкружка. А я не верю, у нас время будет на всё. Мы будем играть?

Прочла недавно «После свадьбы» Д. Гранина. Многое похоже на нашу жизнь. Конечно, кроме скандалов.

Как хочу, чтобы скорее прошло лето и был сентябрь! Напиши, что вы думаете ставить дальше. Мы собираемся ставить «Три соловья, дом 17». Мы с тобой в театре смотрели, помнишь?



Здравствуй, мой строгий, грозный супруг!

Нельзя сказать, что у меня времени нет, но всё свободное время уходит на сон. Ты же знаешь, что я поспать “не люблю”. Зачем ты себе взял такую лентяйку? Мне не в чем ходить, я имею в виду, что пальто носить нельзя, потому что жарко, а жакет нужно отдать в чистку. Так в химчистку я никак не могу собраться! Мне выписали лекарство, но его достать трудно. Уже договорились с кем-то и послали меня в аптеку, а я до сих пор не сходила. Ты видишь, какая я ленивка?

У меня серьезное дело со щитовидной железой. Была у врача — сказал, что нужна операция. Но я еще не решилась. Хочу поехать к профессору в Москву. Узнать, действительно ли стоит делать операцию. Если он посоветует, то буду делать тогда, когда ты приедешь. Видишь, я о чем-то думаю, но расстраивать тебя не хотелось. Теперь ты вынудил поделиться.

Рыбочка! Я действительно нервничаю и переживаю: щеки запали, глаза ввалились, совсем страшная. Захочешь ли ты меня видеть такой у себя?

Не думай, что не ем манную кашу. Ем каждое утро, да еще и сметану ем. Но увы и ах! Поправиться никак не могу.

На работе тоже хватает и сплетен, и ругани. По-прежнему ругаюсь при приеме и сдаче вахты. С Ю. Л. я до сих пор в плохих отношениях. Не сошлись характерами. Работы очень много, а значит, и грехов больше. Не заметила, как порвалась нить битума, написала приблизительную цифру, а один видел и донёс, что я всегда даю дутые цифры. А это исследовательские пробы! В том месяце я была передовиком тоже, а в этом вряд ли.

Понимаешь, если бы ты был со мной, было бы гораздо проще. Ведь всего не опишешь, правда ведь? Ты же знаешь меня, что писать я не люблю, в особенности описывать всё подробно.

Была сегодня в театре, смотрела «Филумену Мортурано». В главной роли Бугова, она играет исключительно! Не верится, что это происходит на сцене.

Собираемся ехать в подшефный колхоз показывать пьесу. 23-го нас должны премировать за участие в самодельности.

Дядя Рува в июне, наверное, получит комнату. Мама уже купила нам новый шкаф. (Вот уже бумаги не хватает.) Привет ребятам.



Как видишь, я умею быстро работать. Сказано — сделано.

Когда ты сердишься, мне тяжело. Скажи, что ты больше не сердишься на свою Соню-сонюшку, поцелуй меня, ведь я хорошая, правда? Скажи, что любишь, хорошо?

Сегодня сразу после ночи пошла к нотариусу заверить копию, а потом отправилась в техникум. Привет тебе от Андреева, Т. Гончарова, от Деда и других. Сегодня пойду к бабушке, уже больше недели не была. А почему ты сейчас в караул ходишь?

[СЕНЯ]

Как прошли мои праздники? 30-го вечером был концерт. Вторым отделением шла наша «Линия жизни». Ощущение такое же, как и у тебя. Да и отзывы, не скрою, такие же. Много недоработок, заметных только нам. Несколько раз очень удачно выходили из казусных положений. Помнишь, я должен надеть часы Нине Михайловне? А часов на месте нет! Пришлось изображать искусственно. Чувствовал себя свободно, уверенно. Больше следил за другими, чем за собой. Анна Ивановна сыграла неплохо, остальные же — из рук вон средне. Но успех всё же был. На самую авансцену забрались местные «фоторепортеры» — капитан и сержант-сверхсрочник. Если пленки будут удачными, мне напечатают все снимки по одному экземпляру. Вышлю тебе «полковника Черных» в усах работы Хаяма Рзаева.

1-го впервые за все время пребывания здесь взял увольнительную записку для нужд личных. Так что тост за тебя был поднят без оглядки, в спокойной и независимой атмосфере.

2-го, помимо кино, были вечером танцы. В нашем клубе. Немного потанцевал, но почувствовав, что “не в свои сани” не стоит садиться, бросил портить девушкам настроение. Интересно всё-таки, смогу ли я когда-нибудь танцевать, хотя бы сносно?

3-го вечером после кино («Таланты и поклонники»; днем — «Сёстры») познакомился с Надей, девушкой Кости Сергеева. Произвела очень хорошее впечатление. Немного поговорили — и я распрощался с ними: она уезжала. Любит его без границ, боится только одного, как бы самой до конца не раствориться в нем. Я до сих пор не могу перечитать все ее письма к Косте. Только сядешь — кто-нибудь отвлечет. Очень интересный она человек.

А 4-го — снова служебные будни с массой неприятностей и ничтожным числом ничтожных радостей.

Привет от Юры, Ильи, Витьки, Вани и — Кости.

Когда, наконец, сентябрь? Я как-то обмолвился Баштовому о твоём возможном приезде. «Пускай приезжает, — говорит. — Поселим вас у Шкляра». Шкляр — это наш санинструктор, друг Кости. Живет он в санчасти. Там уютно, тепло и просторно.



Вчера написал:

Я полюбил цветы. Ты знаешь,
Как дышат ландыши весной?

Не те, что в городе встречаешь,
Что алчной нарваны рукой,
А — ну ничем! — не осквернены,
Чисты, как радости слеза,
Лишь листья щедро окроплены —
Скупа ли майская гроза!

Или фиалки. Ты встречала
Их свежих глаз голубизну?
Сегодня мне природа дала
Цветы и чувства новизну.



Получил твое письмо и документы. Спасибо. Завтра попробую сходить в Дубровку, и если там согласятся выставить мне оценки по приложению к диплому, я буду готовиться к остальным экзаменам. Если же нет — всё, я чувствую, сдать не смогу. И служба отвлекает, и сочинительство, как болезнь неотвязная, в кровь влезло.

Почему я хожу в караул? Я вот и сейчас в карауле. Раз в неделю приходится.

Мои дела... Здесь я только изучаю людей и стараюсь, в меру сил своих, делать их немного лучше, чем они есть. Работа, должен сказать, неблагодарная. Не со стороны начальства — оттуда я благодарности и не ищу, а со стороны некоторых ребят. Одни преподносят ландыши, вторые — оскорбления.

Менее значительные дела — в Смоленске, в редакции. Ожидаю с нетерпением каждый номер в надежде увидеть свое, но, увы, не нахожу ничего, хотя там два рассказа и баллада. Почему-то не печатают.

Здесь делаю наброски на будущее. Костя просит написать что-нибудь большое и хорошее о любви.

Чуть ли не поэму. Страшно. Юрка советует написать поэму «Служба». Тоже трудная задача. Упросил Костю разрешить мне сделать выписки из писем Нади к нему. Исписал вот таким же бисером уже полторы тетради. Очень интересно.

Вот, пожалуй, и всё.

А заканчивать пришлось в канцелярии-клетке. Там, где начинал, занимался уже не письмом, а оформлением одного товарища на гауптвахту. Весело живем. Здесь же, пока идет кино, меня никто не тревожит.

июнь'59

[СОНЯ]

Сегодня получила твое письмо, которое меня очень обрадовало. Жду не дождусь отпуска. Хочу к тебе, веришь? Рыбонька! Я ведь люблю тебя, этому ты веришь? Скорее бы ты уже возвращался.

То, что твой командир предоставляет нам свою квартиру, великолепно, правда?

Вчера была у Деборы. Она ударилась в троллейбусе о железную стенку, у нее легкое сотрясение мозга, но сейчас чувствует себя лучше.

Родной мой, т. Маня хочет, чтобы я в первую половину отпуска пожила две недели с ней на даче. Как ты на это смотришь? Мне хочется побыть у тебя дольше.

Сегодня по телевизору смотрела «Судьбу человека». Очень хорошо поставлена. Помнишь, в Чирчике я приносила тебе читать?

Да, Сенчик, сегодня прямо событие! Так как Майя сейчас сдает экзамены, то мы ее освободили от домашней работы. Ляля со мной разделилась: ей убирать комнату, а мне кухню, коридор и лестницу. Ну и варка тоже по очереди. И сегодня я после долгого перерыва сварила компот и суп. Получилось довольно вкусно, но отвыкла. Придется учиться снова после твоего приезда. Но даже если будет невкусно, ты не обидишься и смеяться не будешь, правда?

Ну, ласточка, ни пуха, ни пера на следующие экзамены.



Очень рада твоему письму несмотря на его сдержанность.

Поздравляю тебя с получением аттестата зрелости. Ты молодец.

А я соскучилась страшно, такая тоска, что сил нет. Счастлива была бы, если бы для меня нашлась работа у тебя.

Сенчик, я всё прочитала, рассказ мне действительно понравился, особенно то место, где он читает письмо, вложенное в посылку. Я даже прослезилась. Трогает. Стихотворение не понравилось. Может, я его не поняла, тогда прости.

Говорила с Финько насчет отпуска, она сказала, чтобы раньше чем на сентябрь и не надеялась. Но я, может быть, в конце августа смогу выехать. Как только возьму

билет, буду телеграфировать. Ну еще ждать целых два месяца.

Сейчас зачитываюсь А. Дюма. Сегодня начну последнюю книгу трилогии, «Десять лет спустя, или Виконт де Бражелон». Ты же знаешь, что я люблю такие вещи.

1 июля иду на «Баядеру» в Оперетту, а 14-го на шведский цирк идем всей семьей.

Да, новость, д. Рува уже получил ордер на новую комнату и ключ, так что скоро будут переезжать.

На работе ничего хорошего. В этом месяце сняли 100% премии за непослушание. Ты же знаешь, что я вспыльчива, а уступить, когда я считаю себя правой, тоже не хочу. Но я не очень огорчена. Со сходимостью у меня всё хорошо.

На именинах у меня никого не было, кроме бабушки и Деборы, а еще поздравили Белла с мужем. Да, поздравила меня телеграммой Светушка Жорика. Тебе от нее привет.

[СЕНЯ]

Сегодня 2 года 5 месяцев нам с тобой. Поздравляю. Поздравь и ты меня. И с этим, и с четверкой по Новой истории, которую я сегодня получил.

Посылаю напечатанный недавно в «Соколе» рассказ. Он очень-очень плох, а редакция его еще чуть-чуть оказала. Поэтому ты его положи для полноты "собрания сочинений", но показывать не нужно никому ни под каким предлогом. Я ему цену хорошо знаю.

Да, в дубровской газете напечатали «Мальчишку», еще минского.



Получил твое письмо и, отложив «Основы дарвинизма», отвечаю.

Жду тебя в первых числах сентября, если не в последних августа.

Мои новости: вчера сдал астрономию. На сколько, неизвестно, но думаю, что «тройки» не будет. 16-го — основы дарвинизма. Много флоры, фауны и философии. Действует снотворно, особенно на солнышке. На литературном горизонте пусто.

В службе: перешли в палатки. Пока еще не устроились, но мне предстоит одному жить в такой палатке, как в Минске (помнишь, мы тебе показывали, там нас было двенадцать). Как все-таки резко изменилось положение...

В сентябре мой командир взвода уезжает в отпуск, вчера предлагал нам с тобой свою квартиру. Хороший парень, правда?



Сегодня получил аттестат зрелости. Поэтому и затянул ответ, чтобы сообщить об этом событии не вполтину, а целиком. Итак, аттестат... Троек нет. Одна, оказывается, могла быть — по астрономии. Но, как сообщила мне секретарь школы, мое последнее стихотворение в «Голосе колхозника» — «Последний экзамен» увеличило оценку на балл. Обидно, но факт. Честно признаться, и это — чудо. Ведь я почти не готовился. Последний экзамен, географию, я сдавал, не прочтя до конца «Экономическую гео-

графию СССР» и в глаза не видя «Географию зарубежных стран». Сейчас такое состояние, как будто не хватает чего-то. За почти три недели привык быть напряженным и спешащим, а сейчас снова — покой. Надо писать, но как-то не пишется.

На дачу спешить не надо. Если останется время от меня, отдохнешь перед работой. Приезжай сразу и — напиши, когда тебя ждать.

Собралось уже четыре письма. Надо ответить, а время уже сонное. В палатке бодрствуют лишь приемник и я. Только что передавали песню, где слова «...самое синее в мире Черное море мое». Хорошо! Вспомнился дом, куда так хочется и так невозможно вернуться.

В «Соколе» напечатали еще один рассказ. Он, на мой взгляд, лучше первого. Посмотри со строгостью взыскательного друга. Ведь критика — мой воздух.

Да, в воскресенье впервые был у помпрокурора. Сам он в Брянске, я разговаривал с женой Ритой и с его матерью. С Лилькой, дочуркой, тоже. Рита обещала узнать относительно тебя на нефтебазе. Здесь есть еще спиртзавод и маслозавод. Надо заглянуть и туда.

Всё. Кончается листок, да и не могу больше. Посылаю вырезку из газеты.

ПОСЛЕДНИЙ ЭКЗАМЕН

Останутся в памяти светлую песней
Последний экзамен, последний ответ,
Знакомая парта, уж ставшая тесной,
И ландыши. Много их. Целый букет.

Притихшая школа полна ожидания!
Шаги в коридоре почти не слышны.
«А вдруг не сдадим?» «Где висит расписание?»
«Ты знаешь, боюсь». «Разве призмы равны?»

Глаза пробегают знакомые строки.
Страницы, страницы листает рука.
И всё это кажется очень далеким,
Чтоб выучить всё — нужны годы, века...

Сквозь щель осторожно растворенной двери
Знакомый, любимый насмешливый взгляд —
Учитель. Научит, поймет и поверит.
Глаза приструнят. Подтрунят. Ободрят.

А рядом, в руке карандашик ломая,
Высоким — сорвется вот-вот — голоском
Уже на четвертый вопрос отвечает
Его ученица. «Что ж, "пять". Молодцом!»

Последний ответ. Одинокая парта
Средь класса пустого сироткой стоит,
В шкафу аккуратно разложены карты
И в рамочке список знакомый висит.

Друзья и подруги... Все рядом, все вместе...
А завтра — в дорогу, с мечтою своей.
Туда, где трудней. Там всегда интересней.
Туда, где нужней. Там «спасибо» людей.

/С. Кравец/

июль'59

[СОНЯ]

Я уже брежу отъездом.

Ты молодец, в самом деле. Я очень горжусь тобой.
А ты не зазнаешься, не забудешь меня? Ведь я от тебя
отстану. Но не осуждай меня: во-первых, я работаю
по сменам, а во-вторых, мне тяжело без тебя. Если
у нас будет ребенок, тогда и думать нельзя об учебе.
Мне, конечно.

Вчера у Ляли на именинах был Ашот, и я ему показала
«Человек человеку». Его мнение по приезду выскажу,

потому что писать долго. Но в общем язык твой ему нравится.

Сегодня у меня была Люда Ульяновская, она сейчас в отпуске. Работает в Дрогобыче, очень хорошо устроена, но всё равно хочет в Одессу.

Страшно устаю, и от работы, и от жары. Один раз была на пляже, загорела. Не загорела, а просто сгорела, сейчас кожа облезает. Вода чудесная.

17.08, нет, 07

Видишь, как я хочу к тебе? Даже в счете ошиблась, думала, что уже восьмой месяц. У меня уже нет сил ждать, хочется всё бросить и уехать, но нельзя. Мне уже кажется, что еще немного — и я у тебя.

Была у бабушки на днях, она чувствует себя неважно. Дебора по-прежнему психует. Миша собирался подавать на развод, но теперь всё заглохло. Деборе рассказали, что видели Мишку с какой-то, и Дебора, естественно, переживает. Сейчас она выглядит хорошо. Постепенно приодевается. Купила себе демисезонное пальто, очень симпатичное, мне нравится. А ты знаешь, что на мой вкус угодить трудно.

Вчера пришла с ночной и пошла в кино на «Войну и мир», американско-итальянский фильм. Хорошо поставлен, но не все герои соответствуют толстовским. А в общем мне фильм очень понравился.

Пришла домой, а у нас Борис. Обижается, почему ты ему не пишешь. Уже работает на ткацкой фабрике. Надо будет к ним пойти, а то я со времени твоего

отъезда не была у них. У Светушки давно не была, тоже надо навестить.

Вчера убирала в комнате и вспомнила Чирчик. Всё-таки там было хорошо, самостоятельные и, пусть плохая, своя квартира.

Сенчик! Какие английские книги тебе нужны? Я постараюсь достать. А не надо брать для тебя что-нибудь из гражданской одежды? Рассказ «Леночка» прочту по приезду.



Получила твое внеочередное письмо и последнее тоже. Я тронута, благодарна. Сама очень хочу к тебе, но выехать смогу только в первых числах сентября. Мы перешли на 6-часовой рабочий день, и в связи с этим придется поработать, пока подберут и обучат людей. В последнем письме напишу, когда точно выеду.

Напиши, как у вас с продуктами, есть ли столовая, обязательно напиши в конце августа, какие погоды, — я не знаю, какие вещи брать.

Учебники по английскому я привезу. Костюм и туфли я тоже привезу, но зачем кепка?

С завтрашнего дня начинаю подчитывать немного по-английски, чтобы тебе помочь хотя бы в азах.

Ты спрашиваешь о стихах. Ты ведь знаешь, что Маяковского я не люблю, а его стиль также. Так что я тут плохой ценитель. Борису покажу.

Сейчас сильная жара, даже у нас в подвале душно. Мама была в райисполкоме, мы уже 67-е на очереди, так что, может, через год получим квартиру.

[СЕНЯ]

За поздравление — спасибо. Ты говоришь, что я молодец. Я, честно говоря, собой немного доволен. Но, с другой стороны, не могу ни себе, ни тебе простить, что ты потеряла почти напрасно два года учебы. И знаешь, вчера слушал по приемнику передачу «Театр у микрофона» — там девушка играет на рояле, — и подумал: если бы моя Софья играла — вот было бы здорово! А ведь — еще не поздно, правда? Руки твои такие... ну, в общем, может получиться.

Планов у меня — уйма. Сейчас отправил письмо в Москву, в Литинститут. Просил выслать программу первого курса заочного отделения и перечень нужной литературы. Вот, жду ответа.

Еще хочу закончить здесь одногодичную партийную школу. В общем, картина такова: у твоего мужа после сдачи экзаменов за 10-й обнаружилась непреодолимая потребность учиться, причем именно по вечерам и именно самостоятельно. Дай боже, чтобы эта болезнь была продолжительной.

Огорчен тем, что большие газеты оценивают мое “творчество” слабым. Горше всего то, что это — справедливо. Но я — пишу. Сейчас отрабатываю законченный на днях рассказ, который, наверно, будет назван «Леночка».

Обрадовало письмо от “профессора”, Витальки Чередниченко, помнишь? Он пишет, что у них служит один парень — без родителей, его воспитывала бабушка, которая перед самым уходом его в армию умерла. В деревне заколоченным остался его дом. И вот сейчас ему пишут, что дом потихоньку растаскивают соседи. Ребята прочли мой «Человек человеку...» и решили послать в колхоз

письмо с вырезкой из газеты. Представь мое состояние. Значит, недаром пишу? А что еще нужно человеку, если он живет недаром? Ничего. Мне вот — это нужно.

Сонечка, мне нужно будет что-нибудь из английских учебников. Надо уж готовиться. Для Юрки учебники для 7-го, я думаю, достанем здесь.



Сегодня принес мне Леша Сафронов письмо в караул. Имя Сафронова я еще не упоминал, правда? Он вчера видел во сне нас с тобой. Я, он говорит, обычный, спокойный, а ты — черненькая, стройная, очень боевая и очень остроумная. Шла война, и ты воевала вместе со мной, была медсестрой, кого-то перевязывала. Странно, правда? Если бы я видел такой сон, это еще понятно. Но он?! Честно говоря, я был доволен.

Последние новости. Уехал в отпуск Юра. Это стоило больших трудов, неприятных разговоров и нашей с ним решительности. Я “подал в отставку”, ее не приняли, и это, собственно, решило исход дела. Теперь я один.

В позапрошлом воскресенье мы с Юркой были в Дубровке. Была жуткая погода — шел непрерывный дождь. Появились мы там франтами, в офицерских плащ-палатках. Пришли к Хесину (его зовут Аркадий). На этот раз не было Иды, его жены. Прием был, по словам Юры Николаевича, сверх всех ожиданий. Мамаша продемонстрировала гостеприимность и вкус. Посидели, выпили немного. Поговорили на редкость душевно. Он записал твою специальность, обещал сходить на спирт-завод, нефтебазу, в геологоразведку. У него там всё начальство — друзья. Еще бы! Помрайпрокурора — всё же заметная фигура. В это воскресенье буду у него, узнаю.

Он очень сожалел, что мы не предупредили о приезде и он не обеспечил машину. Но в это воскресенье меня будет ждать спецтранспорт. Во как!

«Леночку» уже закончил, теперь нужно просить машинистку отпечатать, так как рассказ неожиданно занял 37 тетрадных страниц. Вчера написал и сегодня отослал снова-таки в «Брянский комсомолец» стихотворение «Обывателям». Написано в духе Маяковского, но размер взят несколько “революционно”, необычно. Посмотрим, что ответят.

Мой «Человек человеку...», значит, Ашоту не того... Ну что ж, этот рассказик — не шедевр. Он просто лучше первого, и — всё.



Из гражданской одежды нужно брать всё, что нужно, от туфель до кепки.

В воскресенье в Дубровке напечатали моё «Старый окоп». Получу — вышлю.

Теперь мои дела. Юрки еще нет, и мне трудно без него. Вчера был у Аркадия. Насчет работы пока ничего утешительного. Он говорит, что нужна ты сама. Без тебя трудно разговаривать. Он прочел «Леночку». Советует отдать ее в «Голос колхозника». Там ответсекретарем один, по словам Аркадия, умнейший и приятнейший человек, Павел Владимирович. Печатается очень-очень редко, но всегда — хорошо. Значит, не халтурщик. Вот ему на суд и пошлю.

Из «Сокола» за «Человек человеку» пришел перевод на 96 руб. До сотни всё еще не доходит! Сейчас потянуло меня к стиху Маяковского. Вот написал. Если будешь у Бориса, дай ему почитать.

ПОЛНЫЙ ПОРЯДОК...

Красной скатертью стол покрыт,
Стульев
свободных
нет и в помине.
Перед президиумом стоит
На трибуне
товарищ в комсомольском чине.
Руки сложив на доске полированной,
В папку с докладом
нырнув с головой,
Кругленькие фразы,
чуть не отшлифованные,
Щедро
бросает в зал
глухой.
Девушку рядом
ко сну клонит.
Сзади
газеткой шуршат,
не стыдясь.
Кто-то
кашлянул —
председатель звонит, —
Мол,
призывает к порядку
нас.
Я
сiju,
карандаш двигаю.
Тишина.
Удивляюсь.
И зло берет.
Ведь если встать на трибуну
задирую,
Председатель, наверное,
“к порядку” призовет...

Соник, если хочешь, найди «Комсомолку» за 18 – 20 июля. Там большая вкладка о Сеще военного времени. Интересно.

Софя, я закончу. Мои воинственные стихопопытки расстроили лирическое настроение, навеянное рассказом Романа Роллана «Пьер и Люс». Из Минска я, кажется, писал тебе о нем. Сейчас передавали по радио. Хочу сказать только одно: я хочу твоего скорейшего приезда. Когда же? Когда? Мысли о тебе переходят в сны, и сны переходят в мысли.

август'59

[СЕНЯ]

Сонечка, ты знаешь, мне кажется, я никогда раньше не ждал тебя так, как сейчас. Почему это? И у тебя, по-моему, такое же состояние.

Сегодня я, товарищ ефрейтор, абсолютно трезвый. Абсолютно. И — слушаюсь без веских причин не пить! (Да так оно, собственно, и есть.)

Мне сейчас очень-очень трудно. Я с удовольствием целую неделю постоял в карауле: я чувствовал там себя постоянно при деле, сносно более или менее. Здесь тяжелее. И занят, и свободен. Сегодня 13-е. Сколько тебя еще ждать? Не хочу больше, слышишь? Не хочу больше ждать. Приезжай!

Литинститут... Себя лучше недооценить, чем переоценить. А что, наплевать на компетентных в этом деле людей и считаться лишь с мнением Юры и Кости? Говорить себе комплименты и писать для тетрадки? А вдруг действительно к 23 годам всё это кончится? И об этих стихах останутся лишь снисходительные воспоминания? Нет веры, Софя. Желание есть, но веры в себя нет. Вот поэтому

и упадочное настроение. Было. Сейчас мне не до этого. Сейчас ты. Я, конечно, пишу. Появились темы конкретные и неотложные — дубровские. Одно — «Мимоходом...» — уже напечатали, обрубив, правда, хвост. Отослал еще одно сегодня, и сейчас пишу третье, после которого нужно сделать еще одно.

Софья, ты умница. Пижамы — это хорошо. Можно будет на минутку забыть, что я на службе. Комнатку, я думаю, искать не нужно. Если только мой лейтенант уйдет в отпуск, займем его квартиру. Насчет продуктов я говорил, достану всё, что нужно. И — не нужно будет никаких увольнений. А ребята постараются, чтобы меня не нужно было тревожить. Здесь будет не так, как в Уручье. Вот увидишь.

Учебник английского языка и всё, что к нему, возьми. Ведь дело не в том, что я хочу заняться самообразованием, ведь сдавать надо английский. В институт-то. Ты еще не думала, куда поступать? Нам нужно, чтоб вместе сдавать в одном городе.

Книги будут, но будет ли у тебя время для книг? Что же ты берешь с собой, интриганка? Уж не политическую ли экономию? Ну-ну, посмотрю на твой сюрприз. «Яму» Куприна не читала? Я вот сейчас пишу у С. Шкляра в санчасти, а он и библиотекарь, и любитель чтения, так что с этим вопросом “всё”.

Я пишу, как будто тороплюсь закончить. А мне хочется говорить много. Я люблю тебя. Это и мучительно, и — хорошо. Я хочу только, чтобы слова «мучительно» не было. Вырвись поскорее. Начало сентября — это ох как долго!

[СОНЯ]

Ждала твоего письма с нетерпением, а когда получила, сразу легче стало.

Рыбка, ты же сильный, настойчивый, и вдруг упадочное настроение. Если хочешь идти только в Литинститут, то нужно готовиться и писать. А не падать духом.

Возьму с собой и тапочки, и туфли, и кепку. Возьму пижаму. Будет совсем как в Чирчике!

Сенчик! Постарайся пока подыскать комнату, отдельную, конечно, но чтоб и хозяйка была хорошая, вроде Фаины Викторовны из Уручья.

Сможешь ли ты мне доставать книги в библиотеке? Я вообще с собой беру одну вещь, но боюсь, что я ее закончу прежде времени, а без тебя мне будет скучно. Когда ты увидишь, что это за вещь, ты страшно удивишься. Но не буду тебе говорить, пусть это будет сюрпризом.

Вчера кончила читать «Время жить и время умирать» Ремарка. Очень понравилась. Вообще Ремарк пишет очень своеобразно — сжато, просто и в то же время очень интересно и умно.

Была у Борьки. Лиля и Борис где-то гуляли. Я сидела с т. Феей и бабушкой. Приняли, как всегда, хорошо. Я была в наряде, он понравился им очень. К тебе я тоже привезу этот наряд, продемонстрирую.

Теперь, наверное, скоро увидимся, поговорим, прочитаем, помечтаем вместе о будущем.

До скорой встречи, постараюсь вырваться раньше.



Уже скоро буду у тебя. Вероятно, числа 25–26-го выеду. Писать тебе не буду ни о чем. Приеду — обо всем

расскажу. Отвечать на письмо не надо, всё равно оно меня уже не застанет.

И вот — третий почтовый перерыв. Старший лаборант одесского Химзавода Софья Шамис получает положенный ей отпуск и направляется в сторону Брянска, чтобы провести этот отпуск вместе с мужем.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД, ОН ТРУДНЫЙ

ЗИМА

сентябрь '59

[СОНЯ]

Доехала благополучно. Приехала неожиданно, встретили меня радушно. Как хорошо было бы, если бы ты приехал сейчас домой со мной! Вчера была у бабушки, как обещала. Дебора говорит, что подаст сама на развод.

Была в бане и взвешивалась. Да и так все находят, что я немного поправилась и посвежела.

Да, Сеня, ты всё сделал у Янкиных, о чем я просила? Не насорили там? Отдала ли Эмма бутылёк, а Сашка картину? Приехали ли Янкины? Если приехали, передай им от меня большое спасибо и извинись, если что не так.

Мама купила телевизор «Рекорд». Так что завтра пойду смотреть кино.

А у нас на работе, оказывается, катастрофа: людей не хватает, работают по три человека вместо семи, отпуска никому не дают. Мне повезло, что

Горбалинский правил в то время, а то Финько меня бы не пустила.

В Одессе тепло. Я постепенно отогреваюсь.

Сейчас пойду к Светушке, а завтра всё опишу.

Привет Юре, Косте, Сергею, всем моим знакомым и маленьким друзьям.



Начну со Светушки. Жорика я уже не застала, он уехал. Он, оказывается, не спешил домой, гостил у бабушки под Киевом. Ты бы смог так сделать? Ведь он же знал, что она в последних днях. Славик родился — 3 кг 600 г. Мальчик нормальный, похож на Жорку. Света выглядит хуже, потому что очень мало спит. Молока много, даже кормит мальчика своей школьной подруги.

Вчера с утра начала уборку комнаты, уже почти кончала, когда пришла Дебора. Она уже не подает на развод. Говорит: «Хорошо кому-то рассуждать на чужой счет».

Сегодня весь день провела с Лёней, Милой и Аликом. Ходили в город. Я везла коляску, и все думали, что это мой ребенок. Ужинала у них. После телевизора пошли погулять. Потом немного посидели у нас, около двенадцати они ушли домой.

У нас сейчас дожди, никуда не хочется ходить.

[СЕНЯ]

Снова — «здравствуй», снова — «жду письма». Еще так недавно всего этого, к счастью, не нужно было. Если раньше с тобой связывались воспоминания об Одессе, Чирчике, Минске, Москве, то сейчас всё напоминает

тебя здесь — и радиоприемник, и тощая котлета с гречкой-размазнёй в столовой, и гитара в Юркиных руках, бренчащая «Сороконожку». Чего стоит одна только койка! Не пойми меня превратно, помимо всего мне очень не хватает твоей доверчивой головки на плече. И всё это вместе — ох, как тяжело!

Янкины уже приехали. По словам Эммы, Клава от тебя в восторге. Янкин уверял даже, что ты и половики перестирала. Я заходил туда в день их приезда. Клава всё всплескивает руками — зачем да зачем! Нет чтоб ей отдохнуть — нашла себе работу. Ах, и печку даже вычистила! (Тут я скромно промолчал.) Мы с Юрой Ник. не сорили и не пачкали. Но — грех есть — оставили на столе раскрытым недоеденное масло в бумаге. Клава нам это великодушно простила. Дай ей бог здоровья, добрая душа! А бутылёк Эмме не привезли. Но она сказала, что сама с Клавой всё уладит. Что ж, пусть. Картину у Сашки я так и не забрал. Бог с ней, пропадает. И еще зубную щетку всё-таки оставил. А теперь заходить неловко.

Как-то на днях разговаривал с одной из поварих, Аней. Если ей верить, ты ей понравилась. И знаешь чем? Отсутствием высокомерия. «Не то что Краева жена!» (Та, что приезжала незадолго до тебя.) Ну что ж, я горд, что нас с тобой не портит ни образование, ни “фиралмония”, что для нас важно не то, сколько классов и курсов за спиной у человека, а — человек ли этот человек, и не больше.

Вчера (хотя я и не знаю, где было “вчера” и когда началось “сегодня” — вторые сутки в карауле) закончил «Воспитание чувств» Флобера. Ты читала? Хороша книга. Тонко и подробно подмечен человек изнутри. Есть там мысли, с которыми я даже согласен (не политические, не подумай только). Флобера я нашел, перебирая нашу

библиотеку, — я искал и отбирал всё, что нужно читать для экзамена. И вот сейчас не знаю, что делать, — то ли начать заниматься, то ли восполнить такой большой пробел в беллетристике. На очереди еще одна книга с мудреным названием и столь же мудреной фамилией автора, перевод с итальянского. Наверное, ее прочту, и — «ученье — свет».

Значит, ты поправилась. Молодец! Ты говоришь, отпуска никому не дают. Значит, всё-таки мы с тобой счастливые, а? Эх ты, Соня-сонюшка, нытик мой. Хорошо!

Я отправил письмо о переводе. Жду ответа.

Ну, закончу. Через две минуты надо смену выводить, а я еще не “снаряжен”.



Позавчера получил письмо от Майи, а сегодня — от тебя. Новостей, действительно, немало.

То, что Жорка был у своей бабушки, в этом большого горя еще нет. Сколько он пробыл там? День-два или неделю-две? Иногда бывает, что на день-два нужно захватить (если нужно), и тогда Света должна это понимать в любом положении. Если же Жорик именно гостил там, это уже хуже; как бы это не было следствием большого равнодушия, если не сказать резче. Жаль, как жаль, что я не смог повидаться с ним! Ведь так я ничего не могу сказать, ни в оправдание его, ни в обвинение. Но сейчас есть Славка. З 600 еще скажут свое веское слово. Жорка очень любит детей, и Славка может, очень может связать (не руки, нет) души. Пусть Света не волнуется. Всё должно быть хорошо.

Что же всё-таки происходит с Деборой? Что говорит на этот счет бабушка? Почему так резко меняется мнение?

Он дал повод? Если это снова так, то я его не пойму. Что же это за человек и сколько он ее будет мучить!

Провела день с Милой и Лёней. Я очень доволен. Родные люди, а?

Соник, у меня вот какие новости. Письмо мое полковник Федотов получил и позвонил Баштовому. Баштовой о нас лестно отзывался, но когда узнал, что мы нужны и вместо нас готовы прислать двух хороших солдат, вдруг заартачился, основываясь на том, что мы у него “при деле” — стоим на должностях. Так что хоть мы пока здесь, есть основание надеяться покинуть сей прелестный уголок. Немного страшновато. Ведь нас ждут специалистами, а мы приедем учиться. Собственно, такие же страхи были и у нас с тобой перед Чирчиком, а на деле всё проще и легче. Так что надеемся на себя и на счастливую “планиду”.

Сегодня я снова в карауле, но так как и «Обрученные» Алессандеро Мандзони закончены (кстати, название не столь уж заковыристо), то осталось засесть за «Историю СССР», милостиво предложенную мне “до субботы” прекрасной Элечкой. А “командирская дочка” Лариса должна передать мне книжку, по которой “можно научиться” правильно произносить английские слова. Трогательная забота о моем образовании, не правда ли?

Дырnochкин развил активную деятельность — готовится к 7-му ноября. Предлагает мне «подготовить что-нибудь из Твардовского или Маяковского». Я обещал, но боюсь, что если и выступлю, то с чем-нибудь из Кравца («какой хвостун!»). Предлагает поставить пьеску. Я ребятам дал почитать «Предложение» Чехова, но сам играть уже не буду. Гораздо удобнее чувствовать себя на всякий случай свободным от всяких мероприятий.

Сейчас буду ходить в караул с Юркой через сутки. Янкин согласен, это дает возможность сэкономить одного человека. И я тоже доволен: здесь спокойнее и больше своего времени.

октябрь'59

[СОНЯ]

Получила твое письмо, и сразу теплее стало на душе. Жду чуда — твоего приезда сюда хоть на несколько дней. Вероятно, это только мечты.

Очень довольна, что Клава не сердится на нас. Значит, я всё-таки немного хозяйка. Я понравилась? Очень хорошо, я довольна. И как могло быть иначе? Ведь я твоя жена!

Флобера я вообще ничего не читала, да сейчас и некогда. С 10-го на заводе начинаются экзамены на разряд. Я ничего не знаю и не знаю, за что раньше браться. Дрожу, как осиновый листок.

Теперь работаю во второй бригаде, у Муси Нагайцевой, как и предполагала. Вику тоже перевели во вторую, так что мы очень довольны, что вместе и что не у Юдифи. С ней я встретилась хорошо, она всё-таки жалеет, что нас забрали.

У Бориса дома я не была, но он был у нас. Он из Киева получил письмо, что пока им работники не нужны. Из Уфы тоже ничего нет. Он пытается тут устроиться. Кушаю я хорошо, но уже похудела, потому что очень устаю.

Вика рассказывает, что драмкружок стал намного сильнее. Сейчас готовят «Чужой ребенок», я в ней

не участвую. Правда, собираются выезжать куда-то со «Свадебным путешествием». Но я уже не верю, что мы куда-то выедем.

Сеня, в «Литгазете» за 26.09 печаталась одна из глав «Жизнь взаимы» Ремарка, обязательно прочитай, чуть-чуть похоже на «Три товарища».

А с картиной всё-таки плохо получилось. Скажи Сашке, что я ему пришлю другую, а эту пусть отдаст.



Получила твое письмо, сразу же и отвечаю. Ты чувствуешь, что я исправилась?

Родной мой, как тяжело без тебя! Уже считаю месяцы. Этот год будет казаться бесконечным.

Несмотря на то, что работаю и устаю, в особенности теперь (подготовка к экзаменам), скучаю. Никак не могу привыкнуть к тому, что тебя нет. Я все время втайне жду тебя. По твоему письму чувствуется, что ты легче всё переносишь, чем я. Мне даже показалось, что от него веет холодом, сещенским.

То, что о тебе пекутся такие молодые и прелестные создания, это хорошо.

Сеня! Я считаю, лучше читать что-нибудь Маяковского, чем Твардовского, чем твое. Не обижайся, поступай, как знаешь, но такое моё мнение.

Миша Деборе никакого повода не давал. Он просто жалеет деньги и поэтому не подает на развод.

В отношениях Жорки и Светушки сложно разобраться, всего не напишешь. Сейчас как будто всё хорошо. Вчера была у них. Славик стал спокойнее, поправился.

Света тоже отошла, стала похожа на человека. У них себя чувствую превосходно. О тебе они высокого мнения. Говорят, что умница, благородный. Расти, ласточка моя.

Как тебе нравится, меня записали в кружок по изучению Истории КПСС, причем без моего согласия. Придется выбирать что-нибудь одно: либо политкружок, либо драм. Меня, конечно, больше привлекает драм., но придется, наверное, заняться историей КПСС.

Сеня, если «Линия жизни» у вас, вышли сразу недели на две, я потом тебе перешлю. Хотим ее поставить на Октябрьские.

Я после ночной, еще не спала.



Чувствую, что со щитовидкой у меня неладно. Сердце побаливает. Сейчас где-то простыла. Из носа прямо вода капает, горло болит, но, слава богу, температуры нет.

Ласточка! Ты меня простишь? Да? Я, распечатывая бандероль, надорвала пьесу. Но ведь я нечаянно! Пьеса всем понравилась, а особенно нашему руководителю. Правда, мне и на этот раз не везет: подобрать нормального жениха мне опять не могут. Черных будет играть способный парень, но мне кажется, что ты играл лучше. У нас нет интересной Н. М. Мне дают роль в «Отважном сердце». Эту пьесу готовят на смотр. «Свадебное путешествие» готовим на выезд, а «Линию жизни» на нашу сцену.

Вика моя сдала экзамен хорошо, уехала в отпуск. Мне стало скучно. Ведь я уже к ней привыкла. Сама ужасно боюсь экзамена.

За стихотворение спасибо. Мне понравилось. Но самое главное, что в нем твоя душа.



Получила от тебя сегодня довольно странное письмо. Недоумеваю, что с тобой случилось. То ли ты писал не думая, так, лишь бы избавиться, либо писал сонный. Письмо это, прости за откровенность, какое-то чужое, холодное, я даже начинаю ревновать тебя к каким-то, наверное, несуществующим событиям, потому что к девушкам тебя не ревную: верю тебе.

Письмо Ильи я прочитала. Мне оно понравилось, но не потому, что обо мне написано. Правда, мнение обо мне лестно. Удивительно как бывает. Помнишь, недавно говорили об Илье, и я сказала, что не отказалась бы быть женой Ильи. Теперь, пожалуйста, стала его названной женой. Рыбка, родной мой, любимый! Ты, я надеюсь, не ревнуешь. Ведь ты знаешь, что я люблю тебя.

Очень довольна, что тебя похвалил П. В., горжусь и желаю большого успеха в дальнейшем. Но, молодой человек, что ж Вы распыляетесь: то хочешь работать на стройке с людьми, то хочешь заочно учиться в МГУ.

Я надеюсь, и чувствую по твоему письму, что ты уже взялся за учебу и постепенно привыкаешь к моему отсутствию. А я не могу без тебя. Ведь еще и месяца не прошло со дня моего отъезда, а мне кажется, что

уже несколько месяцев. Этот год особенно труден будет.

Сеня! Почему ты мне не пишешь, что случилось у тебя, почему лишили увольнений и вынесли выговор? Меня ведь это интересует, а ты просто упоминаешь вскользь. Ты всё еще ходишь в караул? А Ю. Н. у тебя разводящим? Как у Юрки с лицом, всё в порядке?

Когда будешь Илье писать, от меня привет. Теперь на будущее можете договариваться, чтобы он к нам приезжал в гости, а мы к нему.

Ты спрашиваешь о здоровье? Сейчас чувствую себя хуже, но думаю, всё пройдет. Настроение ужасное, ничего в голову не лезет. Работы много, так что на работе к экзамену готовиться нельзя. Домой прихожу очень усталая и нет сил браться, а 30-го уже сдавать. Ну что делать? Чему быть, того не миновать.

Уже скоро конец месяца, я еще ни одной контрольной не сдала, а у нас их три. И притом одна очень серьезная. Связана с аналитическими весами и десяти тысячными долями. Видишь, сложная, значит. А на это тоже надо иметь время.

Вот и всё, ласточка. Будь здоров. Желаю удачи в вашем ходатайстве о переводе на ГСМ.



Сейчас всё готовлюсь к экзаменам. Нигде не бываю, ничего не читаю. Экзамены будут продолжаться до декабря. Помнишь, мы договаривались о телеграмме при хорошей сдаче? Уговор остается в силе. Но мне кажется, что я не сдам. Ну, опять расплакалась.

Уже несколько дней готовимся группой, так легче. Сегодня пришла Света со Славиком, а я ее даже принять не могла, потому что у нас занимались. Обещала быть у нее 31-го.

Да, совсем забыла, был у меня Женька Иванченко. Приехал в отпуск на 10 дней. Он служит на Кавказе, по званию сержант. Вероятно, по приезде после службы женится на Майе. Видишь, любовь у них настоящая. Женька не изменился.

Бориса я уже давно не видела. Когда сдам, всех навещу. Не знаю, к кому обратиться насчет щитовидки. Ведь ты знаешь, что денег мне не жаль, но я не особенно уверена в наших врачах. Хочу всё-таки съездить в Москву. Не волнуйся, за год не умру.

Но ведь к Новому году тебя могут отпустить? Ласточка, я уже тебе надоела, правда? Ведь ты сам не меньше моего хочешь в отпуск. Очень надеюсь, что сдавать экзамены тебя отпустят. Постарайся добиться этого. Конечно, нужно образцовое поведение и др.

А ты, рыбка, умница, ты уже не ревнуешь меня, это хорошо. Значит, ты мне веришь. Я очень благодарна. Если сдам на 3-й разряд, хочу пойти на курсы английского языка. Ты одобряешь мой выбор? Мне нравится знать язык для себя.



Если бы ты знал, как тебя сейчас не хватает!

Я сегодня сдавала. Утешительных результатов нет. Фактически я защитила 3-й разряд, но юридически

мне его не дали. Дали 2-й с оговоркой, что при работе в товарной комнате мне дадут 3-й.

Сенечка! Ты представляешь мое состояние? Мне очень обидно, прямо до слез. Отвечала на 3-й разряд, и довольно неплохо. Вопросов дополнительных почти не задавали. Вышла уверенная, что сдала. А оказалось, что нет. Пошла в медпункт (чувствую себя всё хуже и хуже, боюсь, как бы не было вспышки), и мне дали освобождение, температура 38.

Ты ведь понимаешь, что я не виновата в такой сдаче. Мне очень тяжело морально. Материально — черт с ним. В конце концов, ты ведь будешь работать, и нам будет не трудно, во всяком случае не умрем, правда? Но морально — морально ой как тяжело. Сочувствие и т. п.

Голова болит, просто раскалывается. Никак не могу сообразить, что писать. Ну, я надеюсь, ты меня простишь.

Был у меня вчера Борис, обещал прийти узнать, как я сдала. Мне стыдно, но я думаю, он меня поймет.

Настроения абсолютно нет. А надо плюнуть на это дело. Хочу посмотреть новый фильм «Женщины Нискавуори». Я тебе рассказывала, что видела в театре пьесу «Каменное гнездо». Чудесная вещь, а картина, кажется, поставлена по этой пьесе. Если будет у вас, посмотри.

28-го ходили с мамой в кино. Смотрели «Чужая в поселке». Если тебе удастся посмотреть, посмотри, там есть несколько эпизодов, очень похожих на нашу

семейную жизнь. Сразу перестанешь ревновать меня. А как было бы хорошо! Ведь это доказывает, что человек верит.

И. Г. Луговской опять назвал меня плаксой-ваксой. И осведомился, зачем только ты женился на такой плаксе.

Пиши о себе, что слышно, как дела с лотереей. Как стихи? Пиши обо всем.

[СЕНЯ]

Уже два твоих письма лежат у меня в кармане, а я всё никак не соберусь ответить. Странно, обидно, нехорошо. Да? Но я ничего не мог сделать с собой. Даже это письмо пишу только потому, что нужно, наконец, написать. Мне хотелось писать веселые, бодрые, шуточные письма и очень не хотелось, чтоб на тебя повеяло сещенским холодом. Не выходит. Страшно, пусто, тоскливо и тяжело. Выйдешь на порог, и хочется по-волчьи выть на луну. Кажется, вой успокаивает.

Мне всегда было нелегко, когда мы расставались. Всегда было нелегко «как никогда раньше». И сегодня тяжело, как никогда раньше. Почему это? Да какая, собственно, разница, «почему»? Ты была здесь — было хорошо. Тебя нет — стало плохо. Ты помнишь, мы как-то говорили с тобой, смогла ли бы ты, разойдясь со мной, выйти замуж за другого. Ты тогда согласилась, что, помимо других условий и причин, это могли бы сделать всего два слова — «назло ему». У меня такое состояние, что я назло судьбе могу отчаянно кружиться с Юркой под гармошку на уже заснеженной танцплощадке, могу проглотить стакан водки, могу, наконец, «выть» на луну. И хоть я прекрасно

знаю, что тебе следовало уехать, я всё-таки спрашиваю: зачем Софья не осталась?

Ты можешь называть меня как угодно — нытиком, бабой, но пойми, что ты мне нужна, нужна рядом, нужна очень, нужна навсегда. Мне очень тяжело без тебя, я несчастлив без тебя. Ты слышишь меня?

И всё-таки вопрос «почему» не оставляет меня. Почему? Кажется, это просто. А может быть, всё сложнее. Тебе можно было бы об этом и не знать, но ты ведь не только жена мне. Почему? Нет, это не просто.

Ты меня любишь? Ты скажешь — да. Ты всегда говорила «да». И я всегда немножко не верил тебе. Твое «да» я слышал. Здесь я его почувствовал. Кажется, впервые за все наши почти три года. И мне больше не нужно спрашивать тебя, не нужно. Я знаю. И мне хорошо. Эта наша разлука лучше, чем любая прежняя, и во сто крат мучительнее любой прежней. Я хочу к тебе. Всё время. Каждую минуту. Тебе приятно это читать, я знаю. Но если ты хоть немного начала привыкать к тому, что меня с тобой нет, то такое письмо только растрогает тебя и ненужно взволнует. Поэтому я не мог, не хотел писать тебе. Но бодрости не дождался, а время не ждет. Что ж, читай.

Писать мне больше не о чем. Я не занимаюсь, ничего не пишу. Завтра хочу съездить в Дубровку, «Леночку» проведать. Прочел «Жизнь» Мопассана. Эта «Жизнь» вызвала столько мыслей, столько попыток сравнивать... А после нее — рассказ Первомайского в «Литературке» — «Шенбрунн». Просто потрясло.

Юрка увлекается научной фантастикой — «В стране багровых туч» Стругацких. Я начал, но — я же не как люди — не увлекся.

Янкин порадовал меня еще одной новостью: молочница, впервые увидев тебя, спросила, кто ты. Янкин сказал, что ты моя жена (я как раз вышел из комнаты). Так она перекрестилась и сказала: «Господи, кобели какие эти парни! Такая жена у него, а он (я то есть) к соседской девке ходит. Сколько раз его видела!» Клава поспешила ее предупредить, чтобы она тебе ничего не рассказывала. Ну, как тебе нравятся «нравы брянской деревни»?

«Линию жизни» завтра, вероятно, отошлю. Всё вот надеялся на другую оказию. С нашим переводом ничего еще не слышно.

Сегодня здесь часиков в пять началась зима — ветер с крупным снегом. Вечером уже скрипело под ногами.



Я не могу писать. Я не хочу
Измучивать тебя холодной строчкой,
Я — не имею права. И — молчу,
Начав и кончив бессловесной точкой.

Не потому, что пыл в груди угас,
Не потому, что чувства оскудели, —
Я не хочу писать на этот раз
Лишь потому, что мысли обмелели.

Быть может, я обидой уязвлю
Изнеженное чуткостью сердечко, —
Не надо, я прошу тебя. «Люблю» —
Ведь для меня не фраза, не словечко.

Так уж случилось, что на этот раз
Всё потеряло прежнюю обычность,
И служба здесь предстала без прикрас,
Ценимая в любую неприличность.

И я взглянул на этот странный мир,
Устроенный по дьявольским законам,

И вдруг почувствовал, что мой кумир
Не удостоен в этой жизни тронном.

А может, это только страшный миг,
И он пройдет, провалится навеки?
И станет мир по-прежнему велик
И человек вновь станет Человеком?

Не знаю. Может статься, что и так.
А чтоб проверить — нужно очень мало —
Чтоб между нами был всего лишь шаг
И чтобы больше ты не уезжала.



Ты на меня не сердишься? Еще минута, и я, как в оперетте, скажу: «Хочешь конфетку?» (Вчера получили деньги, и Юрка не выдержал, купил у Ивановны «Кис-кис». Со вчерашнего чая осталось несколько симпатичных мордочек, и мы их безбожно мнём.)

На днях получил письмо от Ильи. Наконец-то. Письмо я тебе посылаю. Почитай, “жена”.

Я снова “заболел”. Получил «Юность», а там очень хорошо, правдиво написан очерк-репортаж со строительства «Абакан — Тайшет». Ну и — заболел “передним краем”. Иногда мне страшно за тебя и за себя. Не ждет ли меня участь моего папы? Он ведь тоже в молодости был общественником, пошел по политчасти и пришел... к безденежной сапожной мастерской, сделав несчастной жизнь жены и детей. Не будет ли и у нас с тобой так? Единственное, что волнует меня в жизни, — это люди. Может, кто-нибудь скажет, что это просто отговорка лодыря, — так нет же! Я готов, как Горький, пройти пешком по всему Союзу, работая то с грузчиками, то с каменщиками, лишь бы видеть и знать людей, много и разных. Но сейчас так нельзя. Государственная машина упоря-

дочилась, без постоянной прописки на работу не берут, да и жена кочевать не пустит. (Я или сойду с ума, или стану сапожником.)

Был на днях в Дубровке, в редакции. Разговаривал с секретарем, Павлом Владимировичем. Он сказал, что в композиции «Леночки» сдвиги значительные в сравнении с первым вариантом, что новый вариант начала, сам кусок, ему очень понравился. Если доработать и, самое главное, взять за причину конфликта более яркий случай (а это значит написать рассказ заново), может получится хорошо. «Языком владеешь, писать можешь». (А печататься рано.) Но я доволен уже тем немногим хорошего, что он «отметил».

Мы с Ю. Н. позавчера вечером были у Баштового. Он уже уходил. «Вы домой, тов. подполковник?» «Да, домой. А что?» «Ну, раз домой, так идите. Мы к вам по личному вопросу хотели...» «А, это, наверное, насчет ГСМ? Да? Ну, на минутку зайдем, чего ж там». (Добрый дядя, а?) Сказал, что ему звонили, что он не против, если ему пришлют двух сержантов. «Вы уедете, Янкин уедет, кто ж работать будет?» Немного обиделся, почему мы писали, а он не знал, но тут же как будто застеснялся (самолюбие-то неудобно проявлять), сказал: «Ничего, не важен метод, важен результат. Раз вам лучше, я не возражаю». Мы ухватились и добились от него обещания позвонить в Смоленск и, значит, поторопить. Станный он человек. Так душевно отнестись после недавно объявленного замполитом месяца неувольнений и им же самим — выговора!

Отправил в Дубровку три стихотворения. Жду.

Вчера проводили домой еще одну партию демобилизованных. Уехал тот парень, собаковод, что встретил нас, когда мы в гости к кроликам ходили.

Сегодня мы с Юрой в карауле. Утром я должен был разбудить его — ему надо было сходить за молоком, чтобы к завтраку успеть сварить у собаководов какао. Будил, будил, — мой Юра спит, как убитый. А я уж сам еле сидел. Вчера перед нарядом не отдыхал, а ночью поспал всего три с небольшим часа. Сижу, бужу его, а у самого глаза уже закрыты. И вот, полуочнувшись, вспоминаю, что мне надо что-то ему сказать, и вдруг резко, нетерпеливо так, требовательно, чуть не кричу — «Софья!» Тут уж я проснулся окончательно, огляделся — никто не слышал? — все спят. Кажется, в первый раз такое. А после завтрака, когда уже лег наконец, приснился мне знаешь кто? — Жора Прудников, боксер, помнишь его? Жена у него маленькая была, а приснилась почему-то с него ростом. Он спросил: «А ты всё еще так ходишь?» — и пошел к двери, ссутулившись в странную загогулину. Мне аж перед тобой неловко стало.

Заболтался.



Сейчас я, помимо всего прочего, очень занят. Дошло до того, что в субботу и помыться не успел, и кино не посмотрел — проторчал с Янкиным в каптерке до 0:30. Завтра Янкин уезжает, и нужно сдавать, сдавать, сдавать Гвоздёву имущество. Последний же, оставаясь верным себе, дал мне уйти сюда, в караул, зная отлично, что я позарез нужен Янкину.

Но это не важно. Важно другое: надо готовиться к экзаменам.

Сонечка, так ты читала «Жизнь» Мопассана? В послесловии я прочел, что Мопассан ставил в вину Жанне ее нежелание считаться с законами природы. А ими он по-

пытался даже оправдать в некоторой степени поведение Жюльена. В какой-то мере Мопассан был прав.

Письмо какое-то сумбурное, да? Голова не работает. Наверное, тоже "ночная смена" виновата: сейчас ведь только семь часов утра.

Приветы тебе от Ю. Н., Кости, Сергея, Арика, Янкиных (Ирка на мой вопрос «Помнишь т. Соню?» сказала свое «хм») и уткнулась Клаве в плечо).



Сегодня 22 октября, сегодня ровно месяц, как ты уехала отсюда. И ровно месяц — теперь я могу об этом сказать — я ждал, ждал и ждал своего отъезда в Одессу. Я не писал тебе, когда я смогу приехать, чтобы ты не ждала меня. Прошлый Новый год меня кое-чему научил. Но я-то — надеялся! Я спешил переправить письмо из караула в казарму, чтобы оно пришло раньше моего приезда к тебе, настолько твердой была уверенность. И снова — пустой номер. Баштовой не "смиловитесь" — ведь ты же недавно была здесь. Вот так, Софья. Впереди — долгие-долгие месяцы, и надо отбросить иллюзии и надежды и ждать терпеливо и мужественно. Третий год — трудный год. Ты у меня тоже "старослужащая". Считай, что ты прошла уже два года армейской службы. И я это без тени иронии — трудность службы только в разлуке, а ты с этой трудной трудностью знакома близко не меньше моего. Хоть атаманом и не будешь, а — терпи, козаче. Така наша доля, дівчинко моя.

Ну а что касается Ильи, то — ревную ли я? — нет, Соник, не волнуйся об этом. Здесь всё в норме. Хотя, раз уже об этом зашел разговор, Илья во всех отношениях пре-

восходит меня. Я это признаю. Но тебя ни отдавать, ни даже предполагать что-либо, вызывающее ревность, — не буду.



Милая Софья! Мы с Юркой сейчас сидим у Шкляра и ждем, пока этот, по его словам, мужчина затопит печь, дабы изжарить для гостей картошки. Мило, не правда ли? Юр. Ник. играет на гитаре «Птичку божью», а я — пишу. Мешают, черти.

Сегодня целый день в хлопотах. Нужно распространить лотерейные билеты. Их сто, по два рубля. Наш взвод взял уже 50, и нужно еще. Придется Энкину печатать добавку.

Когда мы с ним были в Рославле, зашли в аптеку, выбрать что-нибудь для лотереи. Ночью я в те сутки спал часа три (был дежурным по взводу — выдумки Гвоздёва) и спать хотел — очень. Ехали в “будке”. Я пристроился на скамейке и дремал, насколько это было возможно при тряске и поворотах. Из машины вышел с оплывшим лицом и резким басом. Так вот, зашли в аптеку. Долго стояли над витриной, обсуждали, совещались. Никого нет. Мое басистое «Кто здесь отпускает?» произвело впечатление: аптекарша торопится. И вдруг не менее басистое «Три сосочки-пустышки, пожалуйста, и бутылочку “Боржомии”». Вот смеху было потом! Она сначала не поняла, потом спросила, трое ли у меня. Извлекла на свет божий кроме пустышек еще и соски, я их забрал, заверив, что «ничего, будет еще трое».

Флягину привет передал. Он поблагодарил, осведомился, как ты доехала (вспомнил!) и просил передать тебе привет.

У нас солят сейчас капусту. На рубке сегодня работала Эмма. Я зашел туда "откушать" морковки, а в обмен на нож (почистить-то надо!) сказал, что «моя Сонечка привет вам передает». Она сказала, что «спасибо» и что она «погорела» с баночкой — забыла сказать Клаве, а та собиралась уже меня спрашивать. Но — всё обошлось. Адрес твой Людочка потеряла, а меня спросить "стесняется". Не любят меня детишки, ну что ты тут сделаешь! Вот Янкина провожал — Ирка со мной ну ни в какую говорить не хочет. Я уж Клаве сказал, что меня и мои любить не будут. Уверяет, что будут. А вдруг нет?

Ребята рассказывали, что когда Гвоздév распространялся о нечестности Янкина и нас с Ю. Н., они его разубеждали, приводя такой вот убедительнейший аргумент: «Ведь мы же их знаем!» Сейчас ходят и, как больных, спрашивают нас, почему у нас кислые физиономии. Хорошие ребята! Они ведь не лицемерят, мы же видим. Вчера с Юркой ходили в деревню за папиросами — под ногами листья шуршат, а речка мелкая-мелкая, как в корыте.

А у Гурама, оказывается, жена есть и дочка, ей уже третий год. Он ушел от них перед самой армией. Жена ему изменяла. Когда он был в отпуске, она приходила к нему с дочкой. Но Гурам остался непреклонным. А девочке помогает. Он получает 40 руб., но умудряется как-то комбинировать. Выслал 600 руб. Я не знал. Я и сейчас не знаю. Думаю, ребята ходили в увольнения бригадой и подрабатывали на строительных работах в деревне.

Здесь был один грузин, Миша Татарашвили, его комиссовали по недоразвитости. К нам с Юркой он привязался, как простодушный ребенок. И вчера я получил от него письмо (а прошло с его отъезда месяцев восемь!), фа-

милию мою он, конечно, исковеркал, но письмо дошло. Тронуло аж.

Я тебе наболтал, наболтал, а что к чему — не понять. Только не обидься, а то не отошло!

Ну, всё на сегодня. Всё равно это — капля в море. Нужно говорить, а не писать, тогда всё станет на свое место.



Письмо твое получил еще 29-го, а отвечаю — лишь сегодня. Виноваты в этом двое — я и майор Дырnochкин. И — не в оправдание себе, нет — я говорю: он заставил меня краснеть, чего я никак не могу ему простить. Я обещал в четверг прочесть подготовленное к 7-му ноября стихотворение — и, конечно, не прочел. Очередной срок — воскресенье, завтра. Завтра, думаю, прочту. Но это стоило всех этих вечеров — много, правда? Конечно правда, потому что вечера эти — это мое письмо. Цена большая. Сегодня 31-е. Телеграммы нет. Жду завтра. Неужели ты не сдала? Нет, нет, не может, не должно быть.

А щитовидка — посоветуйся с Ревеккой. Она должна знать. И — не нужно откладывать. Дело не в том, что не умрешь. А просто, на мой взгляд, можно избавиться от нее до Москвы. Зачем же не попытаться?

Отпустят ли к Новому году — это тяжелый вопрос. Всё дело в том, что нет основы — «образцового поведения». Сейчас объясню.

Ты помнишь, тебе не хотели давать отпуск за свой счет, когда я приехал в Одессу. Это ведь было нечеловечно, несправедливо, правда? Пусть ты не дисциплинирована на работе, пусть ты даже не справляешься со своим делом — но тебя отпускают по нужде. Правильно ведь? Так вот такая ситуация приключилась и со мной. Я отпустил

в увольнение одного солдата, в увольнение в будний день, чтобы он забрал в часовой мастерской свои часы. Он, этот солдат, только-только проявил недисциплинированность, и в обычное увольнение я бы его, конечно, не пустил. Ну а по делу — разрешил. И вот результат: меня в наказание переводят в технический взвод.

Лишь недавно я узнал кухню всей этой истории. Баштовой предполагал понизить меня в должности до ком. отделения (о чем я, кстати, очень просил Гвоздёва: ком. отделения имеет больше свободного времени и меньше хлопот). А в это время Романенко проектировался в техвзвод вместо комиссованного Бурылина (помнишь его?). Гвоздёв же знал, что в нашем взводе он за Янкина временно, что ему придется недельки через две возвратиться в свой взвод, технический, а там — работать с Романом. А зачем ему Роман? И он предлагает Романа оставить помкомвзвода здесь, а меня перевести в техвзвод (со мной ему легче работать). Влияние Гвоздёва немаленькое, и вопрос был решен. Оставалось только найти повод для моего понижения в должности.

Я с Гвоздёвым говорил начистоту, он чувствовал себя несколько неловко (он-то думал, что делает для меня лучше) и уверял, что и в техвзводе свободного времени будет достаточно. Я пока этого не вижу. Но факт остается фактом: образцового поведения как такового — нет. Будет ли? Это вопрос. Там Галюзин, о нем ты немного имеешь представление. Мы с ним слишком разные люди. Но (раз уж зашла речь о нем) если встретишь где-нибудь книгу «Кройка и шитье», такую, какая есть у тебя, пожалуйста, купи и вышли. Галюзин позавчера приобрел швейную машину, а его жена в знании швейного дела недалеко ушла от моей супруги.

Янкин уехал сейчас в Воронеж, а оттуда должен — в Германию. А Гвоздёв... Он не искренен в делах своих, в словах, а это очень отталкивает.

Курсы английского языка одобряю, сколько умею.

У меня же ничего нового. С Галюзиным пока не ругаюсь. В свободное время заскакиваю во взвод, к "своим". Захожу — уже даже команду «смирно» в шутку подают. Сейчас идут танцы. Собственно, не идут, а кончаются. А это значит, что нужно уходить и укладывать людей спать.

Семен Кравец уже в техническом взводе, и это значит, что период его караульной службы завершился. Попрощаемся и мы с этой простой-непростой частью армейской жизни. Но прощаясь, поделимся с читателем еще одним фрагментом из воспоминаний Кравца — фрагментом под названием «Стреляли».

СТРЕЛЯЛИ

Когда мы с Юрой Мальцевым после полковой школы ехали младшими сержантами на известный у военных Сещинский аэродром, мы еще не знали, что нас заявили во взвод охраны бомбосклада.

Бомбосклад — отдельная воинская часть. На складе авиационные бомбы, но это хозяйство технического взвода, это не мы. Технический взвод расположен в одном домике со штабом. За штабом в таких же домиках офицеры с семьями. Чуть ближе медпункт, чуть в стороне — пожарная часть, потом клуб, а тут и наша казарма, взвод охраны. Сам склад в километре, а дорога в гарнизон — вот она, за воротами. Тут наша служба.

В казарме широкий проход, по обе стороны койки в два яруса. Посреди прохода табуретка, возле коек стоят и глазеют

ребята, а от входа, от умывальника, берет разгон парень, без гимнастерки — только в нижней рубаше. Разбегается, двумя руками отталкивается от табуретки и — сальто в воздухе с мягким приземлением в присед, руки вперед. Это Миша Татарашвили из грузинской команды. Во взводе ребята из разных мест, но в основном — команда из Азербайджана, Баку, команда из Армении, Ереван, и команда из Грузии, Цагерский район.

Мы с Юрой Мальцевым назначены командирами отделений и знакомимся с ребятами — “личным составом”. Ереванцы и бакинцы, как и мы, служат уже по второму году, а грузины — “салаги”, первый год.

Взвод охраны — это караульная служба, а что такое караул, знает каждый, кто надевает военную форму. Но если все другие ходят в караул изредка и в очередь, то для нас это основное занятие, которое во всех родах войск называется «через день на ремень».

Так вот, на складе бомбы, и мы их охраняем. И если завтра нам заступать в караул, то сегодня Юра (или я) должны расписать, кто на каком посту будет стоять.

И оказывается, что Мишу Татарашвили ни на какой пост записывать нельзя. Нам очень быстро показали, как Миша разбегается и делает — вроде неудачный — кувырок в воздухе и не приземляется плавно, как учили, на носки с вытянутыми вперед руками, а — шмякается спиной об пол казармы и — встает на ноги, как ни в чем не бывало. Вот такой Миша фокусник. И эти фокусы он еще у себя дома проделывал. Деревенский ненормальный. Местная знаменитость. В единственном у них ресторане на подхвате, там же и живет. Но паспорт — как у всех, и в армию призвался явно вместо кого-то. Призвать призвали, а на пост — как можно посылать? Там, если что, стрелять нужно.

Еще один — Ахвледиани. Ахвледиани это фамилия, а имя — Дадаши. Он большой и какой-то медлительный. Но если все наши грузины очень хорошо владели русским языком, то Дадаши не говорил по-русски совсем. Как это часто бывает, первые русские слова, которым его научили, были слова нецензурные. Для этих его “учителей” потехой было, когда Дадаши, пытаясь ответить на какой-нибудь вопрос, выкладывал для начала все свои познания в русской лексике — надеясь, видимо, что так его скорей поймут.

К тому времени, когда мы с Юрой попали сюда, Дадаши уже знал все необходимые в службе команды и умел их выполнять. Сложно ему было, когда его о чем-нибудь спрашивали, а он сначала не мог понять, а потом не умел ответить. Вот тогда нужен был переводчик. Во взводе был еще один Ахвледиани — Заури. В их деревне, как и во многих грузинских и негрузинских деревнях, было много однофамильцев, которые, если покопаться, окажутся дальними или недалекими родственниками. И Заури, на правах однофамильца-родственника, чаще других попадал с Дадаши в один караул еще и как переводчик.

А в какой-то момент стало известно, что не только Мишу Татарашвили, но и Дадаши Ахвледиани не должны были в армию призывать. Потому что он у матери единственный кормилец. То есть мама нетрудоспособная, а он у нее один. Артиста-гимнаста Мишу Татарашвили вскоре отправили домой — комиссовали по состоянию здоровья. Это заслуга нашего командира взвода лейтенанта Янкина. Он и за Дадаши тоже хлопотал, и его тоже удалось вернуть домой, но прежде чем это случилось, случилось другое — ЧП, чрезвычайное происшествие на бомбоскладе с участием самого Дадаши.

Тогда Дадаши Ахвледиани вместе со своим отделением заступил в караул. Шесть постов — первый у караульного помещения и еще пять по периметру склада, вдоль колючепроволочного забора. Порядок какой? Одна смена на постах, в это время другая смена — бодрствует на всякий пожарный случай, а третья — отдыхает. Каждые два часа часовых меняют.

Дело было зимой, когда светает поздно и неспешно. И конечно, трудно стоять предутреннюю смену. Когда тяжелый тулуп, надетый поверх шинели, очень даже располагает прикрыть глаза. Хотя бы ненадолго... И когда Дадаши глаза открыл, он сразу сообразил, что открыл их вовремя — за колючей проволокой, на складе, метнулась тень. Дадаши крикнул «Стой!», но тень не остановилась, а пропала. И Дадаши, решив, что надо спешить, взметнул свой карабин, дослал патрон в патронник и выстрелил в сторону тени. Стало тихо, никто там больше не шевелился.

А в это время в караульном помещении всё, конечно, пришло в движение — выстрел на посту! И уже на выходе бодрствующая смена, и уже слышится привычное «Стой, кто идет?».

А воинская наша часть — она же недалеко, и уже звонит дежурный по части — что, мол, там у вас? А что у нас? У нас кто-то на склад проник...

Взвод охраны подняли по тревоге. Подняли, конечно, и технический взвод. Уже рассвело. На складе технари осматривают все хранилища, мы обследуем контрольную полосу — на снегу должны быть следы...

На снегу, однако, никаких следов. На всех хранилищах печати не нарушены. Значит, ложная тревога? Наши офицеры едва скрывают раздражение. Хорошо еще, что не доложено, как это положено, выше по начальству...

Конечно, чего только в жизни не бывает! Всё бывает. Вот только стрелять в сторону склада никак нельзя. Не дровяной же склад. Но наказывать Дадаши не стали. Да и зачем наказывать? Ведь ему и без наказания понятно — если б рвануло... А тут подоспели документы на Дадаши. И его отпустили домой.

А вот Мохарабелидзе мы с Юрой Мальцевым знали только по фамилии. Но запомнили. Он тоже стрелял.

Надо заметить, что ребята после призыва по-разному входят в службу. Кто-то смиряется, у кого-то смирение не получается. Не получалось и у Мохарабелидзе. Нехорошо ему было, не нравилась ему эта служба, он раздражался по любому поводу. А мы с Мальцевым должны были проявлять педагогическую выдержку. Потому что мы с Мальцевым сами через это прошли — это раз, и твердо знали, что иных вариантов ни у нас, ни у Мохарабелидзе не будет — это два.

Тут надо кое-что пояснить. Например, команда «На ремень!» — это карабин забрасывается за спину и на правом плече на ремне повисает. А дальше «Шагом марш!» — и вперед, в караул. А вот «через день на ремень» — это очень интересно. Это значит, что если отстоял сутки в карауле, то раньше чем через сутки тебя в караул никто не то что не пошлет — не пустит. А вот через сутки — милости просим, нет возражений. И это уставное правило. Не потому только, что человеку тяжело выстоять двое суток подряд, а еще и потому, что караул приравнивается к боевым условиям, а в боевых условиях очень желательно, чтобы солдат был полон сил. А чтобы после караула силы восстановились, в следующие сутки должен солдат спать нормально. Вот поэтому «через день».

Но так устроена природа, что после холодной зимы наступает теплая весна. А с наступлением тепла командир части ждет от командира стрелкового взвода лейтенанта Янкина

список умельцев-строителей для выполнения всегда неотложных ремонтных работ капитального и текущего характера. И строители эти до самой осени в караул ходить не могут. А кто в бригаду не попал, в караул теперь будет ходить через день, но не на сутки, как положено, и даже не на двое суток, а на целых пять. На сутки их подменяют, чтоб отоспались, а отоспятся — и опять на пять.

И получается, что если ты не строитель, то тебе явно не повезло с частью, вот такое твое счастье, так твои звезды расположились. В других частях всё наверняка именно по уставу, на ремень через день и всего на день, а вот у нас... Янкину что делать, если вся часть, считай, из его взвода только и состоит? Один человек в пожарке, один человек в медпункте, у техвзвода своих хлопот полон рот, вот командир части только на Янкина и смотрит. И если Ахвледiani Дадаши отправили домой, то надо другому Ахвледiani, который Заури, войти в положение лейтенанта Янкина. И настраиваться на пять суток через сутки.

И так мы устроены, что когда вдруг настроены проявить чуткость и войти в чье-то положение, то нравимся себе и даже чувствуем себя немножко героями. Ведь мы же выстояли! Мы же смогли! И — вошли в положение, помогли! Но Мохарабелидзе был устроен не так.

И в один из летних дней караул после пятисуточного стояния на постах вернулся в казарму, а ему на смену начальником караула заступил Юра Мальцев со сборной бригадой подменных. А я в тот вечер дежурил по штабу. Была суббота, и в клубе должны были “крутить” кино. Так что сменившемуся караулу подвезло: мало того, что поспят по-человечески, так еще и кино посмотрят.

Когда поужинали и уже шел фильм, позвонил Мальцев. У него в карауле заболел Володя Рехвиашвили — скрутило живот.

Думал — пройдет, а вот не прошло. Нужно кого-то взамен, и поскорей — чтоб успеть заступить в свою смену.

Хорошенькое дело! Где ж теперь этому Володе замену искать! Всех, кого могли, подмели.

Я посмотрел график выходов в караул — у кого меньше этих выходов? Обычно мы старались подменять тех, кто выбился в “отличники” — отстоял больше других. У меня получилось, что посылать надо Мохарабелидзе — он только недавно заступал кому-то на подмену, отстоял двое суток. Другие — больше.

И уже — в приоткрытую дверь клуба команда: «Мохарабелидзе! На выход!»

— Придется возвращаться, — говорю я ему, когда он с напряженным лицом вышел из клуба. — Рехвиашвили заболел. Мохарабелидзе завелся сразу.

— Рехвиашвили хочет кино посмотреть!

— При чем тут кино? — говорю я. — Кино скоро кончится. Заболел он. Так что собирайся и приходи в ружпарк, возьмешь карабин.

Мохарабелидзе резко повернулся и пошел к казарме, а я направился вслед за ним — открывать наш ружейный парк — комнату, где хранилось оружие.

Мохарабелидзе пришел быстро — долго ли в караул собираться?

— Готов? — спросил я, пропуская его к пирамиде с оружием. — Патроны возьмешь в карауле.

— Готов, — отвечает Мохарабелидзе и как сквозь зубы добавляет: — Всех бы перестрелял.

— И меня? — спрашиваю я, как бы переводя разговор с уровня эмоционального в ранг спокойного.

— И тебя! — восклицает Мохарабелидзе, не собираясь понижать градус раздражения.

А я опускаю руку в ящик под стойкой, достаю оттуда обойму с пятью патронами и тем же вроде бы спокойным голосом говорю:

— На, стреляй.

Наверное, я был уверен, что он повернется и выйдет. Но он сначала выхватил протянутую обойму, а потом уже выскочил из ружья и из казармы. Ну и ну!

Я позвонил Юре в караул, сказал, что послал Мохарабелидзе и что дал ему обойму с патронами. Пояснил, как мог, что тот на взводе и что лишние патроны ему ни к чему. Просил позвонить, как только Мохарабелидзе доберется до караула, а Рехвиашвили отправится обратно.

Лето. Окно открыто. Я вышел на крыльцо штаба, закурил, жду звонка. Время есть — до караула Мохарабелидзе должен еще дойти.

Однако раньше зуммера телефона прозвучал выстрел. И сразу в голове: из карабина Мохарабелидзе. Я к телефону — Мальцеву:

— Слышал выстрел?

— Слышал.

И мы замолчали. Это молчание наше означало только одно — неужели? Мы немножко уже послужили и слышали, как то там, то там стрелялись ребята.

Известно, как тянется время, когда ожидаешь страшного. Долго тянется. Я сидел у аппарата и тупо смотрел на трубку. Дежурный по части офицер был в клубе, где шел фильм, и потому выстрела не слышал. А тишина казалась просто абсолютной — даже цикады умолкли.

Сколько времени прошло, как Мохарабелидзе вышел из расположения части, Юра должен был знать по моему звонку. Когда прозвучал выстрел, можно было и на часы не смотреть. Так что или вот-вот Мохарабелидзе появится у Мальцева в карауле, или...

Зазвонил телефон, и трубка сразу как прилипла к уху.

Мохарабелидзе пришел и положил на стол Мальцеву обойму без одного патрона. Юра обойму взял, позвал скорчившегося Володю Рехвиашвили, тот передал свой подсумок с патронами и отправился в казарму, а Мохарабелидзе тоже засобирался — подошло время заступать на пост. Мне же Мальцев только сказал:

— Все нормально. Володя вышел.

Ночь прошла спокойно и день тоже. В воскресенье основной состав многосуточного караула помылся в бане и сменил строительно-сборную бригаду вместе с Мохарабелидзе. Я его не искал, а он меня тем более. Недостающий патрон мы с Юрой тихо добавили, и инцидент был, как говорится, исчерпан: Мохарабелидзе выстрелил, чтобы “выпустить пар”. Выстрелил не во “всех”, не в меня, не в себя, о чем, содрогнувшись, мы с Юрой подумали в первый момент. Выстрелил в белый свет. В несправедливое мироздание...

Потому что непросто это — служить в карауле. Например, Рафик Мурадян уже хорошо усвоил, что это путь по кругу. Один круг он уже прошел. Зимний лес в сказочном снежном убранстве и морозный скрип под ногами сменили теплые тихие соловьиные летние ночи. Неизменными были только посты — первый, второй, третий... первый, второй, третий... Неизменными были оклик «Стой, кто идет!» и отклик — «Разводящий со сменой!». Неделя за неделей, месяц за месяцем, и новый круг «зима — лето». «Стой, кто идет!», «Стой, кто идет!», «Стой!», «Стой!», и это уже снится. К концу второго лета,

чтоб, как он сказал, не сойти с ума, Рафик подал рапорт на поступление в военное училище. Рапорт был удовлетворен. Взвод потерял драгоценную боевую единицу, зато Рафик “потерял” нас — в добрый час! — мы были рады за него.

А у нас у всех всё осталось, как было, у всех, кто остался, в том числе и у еще одного ереванца — Эрнста Овсепяна.

Я редко хожу в караул — я теперь помкомвзвода, в мои обязанности это не входит. Но сейчас...

Хронически некого ставить на посты. Кто-то заболел, техвзвод не тронь — он занят на складе, стройбригада просит освободить от караула Арутюняна — без него не могут закончить кладку, на закрепленном за нами участке аэродрома некому выкосить пожароопасную траву... Поэтому как-то смягчить график «пять через сутки» уже не удастся — хорошо, если так удержимся. В карауле ввели послабление — в ночное время негласно отменили бодрствующую смену. Пришли с постов — можно спать не два часа, а все четыре. Лейтенант Янкин время от времени караул посещает, но делает вид, что ничего не замечает.

Договорились с Жорой Захаряном — он безвылазно сидит в карауле, а мы за это отпускаем его в райцентр, в школу, экстерном сдавать экзамены за десятый класс: до призыва он успел окончить только девять. От Янкина держим в секрете: покидать караул — это дезертирство, это трибунал.

Сержантам тоже достается — разводящим через каждые два часа выводить смену на посты, начальникам караула тоже не отдых. Так что я, нет-нет, к ним подключаюсь. Вот и сейчас — я в карауле.

Ночь. Начальник караула должен хоть раз за дежурство проверить посты. Я это делаю обычно ночью — в самое тяжелое для часовых время.

По ночам уже свежо, накинул шинель на плечи. В караульном помещении на телефоне остался разводящий — Скрыпник, сержант.

Ребята спят. Хоть на посты в одиночку ходить нельзя, я не стал никого с собой брать — пусть отдыхают.

Подхожу ко второму посту.

— Стой, кто идет!

— Начальник караула, — это я отвечаю часовому. — Всё нормально? Всё спокойно?

Всё нормально, всё спокойно. То, что я один, — не удивляет, не в первый раз. Иду дальше.

— Стой, кто идет?

— Начальник караула...

Следующий пост:

— Стой, кто идет?

— Начальник караула.

И вдруг:

— Осветить лицо!

Это Эрнст Овсепян.

Осветить лицо... Я опешил. Достая коробок спичек, но не успеваю и открыть, как слышу:

— Не жечь огонь на посту!

— Эрнст! — говорю я. — Ты же знаешь, что фонарики нам положены, но их не выдают.

— Огонь не зажигать!

Я прячу спички. Что делать дальше?

Не могу сказать, будто стал лихорадочно перебирать какие-то варианты. Голова как-то лениво на всё реагировала. Да и что, собственно, происходило? С чего это такие формальности?

По-хорошему, я должен был быть не один, а как минимум с одним человеком из бодрствующей смены и при оружии. Во-вторых, что это за шинель внакидку? Вышел из казармы покурить? Но ведь знает дорогой товарищ Эрнст Овсепян, что не всё хорошо в нашем недатском королевстве, не всё хорошо. Так зачем же цепляться за такие пустяки? «Осветить лицо!» Или мы друг друга по голосу не знаем?

— Эрнст, — говорю я, делаю шаг вперед и слышу:

— Стой, стрелять буду!

Я останавливаюсь. Во-первых, я понимаю, что всё уже пошло, как положено по уставу. И еще я понимаю, что сейчас положено меня положить на землю и ждать разводящего со сменой, чтобы сдать меня с рук на руки кому положено. Вот и всё мое положение. Довольно смешное, надо сказать. И я уже даже готов посмеяться над этим моим смешным положением и снова делаю шаг вперед:

— Эрнст!

И в ответ звучит выстрел. Останавливаюсь. Я понимаю, что по правилам это предупредительный выстрел в воздух.

— Кончай шутить, — говорю я и снова начинаю движение.

Звучит еще выстрел, и я вижу пулю, летящую в полуметре слева от меня на уровне груди. Это пока я иду к Овсепяну. Я иду? То есть выстрел меня не остановил? Потому что пуля пролетела мимо? Видимо, это какая-то разновидность шока. Получается, что я не отдавал себе отчета, что мог быть убит? И вот я уже стою против Эрнста. Напряжение большое, но сказал только — ничего другого не пришло в голову:

— И где я теперь два патрона буду искать?

Эрнст мне не отвечает. На лице его, обычно просто неулыбчивом, появилось и сразу как исчезло что-то вроде надменно-горькой усмешки. Или мне показалось...

Я задал свой дежурный вопрос — как на посту? — и услышал дежурный ответ:

— Всё как обычно.

— Хорошо, — дежурно сказал я и пошел мимо Овсепяна на следующий пост.

Обойдя посты, возвращаясь в караульное помещение и на подходе слышу, кто-то крикнул «Идет!» — это обо мне. На пороге ждет Скрипник. Из расположения части не звонили, и это означало, что ветер в эту ночь был на нашей стороне. Юры рядом не было, со Скрипником говорить на эту тему не хотелось.

Когда Овсепяна сменили с поста, я к нему не выходил, да и потом, до конца караула, мы с ним вплотную не пересекались. Ясно было, что здесь я с Эрнстом говорить не должен. Но ясно было и другое — что ночная стрельба не может просто повиснуть в воздухе...

Нас сменили, и я привел караул домой. У казармы, когда развернулись уже в две шеренги, я после «Смирно!» отдал команду рядовому Овсепяну выйти из строя. Это обычная процедура, когда кому-нибудь вручают орден или назначают наряд вне очереди. Мне же нужно было объявить Эрнсту — благодарность за отличное несение караульной службы. Надо было, чтобы случившаяся стрельба не повисла как нечто тайное, скрытное, стыдное.

Ритуал есть ритуал. Эрнст сделал то, что должен был сделать, — отчеканил «Служу Советскому Союзу» и с бесстрастным лицом вернулся на свое место в строю. После команды «Вольно» мне как-то “вольнее” стало на душе, да и ребятам, мне кажется, тоже. ЧП не повисло неопределенностью.

Но для меня неопределенность оставалась. Я уже говорил, что Овсепян того же года призыва, что и мы с Юрой Мальцевым.

Но никто из нас не виноват, что мы начальники ему, а не он нам, хотя могло быть и так. Между нами не должно быть недомолвок — зачем? И мы с Юрой ищем Эрнста (а были у нас с ним нормальные вполне отношения) и просим его, как говорится, по-человечески — объяснить, что же это на него нашло тогда в карауле? И поведал он нам...

Это правда, что я редко ходил в караул. Так вот, оказывается, это уже третий (редкий!) раз, когда Эрнст оказывается со мной в одном карауле, и третий раз я обхожу посты как раз в ту смену, когда на посту он. И Эрнст решил, что это неспроста. Что это именно его проверяют. Что это именно я именно его проверяю. Что я заступаю в караул тогда, когда в составе караула Овсепян, и выхожу на обход постов тогда, когда на посту стоит Овсепян. А раз так, так вот он мне и показал, как он «службу несет»! Ну не дурак?!

Но не дурак, нет. Сейчас, когда прошло много лет, на ум приходят такие слова, как «оскорбление недоверием» или «защита достоинства». Тогда же — после того как мы объяснились — мы могли только сказать «Ладно, забыли!», но суть мы чувствовали правильно. И оскорбленность недоверием была (якобы недоверием!), и было обоюдное признание права на защиту своего достоинства.

А ведь мог застрелить.

Хотя... Я не спросил тогда Овсепяна, куда он стрелял во второй раз — опять в воздух или все-таки по мне? А если по мне, то целился или нет? Но Мальцеву я сразу сказал, что пулю видел. Слева и на уровне груди. Я понимал, что звучит это нелепо. Но ведь я видел! Или мне почудилось?

Мы служили в мирное время. Война закончилась почти пятнадцать лет назад, и никому из нас в голову не могло прийти, что после всего пережитого война когда-нибудь может к нам

вернуться. Это на войне стреляют, и стреляют с обеих сторон. А в мирной жизни каждый выстрел...

Я стрелял из винтовки и из карабина, из автомата и из пулемета... Мне повезло — я стрелял только в фанерные мишени.

Добавим от себя, что фанерные мишени, к счастью, не отвечают. Добавим — и вернемся к письмам.

ноябрь'59

[СЕНЯ]

Сегодня — третье ноября, 2 года и 10 месяцев. Нет никаких экзаменов, никаких разрядов. Есть музыка Штрауса, белая скатерка накрыла небольшой круглый столик, комната тонет в мягком свете салатového абажура, в бокалах вина вздрагивают кусочки солнца, моя Сонечка в красном платье, кажется, в том самом, но я вижу только ее глаза, глубокие, нежные-нежные, в них тоже по кусочку солнца. Я чуть-чуть улыбаюсь, счастливо и потому, наверное, глупо, и говорю: «Поздравляю вас, миледи!». Наши бокалы бережно касаются друг друга, и по всему телу, с головы до ног, стремительно и тепло пробегает вдруг ток, такой, что хочется бросить бокал в сторону — бог с ним, разбивается... Как дальше, я не знаю. Знаю, что пока всё не так, но что этому «пока» тоже будет конец, и тогда будет так, будет, будет, будет!.. Будешь ты, будут глаза, чистые, открытые, глубокие, в которых только большая радость и тепло.

Так — поздравляю Вас, миледи!

[СОНЯ]

По письму чувствую, что ты очень расстроен. Но почему? Ведь ты когда-то мне лично говорил, что хотел

бы перейти в техн. взвод. По-моему, что́ Галюзин, что́ Гвоздёв, одно и то же. Оба хороши, когда спят.

Тебя, конечно, задевает, что поставили Романенко на твоё место. Ты скажешь, что это не так. Но я в это не верю. Мне кажется, что твоё начальство сочло Романенко лучшим командиром, чем ты. Но не стоит огорчаться. Жалко только, что ты с Юркой теперь не вместе. Но, с другой стороны, у тебя возможности учиться больше. И сможешь мне чаще писать. Теперь же я отвечаю аккуратно.

А ты не переживай. Тебе ещё год остался. Может, из техвзвода раньше отпустят. Так что не стоит из-за этого огорчаться.

Рыбка! Была у врача, острый бронхит. Кашляю страшно, внутренности просто выворачиваются. Рентген ещё не делала. Сейчас на больничном. Но ты не волнуйся, всё будет хорошо.



Сенечка, что-то, видно, с тобой творится. Ты стал задерживать ответы, а я волнуюсь. Я теперь буду только отвечать на твои письма. И отписок мне тоже не нужно. Чем два слова за 10 дней, лучше вообще не пиши.

Уже с 6-го работаю, рентген хороший и анализы тоже. Но тебя, я вижу, не интересует моё здоровье. Ты знал, что я на больничном, и даже не спросил, что и как.

7 и 8 ноября у мамы гуляли: справляли новоселье. Спасибо от меня и всех за поздравление. Мама

и д. Рува особенно тронуты были. А откуда ты узнал, что у мамы новоселье?

Встретила О. А. Котляр, когда давала тебе телеграмму. От нее тебе большой-большой привет. Пожурила нас за то, что нет еще детей.

Еще два праздника без тебя встречать. Ведь не стараешься, чтобы тебя отпустили к Новому году.

У нас всё время дожди и грязь, настоящая осень, противная и понижающая.

Во время болезни прочитала «Фосфорическую Джеврию» и «Да поможет мне бог». Книжки очень понравились. Сейчас читаю «Четвертый позвонок», а потом буду читать «Триумфальную арку» Ремарка, помнишь, мы читали в «Комсомолке»?

Переписала и надо начать учить «Отважное сердце». Роль у меня очень серьезная, трудная, требует много работы. Но не знаю, когда успею. Ведь скоро смотр. Все остальные уже один раз играли (ставили), а я первый раз. Напишу, как всё пройдет.

Р. S. Рыбонька! Как бы я хотела, чтобы то, что ты пишешь в последнем письме, исполнилось! Будем надеяться. Твоя Сонечка.



Получила сегодня от тебя письмо. Уже второе, а отвечаю только сейчас. Ты не догадываешься, почему? Мы поменялись ролями. Раньше ты писал, а я задерживала ответы, а теперь наоборот. Раньше, когда ты любил меня немного, ты не мог не ответить

сразу, — сейчас же у тебя тысяча других дел, а до меня тебе дела мало. Сеня, я, кажется, на старости лет вдруг начала ревновать тебя. Это очень плохо, но еще говорит и о том, что я перестала так безгранично верить, как когда-то. Тебя это не задевает? Ты, наверное, доволен: «Вот наконец-то она начала ревновать». А я стесняюсь этого чувства, оно вызывает во мне даже раздражение.

А ты меня перестал ревновать, похвально, поздравляю от всей души. Значит, ты веришь мне? Спасибо. Наконец-то я спокойна, а то вечно какие-то сомнения. Хорошо бы, конечно, жить вместе с Юрой, Ильей. Я их очень уважаю, но смотри, я даже в одного немного влюблена. Ты догадываешься, в кого? Мы будем жить в одном большом новом доме. Я буду заниматься хозяйством, а вы будете работать. А вечером будем все вместе обедать и отправляться гулять, идет?

Я не могла отвечать на предыдущее письмо, потому что наговорила бы тебе дерзостей. Я до сих пор успокоиться не могу. Я вообще стала тебе чужой.

Как ты можешь писать мне так холодно! Ведь я без тебя и так замерзла, так согрей хорошим письмом. А от последних писем дует ледяной стужей, как будто по ним прошел Дед Мороз. После предыдущего письма ходила убитая, просто хотелось плакать.

Ласточка! Я люблю тебя, люблю на всю жизнь. Лучше тебя нет никого на свете, но сейчас ты забыл обо мне, нет того внимания. У тебя только служба, свои переживания. Ты даже видеть меня не хочешь. Просить их об

отпуске ты не собираешься, а они даже не подумают предложить тебе, ясно?



Ласточка! Зачем ты пишешь так громко? Нельзя ручаться, что тебе ни одна женщина не понравится. Ну да ладно. На время ты меня успокоил, а дальше будет видно. Во всяком случае ты иногда вообще не думаешь обо мне, и не отрицай.

Теперь мои новости, то есть ничего нового. Живу, работаю. Устаю зверски, нет времени даже присесть. Возможно, от этого так болит сердце. Ты знаешь, оно меня мучает каждый день понемножку. Скоро твоя Софья совсем “концы отдаст”. Ты, конечно, плакать не будешь, я знаю.

Была у Милы с Лёней. Алик уже вырос, даже по дивану бегает. Они счастливы. Живут дружно и тихо.

Ляля и Майя уходили гулять, а я должна была караулить квартиру. Бедная, несчастная я! У меня одни кости остались. Хуже выгляжу сейчас, чем когда к тебе приехала. И мне уже надоело отвечать, почему я такая худая. Ем я очень плохо. Ты приедешь, тогда уже начну есть нормально. Согласен? Ты же говоришь, что тебе безразлично, как я выгляжу, ты любишь меня в любых видах, правда?

Мама с д. Рувой живут отдельно. Мы изредка ходим в гости. Готовим у нас и относим обед к маме. Мама же нас снабжает продуктами и другими вкусными вещами. У мамы очень хорошо. Я бы хотела, чтобы у нас была такая комната. Она очень солнечная, хороший вид из

окна, и окно большое. Мы бы вечером смотрели на огоньки и мечтали бы, да? У тебя жена тоже фантазерка, правда?

Мне очень жаль, что Ю. Н. забирают в другую часть. Даже я к нему как-то привыкла. Вероятно, связывают Уручье и Сеща. Очень-очень жаль. Теперь ты действительно остаешься один, тебе, конечно, будет нелегко. Ведь к нему ты привязался, он многое знал, ведь ты с ним делился. Наверное, в какой-то степени он морально заменял меня. И надо же, на последнем году службы разделить!

За стихотворения спасибо. «Снежинка» мне многое напоминает.

Была в Оперном, смотрела балет «Пер Гюнт». Музыка изумительная, такая душевная — прелесть. Декорация там, сам знаешь, богатейшая. В общем, очень довольна.

P. S. Куда это ты собрался на два месяца? Куда будут тебе прибывать письма?

[СЕНЯ]

Прошли праздники. На вечере после торжественной части зачитали приказ. Григорию Ивановичу присвоили «сержанта». Мы с Ю. Н. — даже без благодарностей. А после приказа был концерт. О, тут уж меня отблагодарили. Я еще не выходил на авансцену, еще только объявили, что я буду читать Маяковского, а в зале уже звучали аплодисменты. Это ли не благодарность?

7-го вечером разыгрывали лотерею. Было много смеха и подчас нелепых неожиданностей. Макаров выиграл

“автомобиль марки «Победа»” и торжественно пронес его на руке через весь клуб. Славик Амелин выиграл перо и никак не мог понять, за что его так жестоко обманули. (Говорят, что на следующий день он забрался к Макарову домой, увидел там «Победу» и, благо дома никого не было, забрал ее, положив взамен свой неудачный выигрыш.) Людочка Флягина выиграла кожаный ремень с пряжкой и, конечно, отказалась его брать. Гвоздёв страстно желал выиграть что-нибудь для Райки, но ему пришлось довольствоваться карандашами да конвертами. Хотел, правда, выклянчить куколку, но мы не дали: она ведь твоя.

А 8-го после ужина мы наконец смогли отметить праздник. Посидели у собаководов, выпили за тебя, за 42-ю годовщину и за сына Валентины Гагановой.

Сегодня 9-е — знаменательный день. С утра приехавший вместо Янкина Гранкин начал принимать у Гвоздёва дела, а к вечеру его уже вызвали: один солдат, Захаров, спяну подрался с Г. И. Романенко (или — Бараненко?). Шуму много, утихомирились только с отбоем. И — я, пожалуй, закончу. Снова сухо, снова холодно. Но что можно сделать? Времени, как я и предполагал, нет. До обеда — работал, после обеда — тоже, после ужина — тоже плюс кутерьма с Романом. Откуда же взяться теплоте? Всё. Привет всем. Не обижайся.



Сегодня двенадцатое, и я еду, как и два года назад. Куда? В командировку, в Оршу, за Смоленск, за телевизором для части. Еду с Сережкой Шкляром.

Странная вещь — письмо твое ругает, обижается на меня, а мне не стыдно нисколько, настроение какое-то

приподнятое, рад, что хоть на три дня буду предоставлен себе и никому больше. И я не могу сердиться ни на твою обидчивость, ни на свою нетактичность.

Тебе привет от Флягина. Ему было страшно неловко, что он до сих пор тебе не написал. «Сонечка, — говорит, — в нашей семье получила всеобщее признание, и я ей напишу обязательно». Вот так.

От Ильи привет. Он меня поздравил с праздником, а я, свинья, и не подумал даже.

Новый год... Сами не отпустят, а просить не собираюсь. Я предпочитаю, чтобы меня просили. Хватит.

Как у меня дела? «Четвертый позвонок» Юрка прочел, но я предпочитаю «Господ Головлевых», которые никак не хотят лезть в голову. Начал заниматься (если только это можно назвать занятиями). Книг нет, времени — тоже.

Возникла идея силами техвзвода дать небольшой концерт на Новый год, с пьеской. У меня задание — в Смоленске поискать материал. У Юрки — новый командир, Гранкин. Умный, знающий людей и армию. У него есть чему поучиться. Ты как-то писала, что мне неприятно назначение Гришки на мое место. Да, неприятно. Когда один дурак отравляет жизнь полсотне живых людей, это не может быть приятным. Если уж снимать, то назначать надо было Юрку, а не его. По слухам, кто-то из ребят высказался: «А мы Сеньку не ценили». Меня уже встречают вопросом — «Когда ты переходишь назад?» Собираются даже просить об этом на комсомольском собрании. В свое время технари просили Макарова назначить меня вместо Бурылина. Теперь они говорят Макарову: «Вот видите, мы просили Кравца, нам его дали. С массами считаться надо». И сейчас та же история повторяется у стрелков. Недавно я разговаривал

с ребятами, они говорили, чтоб я просил Баштового переехать меня назад. Я ответил, что мне и здесь неплохо. Так Хачатрян, есть такой, сказал: «Тебе там хорошо, мы знаем, но на нас посмотри — нам плохо». Я недоволен Гришкой, и это не ущемленное себялюбие, а вполне заслуженное и им, и Баштовым чувство злости и обиды за людей, за себя тоже. Можно быть слепым, но нельзя носить розовые очки. Солдат Захаров был, правда, пьян, правда, он первым ударил Романа, это всё плохо. Но разве это дает право ударить его пряжкой ремня по голове, нанести рану длиной сантиметров в шесть и потом категорически отрицать это? А ведь этот самый Захаров от меня никаких претензий не имел, я ходатайствовал об его отпуске, и он поехал. А теперь он говорит, что пусть его лучше посадят, чем оставят служить с многоуважаемым Гр. Ивановичем. Так что ж, радоваться этому? Всё, чего я добивался, его глупыми потугами сводится на нет. И этому радоваться? Всё же я стараюсь не подрывать его мероприятий, втайне надеясь, что его всё-таки снимут, и службу ухудшать неліцеприятными для него разговорами не нужно. И этот кретин вчера заявил мне, что он меня не будет пускать во взвод. Ну что ты ему скажешь? Да ладно, ну его.

На следующей неделе предстоит длительная командировка, связанная с новым профилем моей службы. Нужно ликвидировать кое-что из хранимого.

Зима должна пройти быстро.

Юрка и Илья — что с ними делать? Как быть вместе? Иногда мы мечтаем, что живем одной семьей, работаем вместе, наше женское общество представлено Сонечкой, пока одной только ею, но это не мешает нам отличнейше проводить вечера и праздники. Ты согласи-

лась бы на такой "семейный" ужин? Уверяю тебя, от поклонников не было бы отбоя, и все — как на подбор. Да... Мечты, мечты, где ваша сладость... И всё-таки — очень хочется не расставаться. Ведь — отличные друзья, правда? С ними всё просто и легко. Никогда не ждешь неискренности. А Борьку мы взяли бы? Наверное, да. Был бы учетчиком в бригаде! Я шучу, он умеет и работать. Только не авторучкой. Снова не пишет, и очень давно.

Ну, пора и честь знать. Рядом с нами расположилась почта (это рабочий поезд, и почтового вагона здесь нет), сейчас попробую отдать письмо прямо на месте. Скоро Смоленск, через 20 минут.



Итак, я приехал. Телевизор довез, сохранив его непригодность в целости. Жаль, но он не работает.

Был в Смоленске. Там в пединституте учится друг Сережки Шкляра. Зашли мы в институт, потом попали в общежитие, и знаешь, защемило что-то. Завидно стало. Вспомнился техникум, озабоченность курсовыми, лекциями, вся та занятость вспомнилась, которой сейчас, увы, нет. И снова очень захотелось сидеть с тобой вот так в читальном зале студентами, листать, искать, выписывать, считать... Помнишь, мы в Публичке сидели? Сонька, давай учиться, а? Если я, не дай бог, попаду в институт (а ведь это — хорошо, не даром ты этого так хочешь), я себе не прощу, что у меня есть это "хорошо", а у тебя его нет.

В Смоленске были в «Советском соколе». Встретили хорошо. Приветливыми улыбками и стихотворением в свежем номере. Сфотографировали на случай если я соберу стихи для напечатания подборки. Смотрели

«Леночку». Один капитан, который, к моему изумлению, сразу увидел истинную цель рассказа, о которой я еще никому и не говорил, этот капитан сказал, что ему лично рассказ очень понравился, но он боится, что "уставное" начальство не пропустит. Сказал, что нужно, по его мнению, изменить, и обещал попытаться всё же "протолкнуть".

Это всё было там, в командировке. Чувствовал я себя почти превосходно. А за это время здесь произошли кое-какие изменения. Уехали в Эстонию Жорка Захарян, Толик Архипов и злополучный Захаров, а Гришу перевели начальником пожарников вместо Арика. Один парень пошутил — говорит, в день перевода Романенко весь взвод тщательно отмывал руки.

Вместо Гриши теперь — приехавший старший сержант, хороший парень, сам из Черновцов, техник-строитель. И — вот видишь — ему я готов помогать во всём, в чем только смогу. Особенного в нем ничего, просто — хороший парнишка.

Дырночкин собирается устраивать на Новый год чуть не карнавал. Ищет конфетти и серпантин. Кстати, нет ли в Одессе серпантина в магазинах?

Жена Дырночкина изволила осведомиться — «Как Сонечка?» «Хорошо, спасибо». (Хватит с нее?)

Как-то разговорился с Флягиным. Тяжело ему. «Чтобы в службе везло, нужно уметь похлопывать начальство по голенищу, не важно, сержант ты или капитан». И — странная вещь — уважаемые солдатами не уважаются начальством. Ну что ж, второе выгодней, зато первое — много лучше.

А Юрий Николаевич, за которым закрепили прибывших в часть новобранцев, сегодня привел их в столовую по

всем правилам, как не приводил здесь еще своих солдат ни один командир отделения. Все (правда, молча) поразились.

Уехал сегодня в другую часть Сергей Шкляр — ведь на его место приехал лейтенант, врач. С этим врачом просто комедия. Он окончил в Харькове мединститут. Его одели в форму и отправили служить. Сюда. Как-то я зашел в дежурку — он сидит. «Здравия желаю, — говорю, — товарищ лейтенант». Так он знаешь что делает? Встает с топчана, отдает мне честь и отвечает — «Здравия желаю». Молодец, понял службу! А когда приехал и пришел представляться Баштовому, то говорил: «Здравствуйте. Я к вам доктором приехал». И руку тянет для приятельского рукопожатия. Сейчас обтесался немного — сержанту честь отдает. Смешной. Из крайности в крайность.

Купил в Смоленске «Сержант милиции». Для тебя. (Ну уж и сам прочту, если будет время.) Книжный магазин там называется Домом книги. Удобно: книги можно выбирать самому. Даже лесенка в твоём распоряжении. Мне нужно было найти пьеску, поэтому я рылся в основном в отделе драматургии. Очень много хороших пьес, но — большие. Для Химзавода твоего — в самый раз, отличные есть. Для нас же нужны одноактные, да и специфика сужает выбор. На военную тему так ничего и не нашел.



Ты говоришь — ты перестала верить так безгранично, как когда-то, — я это предчувствовал. Как-то, с неделю назад, я говорил с поварихой нашей, Аней. Ну и в разговоре она спросила: «Думаешь, Софья тебе очень уж верит? Как бы она тебя ни знала, а сомнения всё же есть». Обычно

я в таких случаях яростно возражаю, а здесь подумал, что она, пожалуй, права.

Не хочу просить отпуск. Сонечка, пойми меня, я не могу просить. Когда всё было нормально, я, хоть мне очень не хотелось, всё же пошел к Баштовому. Но тогда я шел больше требовать, чем просить: отпуск был мне объявлен раньше. А сейчас я очутился в положении незаслуженно обиженного. Хоть я всегда петушусь, кричу, что меня трудно обидеть, скорей я обижу кого-нибудь, — в жизни получается наоборот, как раз наоборот. Я стараюсь не обижать даже тех, кто заслуживает этого, а меня вот — обидели. И — незаслуженно, уж я-то немножко умею смотреть объективно. И теперь идти к обидчику с просьбой? Я не могу. Пусть ходят к нему те, кого он ценит и уважает. А я постараюсь прожить без его похвалы, но и без подачки. Неужели ты меня не понимаешь? Неужели ты считаешь, что не должно во мне быть ни гордости, ни достоинства? Разве я сам не хочу приехать? Разве я и сейчас не стараюсь сделать всё, чтобы получить отпуск? Но даже если я не смогу поехать — не упрекай меня. Согласись, что унижению нет оправдания.

Сонечка, родная моя, ты всегда хотела видеть меня достойным, уважаемым. Почему же сейчас ты хочешь заставить меня перестать уважать самого себя? Служба есть служба, от нее можно ждать всего. Могут и отпустить «31 декабря (1960 г.) после вечерней поверки», могут оставить на год, может и война начаться. Ко всему этому приходится быть готовыми. Так будь же мужчиной, Сонечка. Ну?

Я пишу сейчас письмо и совсем не представляю себе тебя. Кажется, ты была здесь давно-давно, очень давно. А всё здесь о тебе напоминает. И место, где мы с тобой

расставались, когда ребята играли в футбол, а я уходил во взвод — на ужин, и дорога с железобетонными столбами, до которых мы дошли, когда гуляли, и Юркина гитара, и курилка, где ты меня ждала, и тропинка мимо бани, по которой мы бежали, взявшись за руки, и танцплощадка, сейчас пустая, где я от тебя первую «четверку» получил, и Дудкин, всё интересующийся, почему ты о нем у Эммы спрашивала, и Баштовой, и всё, всё.

Уже три часа ночи. Я сегодня дежурю по кухне, и меня подымут в шесть утра. Галюзин — дежурный по части, и не дает мне покоя. Вот и сейчас, стоит и вспоминает, когда он повесил в казарме градусник — утром или перед обедом. А я так безнадежно далек от его градусников, что хочется просто послать его ко всем чертям.

Ну, Соник, я закончу. Мне так не хочется тебя обижать, что я просто не знаю, как правильней сказать «до свидания». Не сердись на своего далекого супруга.

СНЕЖИНКА

Как хорошо! Сыплет мягкий снежок,
Вьется лыжня сквозь притихший лесок...
Смотришь на руку — и радуется взор
Легкой снежинки чудесный узор.

Чудо-снежинка! Ведь, что и сказать,
Диво, и только, — такое создать.
И, восхищенный, стою и молчу,
Словно надолго запомнить хочу.

Вдруг, лишь коснувшись, дыхание мое
В каплю воды превратило ее.
Дрогнуло что-то в душе глубоко...
Трудно создать. А сгубить — как легко!

/С. Кравец/



Доброе утро, Соник! Кажется, сегодня 22-е. Или 23-е? Понедельник сегодня. А впрочем — какая разница? Главное, что утро сегодня — доброе. Морозец не очень крепкий, но чувствуется. Светит солнышко, да и люди пока не хмурятся. Не знаю только, как Софья — хмурится или довольна?

Сижу в столовой (я сегодня снова дежурным по кухне), а из репродуктора — Маяковский, «Что такое хорошо и что такое плохо». И я думаю — почти все дети, перестав быть детьми, убеждены, что их воспитывали неправильно, и мечтают своих детей учить жить иначе, лучше.

В субботу я, не успев ни побриться, ни даже сапоги почистить, покатил в Дубровку. Зашел в редакцию, к Павлу Владимировичу. Нашли мне там номера газеты со стихами моими (я вырезки пошлю), двумя, а посылал я еще и третье, твое. Я спросил о нем, и П. В. пошел со мной к «пишущему стихи» некоему Алексееву. Там сидел еще кто-то, и мы троим принялись обсуждать стихи — это и еще одно, последнее, «С 1917-го...». Интересно было! Кое-что — правильно говорили. Но придрались, например, к слову «суммёнка» — есть ли такое в русском языке?! Начали было читать лекцию о диалектизмах, но потом вынуждены были согласиться, что как раз это — никак не диалектизм. Потом — якобы изменять слова можно только для гиперболизации. Убедить их не сумел, хотя чувствую, что я прав. Сменил его на «деньжонок». В набор приняли. Что со вторым будет — не знаю. Странное у меня вдохновение. Оно может появляться в разное время, но после напечатания чего-нибудь — появляется обязательно. Вот и сейчас — хочу написать о первом глобусе Луны.

А еще хочу начать, наконец, заниматься. Флягин говорил, что у него должны быть учебники старшей дочери. Нужно зайти. Вчера, в ожидании Юрки из увольнения, занялся английским по книжке, что дала мне Лариса Баштовая. Первый урок и беседу по нему читаю бегло и — с соответствующей интонацией.

Возможно, на следующей неделе уедем — месяца на два. Там времени будет достаточно, были бы книги. Математика (вся) и физика есть у Кости, английский вот только нужно, историю и русский с литературой. Жаль, не успел в Дубровке зайти в библиотеку. И знаешь почему не успел? Был в редакции — зашел туда Аркадий Хесин. Затащил он меня в свой кабинет в прокуратуре, разругал, что не захожу, посетовал на то, что с тобой не познакомился, и в конце концов показал свой рассказ «Семья Прохоркиных» — из следовательской практики. Хороший, увлекательный рассказ. Пока я его читал, пришла уже наша машина, и мне нужно было ехать. Вот я и не побывал в библиотеке.

Вчера нам с Ю. Н. испортили настроение (вот сейчас вспомнил, и снова, черт бы всё побрал, нехорошо) — нам сообщили, что уже лежит телеграмма о переводе Юрки в другую часть. Конечно, это послужило поводом для горьких раздумий над бутылкой водки, и мы, вместо танцев, просидели вдвоем здесь. Днями надо ждать объявления, и тогда я останусь совсем один.

Вчера вечером смотрели «Отчий дом». Не знаю, объясняется ли это мастерством актеров или просто моей сентиментальной чувствительностью, только у меня несколько раз чуть слезы на глазах не выступали. Таню играла Марченко, и ребята-стрелки, сидевшие рядом со мной, всё старались меня убедить, что она похожа

на тебя. Конечно же, это неправда, но она многим напоминала мне тебя, не внешними чертами, а жестами, взглядами, поступками. Ты смотрела эту картину? Наверное, смотрела. Помнишь ее первое знакомство с речкой? Мне кажется, ты вот так же была бы тронута прелестью утренней реки, так же вся обрадовалась бы красоте и свежести.

Вот я пишу, а по столовой летает воробышек. Как он сюда попал, одному ему известно. А теперь порхает от окна к окну, но особой тревоги почему-то не обнаруживает. Что ж, пусть живет здесь. Если только он согласится, зимовка его здесь будет и теплой, и сытной. Правда?

Ну вот, кажется, и всё о себе. А как ты? Я же не знаю. Как здоровье твоё? И что ты думаешь обо мне, вот сейчас, сегодня? То, что ты начала меня ревновать, меня обрадовало бы. Если ты ревнуешь, значит, ты не хочешь никому и никак отдать меня, ведь так? Разве это может не обрадовать? Но и — верь. Право, Соник, я заслужил это.

Всё. (Каждый раз, когда я заканчиваю письмо, мне немножко неловко, словно я говорил, говорил с тобой, а потом вдруг посмотрел на часы и ушел по своим делам, оставив тебя одну, снова ожидающую моего возвращения.)



У меня новости вот какие: в среду было отчетно-перевыборное собрание, Баштовой меня поминал (конечно, не хвалил), Гвоздév отозвался о моей работе в бюро не ахти как и он же предложил мою кандидатуру в новый состав бюро. Избрали. И вчера на заседании бюро выбрали заместителем секретаря и ответственным за политмассовый сектор.

Набрал уже много книг, у Флягина, у Макарова. Завтра, наверное, уеду в командировку, к ребятам. Дырночкин не хотел отпускать, но мы обещали подготовить своими силами небольшой концерт на 1 января. Отпустил. Сегодня нам принесли небольшую пьеску без женских ролей, а это как раз то, что для наших условий крайне нужно, и мы готовы в путь. Но пусть это тебя не смущает: машины будут ходить к нам каждый день, так что почта будет задерживаться не больше чем на один день. Вот и всё о себе. С 1-го начинаю заниматься.

декабрь'59

[СОНЯ]

Получила твое письмо и очень обрадовалась. Очень довольна, что тебя волнует мое долгое молчание. Ведь это я нарочно молчала. Я тебе слала письмо за письмом, а ты не торопился с ответом. А я переживала. Теперь можешь убедиться, как хорошо задерживать ответы.

Рыбка! Поздравляю с избранием в бюро. А твою супругу вызвали на бюро за то, что не посещает комсомольские собрания и занятия политучебы. Отругали хорошенько, но ничего, в следующий раз на собрание приду. А политучебой всё равно заниматься не буду.

С 1-го января открываются курсы английского языка, так что времени останется в обрез.

Сеня! Желаю тебе успеха в занятиях. Только, Сенечка, добейся, чтобы тебя отпустили поступать в институт. Выигрыш свой я получила, большое спасибо. Я уже всем похвасталась. Уже некоторые даже смеялись, мол,

своей не смог сделать, так прислал куколку. Но ничего, рыбка, мы еще докажем, на что способны, правда?



Получила одно за другим два письма. Очень рассержена твоим первым. Что значит пить самогон, даже в глухой деревне? Если такое будет продолжаться, то ученье твое не сдвинется с места. Ты готовься. Я надеюсь, что тебя отпустят в институт. Я уже считаю, сколько остается до твоего приезда.

Я почему-то уверена, что тебя в отпуск не отпустят, так что пусть тебе не снится. Впрочем, ты сам не добиваешься.

Стихи я показывала Ашоту. Он сказал, что со мной говорить — всё равно, что объясняться через глухонемого с человеком другой национальности. Вот мнение о моих познаниях в области литературы. Он сказал, что когда ты приедешь, будет с тобой разговаривать сам.

У нас в доме всё в порядке. Я чувствую себя неважно. Вероятно, опять бронхит. Простуживаюсь страшно. Стала очень слабой, наверное, худоба сказывается. Теперь, действительно, один нос остался.

У нас сейчас холодно, вчера было минус 12 град и снегу много, как никогда.

Никак не могу сосредоточиться. Ляля пришла в плохом настроении и ругается без конца. Хотя бы ты скорее приехал. Мне надоела эта жизнь. Одна и одна. Сейчас ухожу на работу. Сегодня с 7 часов вечера до 1 ч ночи. Так что приду домой в два часа. Очень страшно и холодно. Даже у нас дома в этом году хо-

лодно. Сижу, а у самой ноги окоченели. Топит сейчас Майя, я только чищу плиту. Вот так и живем.

Сейчас кончаю «Хмурое утро». Очень нравится образ Телегина. Мне он чем-то напоминает тебя.

Смотрела «Фома Гордеев», картина хорошо поставлена, и игра хорошая. Хочу пойти на «Римские каникулы» — говорят, очень хороший фильм, но там большие очереди.



Как много мне надо написать тебе, но заранее предупреждаю, что чернил в ручке мало, так что придется продолжать либо карандашом, либо другими чернилами. Ты простишь меня?

Теперь одна забота, чтобы не забыть тебе всего написать. Ну, начнем по порядку.

Была у Светушки. У нее дела с Жоркой совсем плохи. Читала письмо, адресованное Светушке, от жены одного курсанта. Она пишет, что Жорка ведет себя возмутительно. Связался с какими-то девицами, там пил, ночевал, и его еле притащили в 10 ч утра пьяного в училище. Сейчас он сидит на гауптвахте. Дело пахнет исключением. И в Киеве он, оказывается, не ночевал в части ни разу. А Светушке ни одного письма не написал, даже ребенку игрушечки не привез. Такой разве может быть отцом?

Рыбка, а Светушка такая хорошая, интересная, правда? Ведь он недостойн ее! Славик чудный мальчишка. Ты знаешь, у меня чувство к нему, как к родному. Да и он мне улыбается, будущей крестной маме.

Видела Надю с Вовой, вытащили меня немного погулять. А мне все-таки нравится, как они живут.

Смотрела «Марицу» и вспомнила тот вечер, помнишь? Гора окурков в пепельнице, гитара в руках, и ты лежишь на диване. Глупые мы с тобой, правда? Ведь любим же, так зачем характер выдерживать?

Вчера смотрела «Барабанщицу». Чудесная вещь и игра прекрасная. Рыбка, когда уже наступит время, что мы сможем вдвоем ходить?

Была у мамы сегодня. Смотрела по телевизору «Отважное сердце». Это тоже самодеятельность, но у нас гораздо лучше, я довольна. Теперь часто, когда вечерами свободна, бываю у мамы. У них новый телевизор, «Знамя-58». Большой экран и хорошая видимость.

Был Борис у нас. Ему, как всегда, не везет. Три пальца обжег железом. Но говорит, что работой доволен и коллективом тоже. Это уже удивительно, правда? Бора — и вдруг доволен. Он обещал тебе написать.

Милый, ты такой романтик! А заниматься я тебе не мешаю, не ищи лазеек, я сижу рядом и читаю какую-нибудь интересную книгу. Сижу так тихо, что едва слышно мое дыхание. Ты согласен? Родной мой! Почему я такая гордая дура? Ведь ты мне муж, а я всё еще боюсь показать свою слабость. Хотелось тебе написать большое теплое письмо. Но нет, нельзя. Ведь ответа я еще не получила. Дура, правда? Рыбочка моя! Я люблю тебя и хочу скорее увидеть, слышишь? У тебя скоро день рождения, и как раз письмо придет, то можно поздравлять. Родной мой, любимый,

дорогой! Да разве в письме напишешь то, что можно сказать тебе лично? Поздравляю тебя, желаю тебе быстрейшего окончания службы, поступления в институт и счастья, здоровья и двух детишек — мальчика и девочку. Доволен?

Мне кажется, если бы ты был дома, и я бы сказала тебе, лежа рядом с тобой, тихо, обняв и поцеловав тебя, — поздравляю! — ты бы понял, что я хочу тебе самого светлого, хорошего.

Посылку послали, но не всё положили. Мама очень сокрушалась, фактически поместилось бы больше, но юридически запрещается больше десяти килограммов. Вот так. Напишешь, как дошла посылка, как сохранились мандарины и яблоки.

Ну, рыбка, уже поздно. А ручка оказалась умницей. Уже, правда, выдыхается, но ничего, закончу.

Р. S. Напиши адрес и отчество Флягина. Хочу на Новый год послать поздравительную открытку. Только ты, конечно, спроси дипломатично, чтобы не знали, что это я спрашиваю.

[СЕНЯ]

Сонечка, вот уже второй день я живу в глухой деревне, удовлетворяясь живописными видами оврагов и ёлочек и обществом достаточно ограниченных в своем развитии хозяина и хозяйки. Я пьян — ты это чувствуешь по почерку? — это я пошел с Гвоздёвым “по делам”. С ним я — первый день. “Дела” закончились тремя стаканами самогонки и — «товарищ старший лейтенант, нам пора». И вот — я дома.

С сегодняшнего дня я должен был начать заниматься. Но если каждый вечер будет проходить вот так, то занятия вряд ли будут. Сегодня, прямо говоря, пьянка, завтра — кино, послезавтра еще что-нибудь. Но — дудки, я больше не поддамся таким настолько авантюрным “делам”. Хватит. С меня достаточно, что я сегодня сквозь туман слышу приемник. Больше не надо.

Здесь тяжело, но над головой нет никого. Гвоздѐв — он оригинален, ты же видишь. А больше ведь — никого?! Отлично!

Сегодня получил газетку с моим изображением и стихами.



Наконец, получил от тебя письмо. Очень рад, и всё же не покидает ощущение, что что-то произошло, что-то тебя до сих пор тревожит, что-то заставило тебя написать письмо 25-го, не закончить его и отправить лишь 28-го. Я не обманываюсь? Если — да, то скорее разубеди меня. Ладно?

Почему мы в командировке? Мы отправляем на тот свет наши игрушки. Кто-то ведь должен это делать? Нас, сама понимаешь, навещают ежедневно.

Чувствую себя в общем неплохо, работа по душе, и целый день — в лесу. Сейчас вот только — неважно: схватило живот. Поменялся режим, от этого, наверное, и все беды.

С тем, что ты начнешь кушать лишь по моему приезду, я, конечно, не согласен ни в какую. Учти, сегодня я прошел свою недельную программу по литературе и алгебре. Долг платежом красен. Кушай! Понятно? Выполняйте, товарищ гвардии ефрейтор. Всё.

«С 1917 года...» напечатали и в Дубровке. Напечатали так, как было написано у меня, чем я доволен (это редкое явление).



Мне почему-то кажется, что и у вас снега по колено, что ты, как вот я сейчас, надела кучу одежек, только носик один торчит, и хочется сказать тебе «мой медвежонок». А я в самом деле похож на медведя больше, чем когда-либо. На мне ватные брюки, телогрейка, шапка и огромные неуклюжие валенки. Представляешь?

Итак, я сегодня в части. Послезавтра едем к шефам в Дубровку с концертом. А подготовка концерта нашего взвода на 1 января поручена мне и комсомольским бюро тоже. Назад уже не попрушь. Хочу обойтись без конференсье и провести весь концерт как один большой номер — «Взвод отдыхает». Если выйдет так, как задумали, Дырочкин ахнет. Он, кстати, очень не хочет отпускать меня отсюда. Надеялся использовать меня для роли «1959 года» на новогоднем концерте, поручил мне составление сатирических куплетов, да и вообще «активное участие в составлении и оформлении программы». Но я решил — «як бог до нас, так і ми до бога». Пускай сам. А взводное выступление сделать — это пожалуйста.

Вчера встретила меня Нина с газеткой — «Советский сокол». «Видел?» — спрашивает. Приезжал недавно ее дядя, старший техник-лейтенант, когда-то служивший здесь. Он в «Соколе» печатается и сейчас. Говорил, что давно «следит» за мной и хотел бы встретиться. Спрашивал ее, где служу. Интересно, правда? За мной «следят»! Что ж, надо поднимать воротник.

Соник, в моем позавчерашнем письме вырезка из «Голоса колхозника» — постарайся, когда увидишь Ашота, показать ему. Хорошо? Хочется знать, что он скажет.

Чувствую себя занято и плохо. Радуют только редактора да мечты, что меня отпустят учиться и я буду встречать тебя на Киевском вокзале Москвы. Очень плохо сплю, как перед отпуском. Может, это знамение и меня пустят? Если бы... Мы уж вдвоем посмотрели бы на огоньки, пусть даже не из своей квартиры.



Сегодня мне привезли сразу два письма, и оба не-веселые. Ты не кушаешь, ты не следишь за собой — я брошу занятия, учти. Наш уговор не потерял свою силу. Сегодня 14-е, письмо уйдет из части 16-го, у тебя будет 18-го. Ответ придет 22 – 23-го. Так вот, до 23-го я не беру в руки ни одного учебника, а там — в зависимости от твоего письма, от того, станешь ли ты, наконец, обращаться на себя внимание или нет. Вот так. Обжалованию не подлежит.

Холод — это плохо. Что можно посоветовать? Топить, топить и топить (если только не нужно экономить уголь) и на улицу одеваться, изо всех сил плюнув на изящный внешний вид. Это нужно, а значит, и можно. Так что слово за тобой. От одной только чистки плиты теплее не будет. Выше нос, Софее! (Он-то остался, так не надо же его вешать, не затем он оставался.)

Я уже давно не выпивал, за меня бояться не нужно. А институт... Вот что я сегодня из Нефтяного им. Губкина получил: «...Вы можете поступать на заочный факультет только после демобилизации и поступления на работу в нефтяную или газовую промышленность (в сроки,

предусмотренные правилами приема)». Крах, подписанный канд. техн. наук, — обжалованию не подлежит! Но — выше нос! Будем драться. Верно? Жизнь — борьба. Будем же жить.

У меня сегодня, как видишь, тоже настроение не из хороших. И потому я заканчиваю. Ладно?



Сегодня мне вспомнилась мысль Фета, звучащая, кажется, так: «...О, если бы не словом — душою можно было бы сказать!..» Если бы душою можно было сказать! Ты бы увидела меня сегодня необычайно счастливым и беспрестанно улыбающимся. Сонечка! Ты напрасно клеветала на себя. Я уже в который раз убеждаюсь, что ты умеешь так писать, так писать, что хочется... черт знает чего хочется от счастья.

Письмо попало ко мне только сегодня. Мы вернулись домой уже по тёмному, не чувствуя ни рук, ни ног, злые и голодные, грязные и обессиленные — тринадцать часов работы на улице дали о себе знать, — и не умываясь сели за стол. Уже здесь, за столом, жадно хлебая горячий вкуснейший, как мы были единодушно убеждены, Костин суп, я спросил, не было ли сегодня почты (ведь когда приходят машины, нас уже дома нет). Костя спохватывается и приносит целую пачку писем, которую он только сегодня случайно обнаружил в соли (а соль привезли два дня назад). В этой пачке — твоё письмо и телеграммы от папы, Деборы и Эллы. И уже само собой понятно, кто пил чай последним.

Спасибо тебе, моя Жена. Больше ничего по твоему письму писать не буду кроме, разве, того, что отчества Флягина

я не знаю, а спросить отсюда невозможно. Пиши просто на «Вы», а адрес тот же, что и у меня, только — Флягину.

Теперь о себе. Во-первых, огорчу: пока не занимаюсь, жду от тебя вести, что, наконец, кушаешь и следишь за собой. Во-вторых — собрался писать поэму о службе под девизом «Служба — школа жизни».

19-го меня вызвал в часть Дырnochкин. Оказывается, он всё же решил, что кроме меня некому дать роль Старого года на новогоднем балу. Я ему долго возражал, сказал, что в школе неуспевающих учащихся и близко к са-модеятельности не подпускают. Он удивился — «Разве у вас по службе "двойка"?» «Да», — говорю. Говорит: «Ошибаетесь, и скоро убедитесь в этом». Наверное, присвоят к Новому году «сержанта». Разве мне это нужно? В общем, уговорил меня. Слов немного, как-нибудь справлюсь.

19-го же получил по переводу 64 руб. из Дубровки и два извещения — о посылке от тебя и 50 руб. от папы. Завершился день очередной радостью: вечером вернулся из командировки Юрка.

Зато 20-е — день сплошных неприятностей. Началось с того, что обнаружилась пропажа денег (я их по неисправимой доверчивости оставил в телогрейке). Потом я поехал в Сещу за посылкой, но почта не работала. Зашел на телеграф и нашел там телеграммы от тебя и мамы. Но и это почему-то не исправило настроения. Ты представь — здесь, в деревне, ребята, не предполагая моего внезапного вызова в часть, собирались сделать мне приятное — приготовить праздничный обед с жареным целым поросенком (шеф-повар — Костя), а в части — поздравили... кражей. А тут еще Дырnochкин перед дневным сеансом кино спяна решил «от имени

всех» поздравить меня с днем рождения. Аплодисменты и улыбки, конечно, тронули, но от его пьяной физиономии было просто обидно. Было огромное желание нарваться на неприятность. И вечером уговорил Юрку уничтожить две бутылки вина не прячась в канцелярии, а просто за ужином. И — обошлось. Без прятков.

Вечером танцевали. Помнишь Рзаева, своего партнера (я еще не забыл, видишь)? Он сейчас здесь, с нами. Так вот, мне кажется, что благодаря ему в этот вечер я научился (немного) танцевать вальс. Еще несколько уроков, и я выполняю свое обещание.

21-го я уезжал. 20-го еще я успел сочинить для одного хлопца письмо в Президиум Верховного Совета, а 21-го сочинил письмо для себя — в Министерство высшего образования.

Вчера мне привезли посылку. Ребята удивились, увидев, что мои предсказания относительно сухой колбасы и масла сбылись. Мандарины и яблоки сохранились отлично (к вскрытию посылки, не дольше). Печенье понравилось всем. Костя набросился на «Театральные» конфеты — его любимые. Бычки и сардины Юрка предусмотрительно (еще в части) оставил на Новый год. Ребята приготовили пельмени по-сибирски, Костя «взял на себя» организацию тостов. Вечер прошел «в теплой, дружеской обстановке», сладкий стол был шикарный (некоторые впервые в жизни ели мандарины). Хозяева рассыпались в бесконечных благодарностях, я их принял, а теперь отсылаю вместе с «большим спасибо» ребят и своим — в Одессу. Бери, только всё себе не забирай, отдай маме немного. Хорошо?

Получил письмо от Ильи. Он пишет... сейчас, подожди минутку, я процитирую его. «...Передай привет Соне

и мои пожелания хорошо, несмотря на твое отсутствие, встретить Новый год».

Сегодня утром Гвоздѣв привез мне письмо от Деборы. Ее можно поздравить: облсуд развел. Одна страничка жизни перевернута. Я доволен.

Написал новогоднюю песню. К этой субботе должны закончить музыку на нее. Должен получиться вальс. Если хорошо выйдет, я тебе pošлю и слова (их шлифовать еще надо), и ноты.

Вот и всё — слипаются глаза...

январь'60

[СЕНЯ]

С Новым годом! С новым счастьем!

Без печалей, без напастей,

Без нахмуренных бровей,

Опечаленных очей,

Без обид незаслужённых,

Без донѣльзя утомленных

Непосильной тягой рук,

Без неискренних подруг,

Без ветров, что валят с ног,

Без надежд, что даст, мол, бог,

Без болезней, без простуд,

Без людей, что не поймут,

Без страданий, огорчений,

Без унынья, без волнений,

Без тоски неуголимой,

Без жары неуголимой,

Несбывающихся грёз,
Без нужды, без бед, без слез,
А — с улыбкой, щедрой, чистой,
Как сама Весна, цветистой.
С ней встречать беду, молву,
С ней во сне и наяву
Смейся, радуйся и пой!
Поздравляю!
Сенька твой.

[СОНЯ]

Поздравляю тебя, рыбка, и хочу одного: скорее увидеть тебя. Скромное желание, правда? Но, к сожалению, не всё зависит от наших желаний.

Итак, нашей совместной жизни три года. Много, правда? Стаж солидный, а вот вместе были совсем мало. Последнее время каждый день тянется годом. Просто какая-то каторга. Всё время считаю оставшиеся месяцы. Не могу и не хочу жить без тебя, ясно?

Ласточка моя родная! Очень соскучилась, кажется, что уже вечность не видела. Скорее бы кончались наши муки. Пусть господь бог будет к нам добр и отпустит тебя раньше — в июне.

Спасибо тебе за поздравление. Сегодня я и Майя были у мамы, отметили нашу годовщину. Выпили за твоё здоровье, за твой скорый приезд и счастливую долгую жизнь. А Ляля нам пожелала кучу детишек. («Всё равно, — говорит, — сдадите ко мне в ясли на воспитание».)

Спасибо и привет Илье. Но встретить Новый год не удалось. Я работала 31-го с 19 до 1 ч ночи. Правда, в 12 часов мы, то есть вся бригада в семь человек, подняли тост за 1960 год, год новых успехов, здоровья, счастья. Не много выпили, но страшно веселые были — сказалась усталость (было много работы) и голод. Домой я не поехала, потому что боюсь идти в два часа ночи домой. Я ночевала в общежитии у Вики, но она гуляла, так что я пришла, почитала до 2:40 Ремарка «Возвращение» и уснула. Спала очень тревожным, нездоровым сном. За ночь измаялась, а дома возможности отдохнуть не было. 1-го у нас на заводе был бал-маскарад. Но там было страшно скучно. После бала прямо на ночную, так что твоя Софья совсем замучилась.

Теперь мне всегда придется ночевать в общежитии, пока ты не вернешься. Со мной произошел страшный инцидент. Меня остановили и хотели раздеть. Я до сих пор успокоиться не могу, а с сердцем еще хуже стало. Рыбка, я стала кушать и смотреть за собой. Но для поправки моей нужен, наверное, ты. Оттого что тебя нет рядом, я и сохну. Понятно?

Ты видишь, сколько я ошибок наделала? Всё ночь виновата и шампанское. Но по такому случаю нельзя не выпить.

Рыбонька, кончаю. Спокойной ночи, мой родной, мой близкий и любимый человек.

[СЕНЯ]

Позавчера московские куранты впустили нас в 60-й год, сегодня, через минуты, начнется наш Четвертый год. Пусть

же он улыбается нам. Да? Да? Скажи, Соник, ответь, скорее, хоть словечко, хоть полслова, слышишь? Я хочу слышать тебя, видеть тебя, где ты? Что ты сейчас делаешь? Думаешь ли ты сейчас в эти 23 ч 50 минут о своем Сеньке?

Соник, родная! Я люблю тебя. Слышишь? Когда мы вместе, мы ссоримся — глупые и совсем еще детишки. Когда же тебя нет со мной — я не каюсь, что мы ругались, нет; я не хочу быть взрослым и “солидным” мужем; мне больше по душе “встречаться”. Но не могу простить себе, что я мог молча танцевать с тобой. Сколько драгоценного времени потрачено! Сколько можно было и нужно было сказать!

Мы вернулись сюда 29-го, еще в прошлом году. Трудная и опасная задача выполнена блестяще. И не только эта. Семён Кравец имеет честь доложить: задание комсомольского бюро тоже выполнено и тоже блестяще. То есть вчера нашими мизерными силами был дан в местном “дворце” праздничный концерт. Отзывы: «лучше, чем новогодний бал-концерт». Отлично! Дырочкин не ожидал (ведь нас даже не проверили). Баштовой после первого отделения приказал нам построиться на сцене, раскрыл занавес и поблагодарил «от имени мене и месткома» нас и в первую голову Галюзина. Последний (надо отдать справедливость его честной скромности, он ведь и руки не приложил к концерту) громогласно объявил “именинником” меня, чем все, и Энкин с Ю. Н. в первую очередь, были весьма довольны (они очень болезненно восприняли “славу” Галюзина). После первого отделения, которое закончилось песней о тревожной молодости (из «По ту сторону»), в которой и я, грешный, проявил “голос”, начались танцы. Мы же в это время готовили самый потрясающий сюрприз — пьеску. Время действия — 20-й год,

место действия — интервентский концлагерь на Севере. Гримировал Хаям, загримировал хорошо. Представь волнения “режиссера”: готовились в деревне после работы (а она была не из легких) и в санях по дороге на работу и оттуда. Разводки по-настоящему не было ни разу (приехали-то слишком поздно). Но эффект превзошел все ожидания. Одним словом — успех. Самые главные критики — девушки-шефы из Дубровки, участницы новогоднего “бала” — отзывались “положительно”. Их “авторитетное” мнение разделили и остальные. Сам я тоже доволен, потому что половина участников впервые в жизни на сцене. В общем, вчерашним днем я очень доволен.

Зато сегодня у нас с Юркой чуть не траур. Сегодня он сменялся с дежурства, и мы с ним собирались навестить дубровских юристов. Но мой Галюзин с утра “обрадовал” меня: я нужен здесь, с людьми. Юра решил отправиться один. (У него, видишь ли, любовь. Да-да, серьезно. Маленькая хрупкая девочка, ей 16 лет, она учится. Юрка тупит, что она понравилась ему лишь потому, что напоминает тебя.) Я ему дал поручение — отправить тебе телеграмму, тем более что его Тонечка нисколько не обиделась бы за этот непредвиденный расход времени. (Даже наоборот, она очень много слышала от него о нас с тобой и смотрит уважающими глазами.) Так вот, Юре уйти не удалось. Хаям, твой уважаемый партнер, начудил, и увольнениям — крест. Мы с Юрой психовали, потом решили успокоиться шахматами, я получил мат, и мы пошли «нарушать распорядок дня» — спать. Телеграмму пришлось отправлять по телефону, упробив телеграфистку с расчетом подождать до завтра.

Баштовой вчера был под хмельком, мы с Юркой стояли с ним около часа и беседовали «как человек с человеком». Мной он доволен, Юркой — нет. Хорошо и — плохо.

Дырночкин, поздравляя меня с Новым годом, пожелал «успехов в службе, скорой демобилизации и успешной сдачи экзаменов в институт»! Во как! Это уже недурно звучит. Правда?

Баштовой вчера днем сыграл что-то на баяне, потом пошутил: «Мне же не платят, чего же я играть буду». Я тоже пошутил: «Может, шапку по кругу пустить?» «Я, — говорит, — не нуждаюсь пока». Задело, кажется. Вот чудак! Шуток не понимает!

На Новый год получил открытку из Дубровки, из редакции. Удивился. Чуткие какие! Пока я был в командировке, Юрка получил перевод из «Сокола» — первый свыше 100 руб. — 111.

Ну вот уже и третье. Дождался из увольнения всех, все вернулись вовремя. Пошел уже второй час, разменялся четвертый год. Мы уже с тобой, Софеея, со стажем. Нам уже полных три годика.

Жорке я послал поздравительное письмецо, Борьке тоже. Наштамповал наспех штук восемь сразу. И Илью поздравил, и Аркадия с семьей, и даже Ваню Поволаки, не забыла его? Проявил, так сказать, повышенную чуткость. А вот для большого письма тебе времени не нашел. В нашем распоряжении было всего полтора дня — 30-го и 31-го. К шести часам мы уже были в Дубровке (сначала давали там новогодний концерт), и я побрился перед самым отъездом туда. Ведь за эти полтора дня пришлось быть чуть ли не концертмейстером. И пение, и чтение, и танец, и муз. сопровождение. По всему надо сказать веское и окончательное слово. Ребята просто молодцы. Костя играл американского полковника контрразведки, забыл папку с бумагами, но нашелся и вышел из кризиса успешно. В общем — отлично. Но это «отлично» стоило

письма тебе. Представляю, как хорошо получить письмо на Новый год. Увы... Но — молод, исправлюсь. Добро? Не сердисься?



После обеда прилег отдохнуть, проснулся в шесть, а твое письмо лежит рядышком и молчит, словно меня жалеет, не хочет будить.

Пишу письмо и улыбаюсь. Сколько раз со мной такое состояние тихой радости, когда я читаю твои письма! В них столько тепла, столько чувства, столько милой непосредственности и смешной деловитости, серьезности. Нелегко всё же быть большой и самостоятельной, правда? Но — интересно. Ты часто говоришь, что мы с тобой — разные люди, верно? А так ли оно? Вот нам нелегко, и одно это — нравится и тебе, и мне. Хорошо! А ты говоришь — разные.

Только что заходил сюда Энкин, и мы с ним говорили, что последний год тяжел не только для нас. Как ты точно выразилась — «каторга». Поистине каторга. Каждый день тянется вечностью. Меня круглосуточно клонит ко сну: я не высыпаюсь. Днем ли, ночью ли — сон нейдет.

Долго ли еще? Кто знает... Не хочу заранее настраивать тебя, но может случиться и так, что всё это кончится значительно раньше, чем мы с тобой предполагаем. Кто знает...

Как получилось, что тебя хотели раздеть? Я как прочел, мне сразу вспомнилась Даша Телегина и “попрыгунчики”. Наверное, это должно быть очень страшно. Такие вещи редки, но раз они еще бывают, профилактика нужна. Черт возьми, до каких пор подлецы и негодяи будут портить жизнь честному человеку? Страх перед войной уже

ощутимо тает, а вот страх перед такими “мирными” случайностями пока не уходит. Тут поневоле начнешь симпатизировать народным дружинам — настоящим, конечно. Вчера смотрел (уже в который раз!) «Гори, моя звезда». Если я не ошибаюсь, когда я ее впервые посмотрел, я тебе написал. Вот и вчера она снова меня потрясла. Потом зашел к Флягину, он дежурил. Конечно, снова заговорили о картине, о фильмах вообще, о любви, семье, о китайских и наших нравах. И я, конечно, ничего тебе не успел написать: разговор кончился за полночь.

Здесь все только и говорят, что о новогоднем концерте. Шефы же наши воспылали к нам горячими чувствами, беспокоятся, не собираемся ли мы порывать с ними “творческую” связь.

Итак, моя бесценная миледи, Вы начали кушать и смотреть за собой. Прекрасно! Уговор дороже денег — я принимаюсь за учебу.

Юрий Николаевич основательно вскружил голову своей “даме сердца”. Наивная девочка, она, по-видимому, считает себя большим дипломатом, искусно скрывающим свои мысли. Вчера она передала ему — несмотря на прочную уверенность в том, что между ними ничего быть не может, что она чуть ли не равнодушна к нему, несмотря на это она всё же просит к ее дню рождения прислать его фотокарточку. Она привязалась к нему, как привязываются к добрым и сильным людям маленькие дети. Я советую Юрке кончать эту историю, мне просто жалко эту девочку, ей ведь всего 16 лет. Он гуманен, Юрка, но с окончательным решением все же медлит. Уж не жениться ли вздумал? Она так верит ему! Это ведь ко многому обязывает.

Вчера получил письмо от Ильи. Он настроен очень оптимистично, хотя и приходится ему сейчас против воли командовать взводом. Последний год! Он заставил Илью употребить в письме небывалое до сих пор количество восклицательных знаков. «Наш год!» Есть чему радоваться. Остались считанные “бани”.

Сегодня долго думали и гадали, где найти зубило — рубить на куске рельса толстую проволоку. А душа у меня всё-таки, хоть чуть-чуть, арматурная, и я всю проволоку порубил, как в Одессе, топором. Вспомнилась бригада Аркадия, и зачесались руки по ощущению силы и очевидной полезности.

Наверное, закончу.

Жду не дождусь часа, когда смогу предстать перед тобой во всей красе своих романтических замыслов.



Мне хочется написать тебе тепло, бодро, весело, но на душе тихая грусть, и насиловать себя я не хочу. Бывали, даже сегодня, минуты безнадежного отчаяния, когда в бессильной ярости хоть стёкла бей. Но сейчас ночь, вокруг тихо, эта пустынная тишина даже шумит в ушах.

Вчера мы с Манком (помнишь, я писал о нем, он сейчас помкомвзвода) были в увольнении в Дубровке. Посидели в библиотеке, выписали материалы последних пленумов, потом сфотографировались на документы в институт. А пришел я домой и под подушкой нашел от тебя письмо. Знаешь, сколько я его ждал? Вечность!

Соник, Сонечка, дорогая моя, прошу тебя, держи себя в руках. Впереди еще долгое ожидание — крепись и не растрачивай силы. Хотя — что я говорю? Разве это зависит от тебя? Ведь и я тоже не лучше. Вчера вот лег

во втором часу, а в четыре уже проснулся. Разве здесь что-нибудь поможет? Получил твое письмо, разгордился, доволен, обрадован и — ругаюсь — когда, когда кончится эта служба?!

Купила «Тишину»... Да, она мне нравится, но не больше той, другой, старой «Тишины», помнишь? «...хорошо нам стоять у окна в тишине тополей...»

Сударыня, как Вы можете писать мне сейчас о каких-то шефах? Сейчас! Еще немного — и я рассержусь. Нет, честное слово, это ты зря. А вот то, что я «не красавец», это тебе даром не пройдет. Вот новости! Первый раз слышу! Я — и не красавец! Да Вы что, миледи? Нет, я всё же чувствую, что мне придется обнажить свою шпагу и поразить Ваше жестокое насмешливое сердечко, придется.

А я дня через два поступаю в полное распоряжение могучего и властного хозяина — партии. Благослови меня и — будь готова ко всему. Муж твой, я должен заметить, очень хочет, чтобы ты им гордилась. Всегда. Во всём. Из всех предметов, которые я должен “изучить”, на этот период остается в силе Устав и История КПСС.

Рекомендуют меня Гвоздёв и Баштовой. Солидно, верно ведь? С последним я недавно разговаривал и остался очень доволен: выцыганил у него отпуск для Юрки. Завтра-послезавтра Ю. Н. уедет. Я рад.

Лучшая по профессии! Гордая скромница моя! А «большой красный язык» — он и меня потешил. Ну и ну, Софья, здорово тебя! Какая же будет теперь “степень голосистости”?

Здесь много новостей, в основном неплохих. Ты знакома с законом о сокращении армии на миллион двести тысяч? Ты обратила внимание, о каком роде войск идет

преимущественно речь? Ты знаешь, как и почему я уехал из Моздока. Помнишь? Теперь это повторяется, но уже здесь. Поэтому работы, сама понимаешь, очень много, но она нас только радует. Галюзин, первая птичка, в этом месяце переезжает на новое место службы. Вся эта обстановка тоже о чем-то говорит. Всё возможно в этом мире подлунном. Будем готовы к худшему и надеяться на лучшее.

Об одном еще раз прошу тебя: возьми себя в руки и не расстраивайся. Всему приходит конец, и разлуки тоже подчиняются этому закону.

До свидания, хорошая моя! Привет тебе от Ю. Н., от Кости, Ильи, Витьки (откликнулся все-таки, вихрастый художник), от многих ребят, от Флягиных.



Сижу на койке, улыбаюсь и пишу тебе. Во-первых, почему улыбаюсь. Сегодня, только что, состоялось комсомольское бюро. Мне дали рекомендацию в партию и были очень довольны, что делают мне хорошее. Во всяком случае, я прочел в сияющих лицах именно это. И еще одно важное событие произошло на днях у нас, и его отголоски были и на бюро. Несколько дней назад Григорий Иванович был серьезно предупрежден относительно самоволока. И — снова ушел. Только вернулся, а через несколько часов — пожар. Небольшой, его быстро потушили. Я тоже немного повоевал. Во время тушения пожара выяснилось, как Г. И. командует. В общем, результат таков: Гришу сняли с должности и посадили на 10 суток. Сегодня разбирали на бюро. Объявили выговор. Ты себе представить не можешь, что делается в части. Пожарники

ходят именинниками, их все поздравляют. Гриша отсидивает свою гауптвахту на месте, у нас, и все делают всё, чтобы эти десять суток запомнились ему надолго. Я каждый вечер передаю ему привет. Пока молчит, но думаю, его должно взбесить такое “участие”. Вот ведь как бывает. Наказало командование, а наказывают практически ребята. Ребята же умеют наказывать. Так, как он сидит, не сидел еще никто. Я сегодня на бюро нашел самое, пожалуй, точное определение ему: шкурник. Во всех, в любых отношениях. В служебных он дошел до того, что ради упрочения своего положения оклеветал Арика и Хаяма в надежде снискать расположение уязвленного Баштового. Номер, правда, не прошел, как проходили прежние доносы. В личных отношениях с Ниной (там, правда, темный лес) — знаю, что испортить ее и без того подмоченную репутацию ему труда не составляет абсолютно. Ну разве не шкурник? Всё для себя, любыми, пусть даже низкими, путями. О, как я доволен, что он попал в положение, когда справедливый гнев ребят может быть легальным, спрятавшись за гнев начальства.

Ты, Софья, думала, что я стал зол на него, когда его поставили на мое место. Да? А что же сказать об остальных? Ты понимаешь, нет в части человека, который не презирал бы его, не смеялся бы ему в глаза и... не побаивался его. Нет! Ему ни верить, ни надеяться на него — никак нельзя. Если только ему будет выгодно — он обманет, он подведет, он сделает подлость. Шкурник! Но — бог с ним. Собаке — собачья участь. Пусть сидит в конуре и брешет на людей.

Вчера работали ожесточенно и допоздна. В вагонах полы мокрые, валенки и портянки промокли насквозь, рукавицы тоже холодят мокретью. Но настроение — именно

бодрое. Черт возьми, все-таки как приятно чувствовать, что работа идет нормально, хотя она и трудна. Больше того — приятно уже потому, что она трудна. Как мы шутим с Костей, «приятно чувствовать себя мужчиной».

Юрия Николаевича все еще не отпускают. Виноват этот пожар. Гранкину немного нагорело, и ему неловко идти с рапортом. Юрочка повесил нос и «Сороконожку» давно не играет. Сегодня мы с ним направились в магазин, вдвоем, что в последнее время бывает редко. Надежда Ивановна встретила нас улыбкой и замечанием, что «один будет брать папиросы (это я), а второй — конфеты» (это, конечно, Юрка). Так оно и получилось. Взяли папиросы (курим сейчас только «Беломор», а это значит, что мы уже никому не должны) и «Петушиные гребешки», которые Юрке полюбились несказанно. Собственно, и я от него не отстаю. Вот.

А после ужина было собрание. На меня взвалили председательство. Я говорю «взвалили» потому, что оно для меня сегодня закончилось не совсем приятно. Хаяма оставили в комсомоле, а нужно было исключать. Я вел собрание объективно и дал возможность высказаться и обвинителям, и адвокатам. И вот теперь Энкин и новый лейтенант-медик, питающие личную неприязнь к Рзаеву, склонны обвинить меня в том, что я якобы так повел собрание, чтобы решение было именно таким. Ну что ты им скажешь! По их мнению, нужно было затыкать рот (что они и пытались делать своими репликами) всем, кто не был согласен с предложением исключить.

Уже около часа, а может, и час. Звонил только что Юрке — он сочиняет письмо своей возлюбленной: занят. Минуты три передавал мне по телефону содержание ее письма.

Итак, еще один день прошел. А это значит — всё ближе к тебе. Да? Да, конечно. Хочется произнести такой монолог: «Дни-денёчки! Пожалуйста, летите поскорей! Я вас очень, очень прошу! И Софья тоже. Пожалуйста! Ладно?..» Смешной я.

Сегодня Нина, удивляясь моему спокойствию во время собрания и после него, не удержалась от замечания, что «твоя Сонечка счастливая». Да, Софья? Ты счастливая?



Хорошая, суровая судьба у твоих писем ко мне. Конверты, надписанные твоей всегда аккуратной рученькой, вскрываются в такой разной и необычной обстановке, что они могут просто гордиться перед своими собратьями. Сегодня твое письмо застало меня грязным и — от снега и пота — мокрым, с ломом в руках под нависающими над самой головой стропилами разобранной крыши. Я отошел в сторонку, бросив лом и с трудом ставив с рук мокрые, ставшие тесными, рукавицы. Где уж только не находили меня твои письма! Везде находили и согревали.

А вот сегодня я злой. И напишу тебе и мало, и сухо. Злой. Понимаешь?

Ну, начну с начала. Юркин отпуск... Да, он уже уехал. Позавчера. На семь суток с дорогой. В Шостку, на Украину. Моим поездом. Он. Не я. Почему не я? Я не могу поехать в отпуск в Одессу. Куда угодно, только не в Одессу. Почему? Такая обстановка. Такой ответ, конечно, ничего не объясняет, но — всё же поверь, что это действительно так. В Ташкент Юрка не поехал бы. А в Шостку поехал. С этим вопросом, я думаю, всё.

Скоро ли это кончится... Не знаю, но думаю, что к Маю буду дома. Пока это только предположения, не больше. Вот и кончать пора. Ну что с тобой делать, моя неисправимая модница? До свидания. И помни, что твои волосы — не только твои. Они мои тоже. И, пожалуйста, не распоряжайся там без меня.

P. S. Ты помнишь рассказ О'Генри «Дары волхвов»? Там тоже были срезаны роскошные волосы. Но зачем?! Там это было простительно!



Поздравь меня — сегодня меня приняли кандидатом в члены партии. Было немногочисленное собрание, в пустой тишине я рассказывал свою биографию, сказал, что «в 1957 году женился»...

О чем писать и как писать? После кино — сегодня показывали «Высоту» — накинул техническую куртку, вышел на улицу. Ходил, ходил, песни пел, смеялся, — погода мягкая, снежок мелкий сыплет, а я без шапки — хорошо! И знаешь, никак не мог сесть за письмо. Пошел было к себе, и чувствую — ну не могу еще писать, пошел в стрелковый взвод к ребятам. Оттуда уже — решился.

Понимаешь, Софья, вопрос очень серьезный — партия. Я это во время собрания почувствовал. Ведь надо будет сидеть рядом со взрослыми, уже поседевшими людьми и вместе с ними обсуждать, решать, думать. Они жизнь прошли, а я — что? Мальчишка! А ведь надо будет всегда быть лучше и чище других, чтоб не сказали — деляга, мол, в партию пролез, а душа гнилая. Понимаешь? (Ты не обижайся, Софья, что я так часто употребляю «пони-

маешь?». Я знаю, что ты понимаешь, но так вырывается, “для связки слов”.)

Когда я к собранию готовился, переложил в карман гимнастерки комсомольский билет с твоими фотокарточками. Подумал: а вдруг скажут — показать билет? И увидят тебя? Что скажут тогда? А потом подумал — не буду вынимать. Пускай лежат.

Софее! Ну вот ничего не хочу сказать кроме — Софее! Почему, когда мне хорошо, ты всегда рядом, даже не рядом, а во мне? Когда плохо, тебя иногда не бывает, а вот когда хорошо — всегда есть. Почему? Знаешь? Скажи тогда.

Дела у нас прежние — работаем. Юра еще не приехал, его подопечные “молодые” ждут его бог знает как. Вот только что мне говорили с такой радостью: «Мальцев в понедельник приезжает, уже недолго». Видишь? А у девочки его (я даже не могу написать «девушка», такая она... девочка еще), оказывается, плохи дела. Эля (помнишь ее?) получила от нее письмо, большое, сумбурное и тяжелое (оно у меня, я привезу). Она дома одна, с братишкой. Денег нет. Мать — гуляет. Отец с горя запил и ушел из дому. Встретил свою дочь на улице и сказал, что не вернется домой, пока мать не уйдет из дому навсегда. Представь состояние девчонки. Ей скоро будет семнадцать лет, она учится в восьмом классе. Чем ей помочь, ума не приложу. Не знаю, был ли у нее Юрка по дороге в Брянск. Если завтра дадут увольнение, наверное, схожу к ней, хоть подбодрю. Когда же кончится это безнаказанное калечение человеческих душ?

Соник, ты помнишь Вахтанга? Симпатичный такой парень с красивыми глазами, танцевал грузинский танец. Я тебе еще говорил, что он женат, помнишь? Так вот, он уже

давным-давно побывал в отпуске, а я только вчера узнал, что он уже... холост. Я аж расстроился. Он так хорошо о ней говорил — «моя Дада»... А она там, с благословения своей мачехи, сблизилась на курорте с одним парнем, который оставил ее, узнав, что она... женщина. Вахтангу ничего не писали, он узнал лишь по приезде домой. Ну а кавказские законы суровы, он ее прогнал. Его же хотели после этого убить. Суровые законы, законы чести и крови — меры высшей справедливости. Вахтанг, Вахтанг, то-то он изменился, и внешне, и в отношениях с девушками. Это уже второй развод у нас.

Первым был Костя. Сейчас он цветет — приехала на каникулы Надя. В этом году она оканчивает свое училище. Я взял с Кости слово, что он нас пригласит на свадьбу. Костя же зовет к себе в августе 1961 года. Обещает многое показать, от низин до вершин гор, от ультра-современности до древней старины с кинжалами и ружьями на настенных коврах. Поедем? В свадебное путешествие?

Сонечка, мы же с тобой не жили еще по-человечески. Где наши медовые месяцы? Такие, чтоб не кончались горечью разлуки? Мне даже жалко нас с тобой. Такие мы бедные, обиженные, обреченные на постоянные муки... Нет. Так не надо. Всё хорошо. Мы есть — и это самое главное. Всё хорошо. Правда?

Сегодня 30-е, суббота. Сегодня была баня, и моя голова не «прилизана». В новом обмундировании и с аккуратной прической, выбритого — меня никто не узнаёт. А Эмма Иосифовна (я сегодня в кино сидел рядом с ней) заявила, что «Софья вас бы не узнала». Передала тебе привет. Я боюсь, что Флягина демобилизуют. От него тоже привет, кстати. А я, ты знаешь, хотел — чтоб волос

не лез — постричься “под Котовского”. Как раз, думаю, в ответ на твою стрижку будет. Сегодня — расхотел. Хочу тебе нравиться, что поделаешь. А моя лысина, я знаю, будет тебе неприятна. Помнишь мою фотокарточку на служебной книжке? Нравлюсь такой? Тюремщик?

Ну вот, танцы кончились, ребята пришли домой. Нужно делать отбой.

Спокойной ночи, моя Софья. Спокойной — слышишь? Не волнуйся, не плачь — осталось немного.

февраль'60

[СОНЯ]

Открытка «Маки»

Здравствуй, мой родной Сенечка! Сегодня получила от тебя письмо и узнала, что ты уже кандидат в члены КПСС. Поздравляю тебя и желаю успехов в твоей деятельности, дабы быть достойным коммунистом.

Письмо напишу завтра. Будь здоров. Привет всем. До свидания, хочу до скорого. Целую тебя крепко. Твоя Софья.



Стал кандидатом, это хорошо. Я знаю, что будешь принципиальным коммунистом. Не думай, что я лъщу. Я уверена в словах своих.

Но ты, ласточка, эгоист. Не обижайся, но это правда. Ты совсем не считаешься со мной. Мне нравится моя прическа, мне так удобнее во всех отношениях. Но не хочу с тобой ругаться сейчас, приедешь — поговорим.

А ты бы мне лысым не понравился. Я, помнишь, просила тебя даже провожать в Чирчике прийти еще не стриженным. И не обижайся, я ведь говорю, что думаю. Ты ведь всегда за откровенность.

А сейчас сообщу тебе хорошую новость. Мне утвердили 3-й разряд. И с этого месяца я самостоятельно стою в товарной. Рыбка, пожелай мне успеха на новом месте!

Ласточка! Скажу тебе, почему меня не бывает, когда тебе плохо. Потому что ты не считаешься с моим мнением, не чувствуешь во мне друга.

Хорошо бы было, Сенчик, если у вас деньги есть, помочь девочке деньгами. (Я так пишу сумбурно, что ты, может, не всё разберешь, — объясняю: отвечаю на письмо.) Но и подбодрить надо. Моральная поддержка много значит.

Вахтанга я помню. И вообще, у меня память хорошая, я всех помню. Жаль парня.

Костя. Пусть на свадьбу не зовут, пусть живут счастливо, дружно и любя, а вот летом 1961-го обязательно поедем, да? Привет передай ему и Наденьке.

Флягиным привет от меня. Жаль его, лучше бы тебя демобилизовали и других таких, как ты.

Сегодня смотрела фильм ФРГ «Пока ты со мной». Какая это прелесть! Запомни, мы должны посмотреть эту картину вместе, слышишь? Там хорошо сказано о мечте: «Мечты не насыщают, а вызывают голод». Я полностью согласна, а ты? Чем больше я мечтаю о нашей встрече, тем сильнее я ощущаю голод: жажду

видеть тебя, целовать, говорить. Ну совсем раскисла после этой картины. Вот там показана борьба за жену. Вот это — любовь. Хочу, чтобы ты так же любил меня. P. S. Рыбка, а открытка символическая. Ты понял, что я ею хотела сказать? Ответ — что?



Ты, вероятно, уже обеспокоен моим долгим молчанием. Сердишься, да? Ну не сердись, не надо, слышишь?

Получила твое письмо, когда уже лежала больная. То ли от состояния здоровья, то ли от своего дурного характера, страшно разозлилась на твое письмо, читая. И потом, в нем ничего не было теплого, любящего. Мне почему-то плакать захотелось.

А в открытке ты ошибся, а был уверен, что угадал, да? Там ведь маки, а маки когда? В мае. Я хочу, чтобы ты к маю был дома. Ясно теперь?

Задержалась с ответом только из-за того, что хотела узнать о своем состоянии что-нибудь твердо. Но пока только обследование. Однако я уже восемь дней на больничном, сегодня $t=37,2$ град. Рентген делала сначала на заводе: обострение в легких. Началась песня сначала. Сейчас усиленно питаюсь: ем кашу, масло, яички. Кашляю сильно, боюсь, чтобы снова в больницу не положили. Тогда, наверное, тебя отпустят, потому что жена будет временно нетрудоспособна. Питаться надо. Теперь ничего не буду покупать из вещей. Все деньги буду тратить на усиленное питание. Ведь мама не может еще дополнительно столько де-

нег убивать, у нее просто нет их. Не дай бог, я слягу, маме придется тратиться еще больше. Хотя бы ты уже быстрее приехал, не могу уже без тебя.

Я сегодня как в лихорадке, ошибок наделала уйму, наговорила черт знает чего, и всё это от того, что тебя нет со мной. Ласточка, я люблю тебя, очень-очень, а тебя нет со мною, вот я и психую. Не обращай внимания.

Сегодня закончила «Идиота» Достоевского. Очень понравилась книга, но тяжело читается.

Рыбочка, я — нытик, знаю, но когда ты приедешь? Я умру до твоего возвращения, мне так кажется.

[СЕНЯ]

Вчера получил твою открытку, сегодня — письмо. Сейчас снова вспоминаю день, когда мы четырнадцать часов работали на улице. Промерзли все, без исключения. Не спасли ни телогрейки, ни валенки. Вернулись сюда в половине второго ночи. По дороге домой хотелось только: горячего-горячего чаю и письма от тебя. Чай был горячим, но под подушкой было пусто. Снова стало холодно. А сегодня — сегодня хорошо!

Во-первых, поздравляю тебя с 3-м разрядом. Молодец. Жизнь не стоит на месте, но и Софья от нее не отстает, и я очень рад. Софья, тебе не кажется, что ты не мешанка?

Да, я всегда за откровенность. Поэтому сейчас буду ругаться. Зачем утверждать, что ты — «такая, как все»?! Это еще что за новости, миледи? Кто тебе сказал, что ты такая, как все? Я тебе это говорил? Нет, не говорил. Вот. Ты злая

и нехорошая девчонка. Тебя плохо воспитывали мама с папой и пионерский отряд. Да-да. Нечего улыбаться.

Открытка, открытка, открытка... «И для дружбы нашей нежной и зимою снежной мы найдем живые цветы». Угадал? Или нет?

«Мечты не насыщают, а вызывают голод»... Вообще — правильно, но нужно еще добавить «... и стремление утолить его». Конечно, в нашем положении ничего не придумаешь, а вообще — можно. Осуществления мечты добиться можно. Правда ведь? А вот раскисать нельзя ни в коем случае. Нескромно, конечно, приводить в пример себя, но — факт — если бы я раскис, я бы пил, а я маковой росинки во рту не имел давным-давно. И вот сегодня были с Юркой в Дубровке — трезвенниками.

Сегодня кино — «Папа, мама, служанка и я». Помнишь? Ты всё помнишь, "старый нос".



Мои последние письма мне очень не нравятся. Наверное, читая их, здорово чувствуется, что я думал еще о чем-то, недосказанном, недописанном. Теперь пришла пора дописать и — огорчить. Коротко это выглядит так: надеялся в 20-х числах этого месяца быть уже дома, совсем. Увы, эта надежда оказалась утопией. Здесь осталось быть недолго, но уезжать придется не домой, а всего лишь в другую часть. Вот об этом я и не договаривал, хотя жил только этим. Потому и письма мои мне не нравятся, что не передавали они моего настоящего настроения.

Сейчас — как будто всё перевернулось. Всё ушло, осталась только жгучая обида. Раздражает буквально всё — и организаторская нерасторопность Макарова, и горящая в казарме папироска, и даже Юркина либе-

ральность. Хочу только писем от тебя, писем, писем, каждый день.

Работаем сейчас много. Пару дней назад поставили рекорд — вернулись в часть в 4 часа утра. 17 часов работы, больше двух рабочих смен. Поспать же пришлось всего 6 часов, и то с перерывом (трехчасовым) на беседу с генералом. Последний вынужден был признать, что мы «молодцы» и сроки наши просто неожиданно рекордны.

Осталось совсем немного, а потом — новая неприятность: меня разлучат с Ю. Н. Если бы домой — это было бы не так болезненно: к этому мы уже подготовились. Но служить — и не вместе — это нелегко. Ведь за всю службу мы были не вместе (если не считать командировок) всего один день — день, когда я уже был в армии, а Юрка к ней только подъезжал. Вот так испокон веков здесь: встречи, дружба, а потом — расставанье, бог весть на сколько. Сначала Илья, теперь и Юрка. Сейчас он снова в командировке. Из отпуска привез мне авторучку, вот эту самую, а теперь должен привезти чемодан — «на демобилизацию». Он еще не знает, что она будет не так скоро. Сегодня его Тоня, не зная, что он уехал, приехала сюда — «к Эле». Я говорил с ней. Отец домой вернулся, но пьет ежедневно и помногу. Жаль девчонку. Она пытается подчинить отца себе, но это ей не удастся. Не обращать же на него внимания не может — любит его и знает, что причиной гулящая мать.

А мы — работаем. Знаешь, жадно работаем. Какое там нытье! — с упоением, как голодные на хлеб, набрасываемся на груз и носим, катаем, укладываем, утираем пот и снова носим. Торопимся черт знает куда, как будто за опломбированным транспортом нас ждет заветная дверца в волшебный мир, а золотой ключик — в этой нечелове-

ческой спешке. Сегодня — лишь бы скорей! — попытался сам отнести на спине ящик весом около 200 кг. Прошел несколько шагов и... вынужден был бросить — слаб в коленках, что поделаешь. Живем от подъема до отбоя. Дни тянутся ленивыми черепахами. Ничего хорошего, ничего радостного. Страшно даже начинать второй лист — о чем писать? И — не буду.



Сегодня в 11 часов дня приехал из Смоленска, усталый, голодный и невыспавшийся. Покушал — и сразу спать, спать до самого ужина. А вот теперь Юрку отправил играть в шахматы, а сам — за письмо. Твои письма получил — оба. Если б ты только знала, как я уже волновался. Довольна? Только не нужно больше расклеиваться так.

Галюзин уехал в Бобруйск. Служить. На прощанье он подал рапорт командиру о присвоении мне «сержанта». И посему — с 15 февраля твой Сеня — сержант гвардии. С 16-го — командир взвода. К 23-му готовился приказ. Обходить меня было неудобно, и решено было провести мое сержантство и в этом приказе тоже (два раза подряд разрешается только наказывать, поощрять же подряд — нельзя, может отразиться на здоровье). Но на этот раз я был уже не один — за моей фамилией шла фамилия Юрия Николаевича. Зал расцвел, кто-то сказал: «И тут вместе». Вот этому я был рад. Теперь новая забота — лычки пришивать. Как раз мое любимое дело!

Юрий Николаевич остался без работы. Он считается командиром отделения, но отделения его нет, оно уже уехало. Ходит теперь Юрка «від нас до вас», много вре-

мени здесь проводит. С Тоней встречается, но относится ко всему этому как-то странно. Он как бы колеблется, не знает, на что решиться. Заходить далеко в отношениях с ней — он, конечно, не может себе позволить. А вот чувства сердечные тормозом не прижмешь. Я от советов воздерживаюсь. Что ему сказать? Бросить? Он не хочет (не знаю, может ли), ему с ней хорошо. Женильба? А вдруг окажется, что ему не только с ней хорошо? Здесь, в армии, чувство ласки очень обострено — оно ведь так редко! И может случиться, что многое из сегодняшнего необычного потеряет и краски свои, и опьяняющее волшебство. Что же тогда? Нет, я остерегаюсь советовать. Буду только рад, если он ничего не решит до самого нашего отъезда.

Костя уехал сегодня в Брянск, в госпиталь. Еще месяц назад он упал во время работы и — сел. Сейчас есть опасения, что нарушен седалищный нерв. Поехал на консультацию. В последнее время ходил расстроенный и явно хотел нарваться на какой-нибудь скандал: от Нади больше недели ничего не было. Недавно попал Косте в руки томик Симонова. Поэма «Пять страниц», о которой я давно ему говорил, ему так понравилась, что он переписал ее, собираясь заучить наизусть.

В первых числах этого месяца обнаружился автор последних краж. Им оказался один парень из нашего взвода. Удивлению и возмущению не было конца. Поиски дали неожиданные результаты, а состоявшееся по этому случаю заседание бюро вскрыло вдруг пропажи, давно забытые. Кстати, одной из жертв был Костя: когда-то пропали его часы. Было следствие, допросы, очные ставки, комсомольское собрание. И вот результат: ходатайство общего собрания о предании суду военного трибунала.

Когда будет суд, где будет — неизвестно. Пока я отвез его в Смоленск. Сейчас он в тюрьме. Знаешь, Сонечка, как тяжело было ходить с ним рядом! За те двадцать дней, что он провел в одиночке на гауптвахте, он, наверное, успел пересмотреть себя основательно. Дома у него мать, он служит последний год. Вчера, оказывается, мать звонила из Гомеля, волновалась, что от него нет писем. А что он ей будет писать?

В такие минуты человек словно прозревает. Всё, чему он раньше не придавал значения, обретает особую окраску. Ну что, кажется, особенного в том, что мальчишка со щербатым ртом, ухватившись за решетчатый забор детского сада, смотрит на нас во все глаза, а потом считает нужным сказать, что «а у меня тоже погон был, со звездочками», который он не надевал только потому, что на погоне не было пуговицы. Что здесь особенного? А для него, подсудного, это — встреча, которая может повториться очень нескоро, бог знает через сколько. И ему хочется подольше постоять у детского сада, подольше понаблюдать, как суетится детвора, строя снежную бабу. Он говорит: «Ишь, зайчата», и от его интонаций у меня непроизвольно сходятся брови у переносицы. Ведь вот — преступник! Красть у товарищей, особенно в армии, где все равны в своем безденежье, — это больше чем низость. Но всё же это — человек, который мог и может быть другим, таким, как все, хорошим и сильным в своей честности. И мне его по-человечески жалко.

Это тягостное настроение не проходило всё время, пока я не сдал его конвойным. Но и потом было не веселей. Пошел в город, сел в трамвай (он всегда напоминает мне Одессу), добрался до вокзала. Поезд уходит в 6 часов утра. Впереди вечер и целая ночь. Почему-то не хотелось идти к ребятам в общежитие или ехать к бывшим

сослуживцам в казарму на край света. Решил, что схожу в кино, а оттуда на вокзал — спать до утра. В центральном кинотеатре Смоленска шел французский фильм «Разбитые мечты». Пошел на восьмичасовой сеанс. Вышел с разбитым впечатлением: столько разноречивых чувств. Но была у них одна общая черточка: они были грустны. Чего только не умеют люди! Много умеют. Но не умеют люди всё время быть веселыми.

Я шел от кино медленно, еле переступая ногами, как в добрые неторопливые времена по Приморскому бульвару. Падал снег небольшими мокрыми хлопьями (это было красиво в обилии электрического света), таял на моем согретом в зале лице, иногда снежинки попадали за ворот, на шею, — тогда становилось щекотно и как-то освежающе-приятно. Меня обгоняли, обгоняли люди. Стайками в несколько человек, парами. Одна пара прошла оживленно болтая, вторая над чем-то весело подхихикивала, — шли пары, пары, пары. А я был один, без тебя. И мне стало тоскливо и тяжело здесь, среди этих нескончаемых веселых пар. Я пошел быстрее, все время ускоряя шаг, как будто можно было убежать от мыслей. Мне нужно было сесть на трамвай — и я не мог, ведь там мне пришлось бы стоять, а я не мог стоять, мне надо было бежать, спешить, мчаться. И я мчался, пропуская вперед только трамваи и машины. Домчался до моста через Днепр, и здесь пошел уже тихо-тихо, как несколькими минутами раньше, у кино. Ох как было тяжело! Дышать даже было тяжело. Запомнится мне этот вечер в равнодушном зимнем Смоленске, тёплом для всех, кроме меня.

И вот я дома. Дома! За два с лишним года новое понятие этого слова прочно вошло в наш лексикон. Прямо с поезда — на почту: нет ли телеграммы. Нет!

Сюда пришлось идти пешком, под дождем, по слякотному снегу. Спасибо, какой-то мужичок подвез на саночках. Лошадка попалась резвая, добрался относительно быстро.

Ты болеешь. Это большая неосторожность — допускать хворь. Ты — не умница, не хорошая, не послушная. Ты не кушаешь, и я тебя не люблю. Вот. Довольна, противная девчонка? Приказываю заняться гоголем-моголем, строгим режимом, обязательно включающим продолжительные прогулки (если врач, конечно, разрешает) на свежем воздухе в хорошую погоду. Деньги на шерстяные кофточки можно тратить только тогда, когда не в чем ходить на лыжах. В постели же шерстяная кофточка нехороша, в ней будет жарко, правда? Ох, женщины, женщины, неисправимые легкомысленные создания, берегущие изящество в ущерб здоровью. Женщины, женщины, не умеющие быть благоразумными, готовые принести себя в жертву неумолимому кумиру — моде. Женщины, вас нужно лечить, и я знаю, как и чем это делать: мой ремень, правда, потрескался во многих местах, но еще годится для этой благородной цели. Но об этом мы еще поговорим дома. Берегитесь, лаборант Шамис!

Открытку я, оказывается, не понял. Да и не мог понять. Во-первых, я собирался быть дома не в мае, а уже в феврале, а во-вторых, я не знал, что маки цветут в мае. В этой области я непростительный профан.

В нашем взводе нет человека, который 23-го не был бы поощрен. Кому звание, кому благодарность, и ефрейтора Шамис тоже не забыли. Благодарности, правда, нет пока из-за пренебрежения правилами техники безопасности, но ей присвоено звание «младший сержант». Поздравляю Вас, товарищ младший сержант. Желаю

вам крепкого здоровья и новых успехов в жизни, в производственной и политической подготовке. Помните, что Вы значите очень много для оборонной мощи страны. Армия сильна не только умением быстро подниматься по тревоге и метко стрелять, но и верой в своих подруг, жен. Соник, недавно один незнакомый парень развеселил нас от души. Дело в том, что в январе «Советский сокол» напечатал мою «Снежинку». Газета попала в часть, где служат сейчас Архипов и Захарян. Некто Васильев Станислав по сему случаю решил узнать мой адрес и направить мне послание, что и осуществил, исписав целый лист в одном из «штилей» Ломоносова. Вот одно из его выражений: «Итак, я и помыслить не смею, чтобы сколько-нибудь докучать Вам, но если это не затруднит Вас, то, пожалуйста, не оттолкните того, который готов молиться подобным Вам. Век буду помнить». Как тебе нравится? Он, видишь ли, «бряцает рифмовочкой... словом, поэзия — моя жизнь», уже два года ищет "единомышленника" и хочет, чтобы я ему сказал «правду: где я буду хорош в своих стихах и где дурён». Ну что ты тут скажешь? Я прямо в затруднении, не знаю, что и писать. Бывает же такое!

Сонечка, ты не следишь за нашими в Скво-Вэлли, на Белой олимпиаде? Интересно. И — знаешь — странная вещь: я так далек от спорта, а вот честь СССР меня волнует. Мы должны иметь Спутники во всех областях жизни, и это будет. Пока же я хочу немногого — чтобы мой Спутник не летал так далеко от меня, чтобы он был вот здесь, рядышком, чтобы можно было спросить на ушко: «Сонечка, тебе хорошо?», и услышать: «Ага!» Да сбудется это скоро!

март'60

[СОНЯ]

Поздравляю тебя с повышением в звании. А я — «Служу своему мужу!» — почти как отвечают за поощрения солдаты.

Сегодня пришла утром домой (дома не ночевала — стояла две вахты с 19.00 до 7.00) и стала искать письмо. Обычно письма от тебя кладут на видное место, чтобы я, придя с работы, сразу увидела. Письма не было, и я уже расстроилась, но вдруг увидела его под газетой. Я, конечно, очень обрадовалась.

А кофточка нужна. Я, наверное, никогда ничего не буду иметь. Тебе кажется, что мне ничего не надо. Ты так легко пишешь — «вынесем всё», а у меня нет сил вынести всё. Я сейчас похожа на тоненькое молодое слабенькое деревцо, которое ветер гнет, и кажется, вот-вот поломают, а защитить и поддержать его некому.

Я всё-таки больше согласна с Костей. Жена должна в том случае работать, если она уж действительно не может жить без работы. А если работа тяжелая, да еще дома надо всё делать, то кроме усталости и раздраженности ничего не будет. Вот я по себе знаю — когда прихожу усталая, меня лучше не трогай.

Скоро в ночную. Надо хоть немного поспать.

5.03 у нас вечер. Мы ставим пьесу «Сибирячка». Я играю отрицательную роль — стилиагу. Напишу, как получится.



Спасибо тебе и Юрию Н. за поздравление. И как это ты разрешил Ю. Н. поцеловать меня? Или на бумаге всё можно, бумага всё выдержит?

Рыбка! Не верю, что очень любишь, и не слышу. Ясно? Ведь ты можешь не в августе приехать, а раньше. Тебя теперь не имеют права не отпустить в институт. 5-го у нас был вечер. Меня премировали “ценным” подарком — капроновой косыночкой. Но ничего, дорого внимание. Я думала, что вообще ничего не получу.

После торжественной части ставили пьесу. Говорят, что я со своей ролью справилась. Стиляга получилась натуральная. Гримировал меня один парень с подшефного корабля, оказался прекрасным мастером. Я в гриме была очень хороша. Мне даже потом не хотелось вытирать его.

Пьеса всем очень понравилась. Сфотографировали меня и Вику для заводской газеты. Вика хорошо получилась, а я — ужасно. Даже хуже, чем в жизни.

Восьмого я начала письмо, но, конечно, не окончила. Пришел Борис с компанией. Войдя, он даже забыл меня поздравить, но потом вспомнил. Он был со своей девушкой. Вообще общительная девушка, а в частности, видно, уже солидная. Очень женственна. Привет тебе от Гарика. Я его сначала не узнала, а он меня узнал сразу, только говорит, что очень похудела. Рыбка, мой дорогой! Я не хочу верить, что тебя к маю не будет. Я буду ждать, и ты должен быть.

Сегодня смотрела «Любовь с первого взгляда» с участием в главной роли Лолиты Торрес. Картина мне понравилась. Хочу посмотреть еще раз.

Да, 8-го была у бабушки и поздравила ее с Женским днем.

У меня такое предчувствие, что ты оставишь меня. Не возражай, не надо.



Почему ты так сердишься, что от меня нет писем? Ведь когда тебе не хочется писать, ты не пишешь. Я не хочу и не могу больше писать, хочу говорить с тобой. Ясно? Ведь в письме не напишешь всего, что думаешь. Тебе как литератору легче выражать свою мысль. А мне очень трудно. Я хочу говорить. Почему мне не дают такой возможности?

Мой милый! Если бы ты знал, как всё идет однообразно, тускло, скучно. Как я завидую влюбленным парам, женам, которые могут быть со своими мужьями вместе! Но увы и ах! Нам такого не дано.

Теперь бросила свое последнее увлечение — драмкружок. Хочу принадлежать только тебе, хочу всё свободное время отдавать тебе. Сейчас взялись готовить пьесу «В сиреновом саду», но я отказалась. Они очень сожалели, но ничего, незаменимых нет.

Видела Милу с Аликом. Он уже большой. Очень похож на Лёньку.

Был Борис сегодня. Они уже перебрались. На Микояна, это на Молдаванке. Четыре комнаты, но нужно делать большой ремонт. Борька говорит, что не может тут

привыкнуть. Настроение ужасное. Очень хочет тебя видеть и говорить с тобой.

Спасибо тебе, мой мальчик, за подарки. Я так тронута, просто слов нет для выражения. А я тебе кое-что тоже купила, придешь — увидишь, добро?

Хочу, чтобы ты был дома побыстрее. Еще немного, и ты не увидишь меня в живых.

Ну, рыбка, кончаю писать. А Хаям — сволочь, с виду в жизни не скажешь.

[СЕНЯ]

Мне часто хочется быть большим — большим и сильным, как шофер из «Терезы Ракэн», хочется взять тебя на руки и прижать к своей груди и чувствовать, как счастливо бьется твое истосковавшееся в одиночестве сердечко. Родная моя! Очень не хочется, чтобы это письмо попало к тебе 8 марта и подбавило соли в твои незаживающие раны, но я всё же не стану задерживать его.

В ночь на 4-е я выезжал в Смоленск, а сегодня уже здесь. Думал, что вчера дам тебе телеграмму: «Утвержден кандидатом». И — напрасно думал. Сейчас, во всяком случае, этой телеграммы тебе не получить. Рассмотрение наших дел отложили ввиду того что документация наша оформлена не совсем правильно.

7 марта. Письмо пришлось всё-таки отложить. Тому причиной многие неурядицы армейского быта и моя богом проклятая сержантская участь. Немного виноват и Хаям, отличный танцор и не менее отличный негодяй. Полслужбы он нагло — заметь: нагло! — выезжал на плечах своих товарищей (я не говорю о себе, я-то на

пост здесь не ходил), прикидывался больным. Полслужбы он занимал льготные должности, мотивируя своей болезнью. Когда же, наконец, вопрос о его болезни был поставлен принципиально, он уничтожил заключение медкомиссии и подделал заключение о своей якобы непригодности к караульной службе. Его разоблачили, хотя он и успел с помощью многоуважаемого Шкляра (черт бы его трижды побрал) выкрасть у новоиспеченного врача-лейтенанта свою медицинскую книжку. На собрании — какая всё же наглость! — он так и заявил, что сделал всё это, чтобы не ходить в караул. И это глядя в глаза людям, из уст которых уже два с лишним года только и слышно, что «Стой, кто идет!», которые до последней веточки изучили надоевшие, приевшиеся до, казалось, умопомрачения кусты, людям, которые молча, или даже бурча, каждый день своими делами говорят, что долг для них есть долг, что служить значит — служить. Людям, на которых он плевал, с которыми он, не имея на то ни морального, ни юридического права, нагло не хотел разделить их, что и говорить, нелегкую участь. Надо быть Великим Подлецом, чтобы осмелиться на это. И всё же его отстояли перед исключением из комсомола. Костя, Арик, Арамаис, рискуя репутацией честных людей, выступили, ручаясь за него. И чем же он, ты думаешь, ответил? Долго ждать не пришлось — он ушел в самоволку. А вчера Юрка ужинал в 10 часов. До этого времени мы с ним и Флягиным ездили искать пресловутого Хаяма по окрестным деревням. Скот!

Эти новости, по мнению некоторых, больше интересуют сатирические отделы газет, а я вот сообщаю их тебе. Тебе не обидно? А мне — обидно.

Поздравляю тебя. Ведь завтра — твой день. Купил тебе всё-таки на платье. И еще кое-что приготовил. Жаль только, что подарки тебе завтра буду вручать не я.

Пришел день, наступил и четвертый почтовый антракт — сержант Кравец получил еще один десятидневный отпуск, выслуженный и заслуженный не где-то и у кого-то, а именно здесь, именно у этого начальства и в этой части.

[СЕНЯ]

Вчера смотрели по телевизору «Люди на мосту». Видимость, конечно, паршивая, игру лица, во всяком случае, не увидишь, но в общем — смотрели, факт. И — вот Ленка с Виктором... Интересная всё же история, черт возьми. Ведь любил же он ее, а вот — ушел. Как о ребенке узнал, так и ушел. Почему? Испугался быть отцом? Нет. Ведь взял же он Гошку к себе после ее смерти. Так что же? Тут, по-моему, в том дело, что обидело его ее молчание. Почему раньше не сказала? Зачем скрывала? В нелицемерной любви искренность обязательна. Почему же она не сказала? Может, не любила по-настоящему? Или не верила и боялась потерять? Что бы там ни было, а он любил ее, и она должна, должна была давно рассказать ему об этом. Мы с Костей вчера долго и о разном говорили, почти до двух ночи. Он вспомнил слова какой-то героини «Обрыва» Гончарова. Она говорила примерно так: я люблю его, отдаю ему душу свою и тело, отдаю ему всю, всю до конца свою жизнь, и хочу от него совсем не многого — того же взамен. Так, наверное, и с Виктором было. Он был, наверное, искренен с ней (да и что ему было от нее скрывать?) и хотел не многого — того же взамен. А она не дала ему ни искренности, ни веры в его любовь, а тела ее, любви ее ему было мало. Вот и ушел.

Может, поразмыслив, пришел бы, а вот — в этот именно момент — ушел...

Юрка должен был уезжать в командировку — сопровождать Шелупаева в дисциплинарный батальон. Но поездку отменили: напали на след баяна Дырnochкина, и есть предположение, что пропажа баяна произошла не без участия Шелупаева. А Юрка уже получил проездные и теперь усердно потчует меня сигаретами, а себя — «Петушиными гребешками» и «Беломорканалом». Вчера сюда приехала Тоня, сегодня она тоже здесь, но Юрки нет, он на целый день уехал в Дубровку.

Костя тоскует — уже больше двух недель «почта не приносит» писем от Нади. И сегодняшняя почта его снова не обрадовала.

Макаров расспрашивал о тебе, всё говорил, что ты должна его помнить. Я его успокоил — сказал, что ты о нем вспоминала. Он обрадовался: люди любят, чтобы о них помнили, им нравится быть хорошими. И ты любишь. А говоришь, что злая. Обманщица! Ух ты, Сонечка моя! Как там у тебя? На воскреснике была? Здорово устала? Ты пиши, слышишь? Я всё жду. Завтра 31-е. Уже может быть письмо.

Ну, до свидания. Не скучай. Осталось меньше, чем оставалось два года назад.

[СОНЯ]

Не буду кривить душой, настроение прескверное. Уже хотела отвечать тебе теплым, хорошим письмом, а получила от тебя еще письмо, и сразу пропало желание писать вообще. Но не писать не могу, потому что буду сейчас волноваться. Я-то считала, что ты только обо мне думаешь, а ты вдруг: «влюбилась хорошая девушка, гор-

дая, самостоятельная». Откуда ты знаешь, что она такая, ведь вы совсем мало были знакомы. Вот так, вдруг, она не сказала бы, что влюблена в тебя. Откуда она знает, что ты меня так же любишь, как в картине «Дело было в Пенькове»? Значит, ты дал ей повод влюбиться.

Больше писать не хочу и не могу.

ЛЕТО

апрель'60

[СЕНЯ]

Еще так недавно мы с трудом привыкали к тому, что нужно писать не 59, а 60, а сегодня уже 2 апреля.

Смотрели «Тень и свет», Симона Синьоре. Юрка утверждает, что ее сестра, Каролина, помнишь? несколько похожа на тебя. Но у нее такой отвратительный внутренний облик, что я никак не мог найти в ней даже внешне-го сходства с тобой. Это не комплимент, не подумай. Просто я действительно никак не мог отделить ее плоть от ее духа.

Целый день урывками занимался физикой. Законспектировал более 100 страниц. Было на редкость "ученическое" настроение.

Сегодня приехал Баштовой и сегодня же сюда звонили о нашей немедленной отправке в другую часть — недалеко отсюда, всего два железнодорожных пролета. Должны были ехать все, но потом звонил Баштовой, получил разрешение оставить человек пять. Кто останется — неизвестно, и потому — пока не пиши. В следующем письме сообщу, на каком я свете.

Здесь были жёны Винера и Дырночкина. Последняя очень интересовалась тобой, твоим здоровьем. Кто-то сказал ей, будто ты учишься в вечернем институте. Я не хотел ее разочаровывать и сказал, что ты занимаешься английским на курсах. Ей это “импонирует”. Очень горячо убеждала меня, что мне необходимо поступить в университет. Святая наивность! Как будто это только от меня и зависит...

В краже баяна Шелупаев признался. Сволочь. Дырночкин же сволочит в другой области. Дрогнувшим голосом, громко, размышляет, как бы это матери его так сообщить, чтоб с ней, не дай бог, разрыва сердца не случилось, а через полчаса пишет: «Уважаемая Мария Григорьевна! Если вы не хотите, чтобы ваш сын сел в тюрьму, оплатите стоимость баяна — 1635 рублей в двухнедельный срок. В противном случае он будет передан суду Военного трибунала». Чуткий подход и редкая искренность, скажи?

Костя получил от Нади письмо, потом сразу второе. Успокоился. В июне Надя уже выпускается, но местá назначений уже есть. Техникум этот республиканского значения, и потому Баку, конечно, исключается. “Мой Константин” всерьез задумался, как же у них получится. Надя пишет, что свободных дипломов не будет. А регистрироваться сейчас Костя почему-то не хочет. Оставляет до приезда домой. Она должна к 1 мая быть здесь, вот тогда и решать будут.

Юрка жив-здоров, уже два раза брился новым, твоим станочком, шлёт привет. Он тебя часто вспоминает. А я... я тебя видел недавно во сне, не в полудреме, а во сне, настоящем. Какой-то длинный и беспорядочный, но в конце — четко: ты стоишь в аудитории и собираешь

профсоюзные взносы. В руках у тебя ведомость, и ты вслух недоумеваешь, почему против одной фамилии расписалась совершенно другая девчонка.

Я сейчас поздно засиживаюсь, зато днем неудержимо тянет на койку. Засыпаю мертвецким, как утверждают ребята, сном. Дошло до того, что в комнате мыли полы, мыли под моей койкой тоже, а я ничего не слышал.

Так мы с тобой к Ревекке и не сходили. Даже половицы не прибил. А гвозди уже на подоконнике лежали, только вот Ляля спала, будить не хотелось. Ну ничего, пусть гвозди потерпят, пока не приеду насовсем.

Ни о чем спрашивать не буду, потому что ответа на это письмо не жду.

Ты меня видишь сейчас? Сижу в нашей ленкомнате за столом, впереди окно и в нем мое лохматое отображение с шинелью внакидку и чадящей трубкой в руке. Романтика двадцатых годов и серый практицизм шестидесятых. Как поздно (или рано?) я родился! Сейчас надо быть дельцом и слепцом, а я зрячий и пока честный.



Здравствуй, моя ревнивица!

Получил сегодня твое первое письмо, коротенькое письмо, написанное лишь для того, чтобы я не волновался. Сонечка, ну зачем ты так? Эта девушка высказалась, между прочим, так: «Я бы хотела, чтобы мой муж так же любил меня и так же был верен». Ей, оказывается, достаточно было всего одного дня, чтобы определить, насколько ты мне дорога. Может, это и был повод для того, чтобы она влюбилась. Других поводов я ей не давал. Не ухаживал же я за ней! Софья, не надо так. Я как-то тебе писал, что ни одна женщина не будет иметь оснований

сказать, что «он был моим», — ни одна, понимаешь? Ты тогда ответила, что это слишком смело сказано, что лучше не спешить с такими заявлениями, но я еще раз тебе говорю, что я готов за эти слова отвечать; готов был ответить и в поезде. Соник, маленькая моя, скажи, что ты погорячилась, и — не надо больше о ней вспоминать. Помимо всего она действительно хорошая девушка, вела себя очень благородно и нисколько не пыталась влюбить меня в себя. Давай забудем о ней. Ладно? Сонечка, ну скажи «ладно» и улыбнись мне. Прошу тебя. Поверь мне, я люблю только тебя, одну-единственную и на всю жизнь. Как, черт возьми, нехорошо всё устроено в жизни! Вокруг столько плохого, столько лицемерного, нечестного, грязного, что вера в людей тает, как весенний снег. Анна Ивановна когда-то пророчила: «Пройдут годы, ты будешь изменять своей жене, она будет изменять тебе, и вы оба будете с этим мириться». Я плевать хотел на такую «житейскую мудрость». Я никогда не изменю тебе и никогда не примирюсь с твоей изменой. Но я — да и ты — ничего не можем поделать со своим недоверием. Мы хорошо — сейчас мы уже можем так сказать — хорошо знаем друг друга, знаем, что можем верить друг другу, но мы еще хорошо знаем слабости людей и силу любви. Вот и боимся слабости друг друга, и еще боимся, что кто-нибудь из нас влюбится.

Сегодня пришла из Смоленска телеграмма. Завтра-послезавтра должны были ехать. Но здесь у нас не в диковинку семь пятниц на неделю. Сегодня приехала группа из Судака с Гранкиным во главе. Вторая группа с выехавшим туда Макаровым осталась там. И посему отъезд наш внезапно откладывается. Едут судакские ребята, наших же всего пара человек. Смоленск об этом пока не знает, а мы не знаем, что он предпримет, когда

узнает. Поэтому писать все-таки пока не надо. А вообще-то лучше напиши. Я постараюсь несколько затянуть сдачу имущества и задержаться здесь на несколько дней. В крайнем же случае попрошу Флягина, и твои письма придут ко мне в целости и сохранности.



Софее, я молодец, правда? Письма просто одно за другим. Откровенно говоря, промелькнула мысль, что ты настолько можешь привыкнуть к ним, что они перестанут вызывать обычную радость. Но эта мысль только промелькнула и потухла, я же знаю: получай я от тебя письма два раза в день, я бы радовался не меньше обычного. Ведь всё равно — мало, мало, мало — так ведь?

Сонечка, я остаюсь здесь. У нас действительно семь пятниц на неделе. Завтра уезжают почти все, нас стало пятеро: Юрка, Ваничка Хачатрян, Вася Охотин (его фамилию надо произносить, выговаривая «о» как «о»), и не иначе: ведь он из Вятки), пан Ечюс (литовец) и я. Последние из могижан. Бессмертный гарнизон. В общем, как угодно, только — мы пока здесь. Что будет с нами дальше — неизвестно, но до середины мая, наверное, продержимся. Поэтому адрес не меняется, жду твоих писем.

Уезжает Костя, уезжает Игорь, с которым мы научились «понимать друг друга с полувзгляда», едет Арамаис, который всегда торжествует, когда ему удастся получить с меня “за испуг”, уже уехал Арик, ярый бакинец, никак не желающий уважать Одессу, едут, едут ребята, с которыми связано много маленьких радостей и горестей, связано то, что называется собственно жизнью.

Тебе не кажется, Софее, что многие мои письма очень похожи на страницы дневника? Не кажется? Я, навер-

ное, никогда не избавлюсь от этой навязчивой манеры рассуждать, как вслух, так и в письмах. Вот сейчас хочется рассказывать тебе, рассказывать, много рассказывать из книги, которая никогда не будет написана, но которая должна была бы называться «Лицемерие», или «Сержанты», или еще как-нибудь в этом роде, но обязательно обличающая и обязательно опубликованная лишь после моей смерти (!!) признательными (?!) потомками.

Ты же знаешь, Соник, меня очень часто занимает мысль — что мы с тобой будем делать в этом довольно сложном мире? Зарабатывать на килограмм сухой колбасы и на билет в цирк? И всё? Хватит ли у нас с тобой эгоизма, чтобы жить только для себя, только заботами друг о друге? Софея, это громкие слова, но вот — всерьез задуматься — неужели мы сможем так жить? Если у нас получится так — это, наверное, будет плохо. Почему я вдруг об этом заговорил? Вот сейчас ребята уезжают — каждому, ну почти каждому я что-то хорошее сделал. И знаешь, как хорошо! Ведь ни у кого не повернется язык сказать, что вот, мол, был у нас сержант — сволочь. О, Софея, это очень хорошо. Это так хорошо, что ощущение от него может сравниться даже с ощущением от твоего благодарного поцелуя, а это уже граничит со счастьем. Ты скажешь, что это тоже громкие слова, но я действительно испытываю странное чувство большой нежности и большой растерянности, когда ты целуешь мои руки, мои большие, нескладные, уродливые руки.

Нет, надо заканчивать. На завтра я буду немного скромнее: я хочу получить от тебя письмо. Будет? Скажи — «да»! Ну и всё. Всякой исповеди и всякой проповеди бывает конец.



Половина восьмого. Только что поужинали и принесли с Ваничкой Хачатряном бачок воды в столовую. Включил свет в ленкомнате — она теперь совсем пустая. Одна койка со сложенными матрацами да мой стол — шкафчик с приемником. Хотел было снова взяться за физику — уже решаю задачи по механике, но из неугомимого «Москвича» льется хорошая какая-то симфоническая музыка и настраивает отнюдь не на физический лад. И вот — пишу.

Здравствуй. Не ждала меня? А я пришел. Вот я. Ты рада? Да? Почему же я не вижу, что ты рада? Ты не можешь улыбаться? Не хочешь? Всё еще хмуришь бровки и отдергиваешь плечики, когда я хочу их обнять? Софя! Ну погляди же на меня! Прямо в глаза гляди. Неужели ты не видишь, что я люблю тебя, очень-очень? И хочу, чтобы ты улыбалась. Всегда. И сейчас тоже. Не надо сердиться. Хорошо? Дай мне твои глаза. И носик. Я хороший. Ты слышишь? Я не могу быть плохим. Ну улыбнись же, Софя! Не хочешь... Ну что ж, так, пожалуй, откровенней. Вымученная улыбка — это не улыбка. Хорошо. Не буду об этом. Слушай о наших делах.

Сегодня ночью уехали в Смоленск сопровождать Шелупаева Юрка и Вася Охотин. Только что ушел в лазарет на стационарное лечение пан Ечюс. Ваничка заступает дежурить по штабу, и я остаюсь один — бессменный и бессмертный обитатель казармы. Впервые за много времени не будет рядом ни твоего дыхания, ни храпа и ворочанья ребят, ни стука колес. Будет пусто и тихо.

Сегодня поваром была Аня. В отличие от Ани Ерохиной эту мы называем Анькой-толстой. Столовалось нас всего трое, не шестьдесят, не сорок, а всего трое, а сварено

было все равно невкусно, стандартно невкусно. Значит, дело не в количестве людей, а в таланте повара.

Мы уж тут прикидывали — правда, не спросясь тебя, — как может выглядеть наша с тобой жизнь здесь. Казарма остается на месте, только там на одну койку меньше. В ленкомнате — спальный гарнитур: три койки вместе. На них уложены поперек шесть матрацев в два ряда. Справа и слева — по тумбочке, в ногах два стула, вдоль два половика (ковров пока не приобрели, но Брянск, очевидно, на днях вышлет). Для туалета есть два зеркала, одно отдается нам. Умывальник общий. Кухня на кухне. Там колдует Сонечка. Ей помогает дежурный повар и, конечно, внештатный шеф-повар запаса сержант Юрий Николаевич Мальцев. Остальные, со мной в том числе, делают “черную работу” — носят воду, топят плиту, чистят картошку. Всю инициативу и ответственность по выбору блюд берет на себя Сонечка. Мы же отрекаемся от спиртного и жертвуем свои получки на дополнительные расходы. Три раза в день бессмертный гарнизон чинно усаживается за стол. Сонечка в переднике вооружается черпаком-“разводящим”, и пиршество начинается.

Если появляются дополнительные средства, мы по воскресным или субботним вечерам украшаем наш стол легким столовым вином и пьем за здоровье нашей хозяйшки. В погожие вечера гарнизон провожает нас с тобой на прогулку по весенней Сеще, в непогоду же Юрий Николаевич настраивает свою гитару на «Сороконожку» или телевизор — на очередную передачу. А утром — подъем в 7 – 7:30, чтобы к половине девятого был готов завтрак! Да вкусный! И сытный! А то «спасибо» не скажем!

Я смешной, да? Ну и пусть.

Сегодня в пять часов — кино. Смотрели «ЧП», первую серию. Завтра — вторая. Оказывается, первую серию я не смотрел, хотя вторую завтра в третий раз смотреть буду. У нас на этой неделе с кино хорошо: в понедельник, в среду, в четверг, в пятницу, субботу и в воскресенье. Это для пяти-то человек! Шикарно.

Только что звонил из Олсуфьево Костя. Они там пробудут еще долго. Уедут на объект лишь после 1 мая. Попали все вместе, а это при переездах самое главное. Со своими веселее. Теперь жду от Кости подробного письма.

Арик уехал в Барановичи. Оставил мне поручение — когда ему придет перевод, получить деньги и рассчитаться с долгами. Перевод пришел. Завтра получу и рассчитаюсь. Я подумал — черт возьми, что заставляет людей быть честными? Ведь он же уехал, и об этом никто из кредиторов не знал. Зачем же ему оставлять такие поручения? Ведь никого из них он уже никогда не увидит. Значит, очень надо человеку чувствовать, что он чист — не перед богом, не перед начальством своим — перед людьми, перед просто людьми, которых он даже никогда уже не встретит. «Не оставляй после себя развалин» — мудро! Сейчас уже много таких. И ты такая. Времена меняются, и люди тоже. И всё — к лучшему. Правда?

Сегодня вспоминал твоего отца и устыдился перед самим собой, что до сих пор не спросил его отчества.

Пиши, как с санаторием.



Я Ваничку нашего чуть не расцеловал, сегодня он, не в пример прошлым дням, торопился домой. Ты знаешь, нет худа без добра, и стоит переживать разлуку уже

только потому, что иначе не придется испытать такой особенной радости — письма от жены.

Софья, а я сердился на тебя. Вчера получил письмо от Бориса, Людочка вчера получила твое письмо (она очень хорошо разобрала твой почерк), а я — ничего не получил! И вот написал тебе письмо, первое письмо, которое я не отправлю. В нем писал, что если сегодня от тебя ничего не будет, завтра оно уйдет. Но сегодня — есть, значит, оно уйдет в печку. И очень хорошо. Одно только надо перенести в это письмо:

Сонечка, если не будет путёвки, приезжай сюда, а? Дай телеграмму, мол, заставляют идти в отпуск только в апреле, можно ли приехать к тебе. Я с этой телеграммой к Баштовому, и если он заверит, что мы здесь пробудем до середины мая, — ты приедешь. Здесь сейчас очень хорошо, такой весны в городе не увидишь, а после циклона — это вообще чудо. Нас осталось шесть человек, ты будешь седьмая. Поваров у нас нет, так что кухня вся в твоём распоряжении. Продуктов хватает, денег особенно много не нужно будет.

Если нам повезет и меня демобилизуют (приказа до сих пор нет), поедem домой вместе. Вот будет хорошо! И вокзалы будут, и перроны будут, а вот сердце уже не будет щемить. Хорошо!

Мечты, мечты... Может, конечно, случиться и иначе. Вопреки Баштовому меня могут перевести, и тебе придется уехать раньше срока и одной. Но это мало вероятно. Откровенно говоря, «мало вероятно» — потому что я очень хочу, чтобы ты приехала. Здесь сейчас очень хорошо — вдвоем. Вчера такой хороший, такой лунный вечер был, что мне просто перед луной стыдно было: я вот смотрю на нее, а Сонечке не даю. Приезжай, ты здесь

отдохнешь не хуже, чем в прошлый раз. Но — только в том случае, если нельзя будет достать путёвку. Только в этом случае! Ну и, конечно, если хочешь.

Баштовая сегодня говорила — пускай ваша жена снова к нам приезжает. Ребята будут довольны. Юрка же собирается писать — просить тебя приехать. А я — я молчу. Вот такие дела.

Я все эти дни переживал — из-за этой попутчицы. А сейчас — хорошо-хорошо. Только ты мне обязательно расскажешь, почему это тебя задело. И еще расскажешь, почему ты меня не слушаешь. Всё-таки купила часы? Ну, непослушная девчонка, подожди, я надеру тебе сейчас уши (я вру, Софья, в душе-то я хочу тебе сказать «спасибо», сказать, что ты хорошая, что я очень тронут, только так нельзя говорить, потому что ты и дальше не будешь слушать меня, не будешь есть, а будешь транжирить все деньги на подарки своему Сенечке).

Соник, может, на платье добрать материала? Ты напиши, сколько, — я вышлю.

У меня сейчас такое разбросанно-приподнятое настроение, что я никак сосредоточиться не могу.

Ты прислала стихотворение. Во-первых — какой это Юрка попросил и зачем ему понадобилось мое мнение? Стихотворение мне понравилось. Написано с большим чувством, и главное — кратко. Немножко гиперболически, но здесь это очень кстати, подчеркивает силу чувства материнского. Особенно хороши последние две строки. Очень, очень хороши. Так и передай своему Юрке.

Раз уж затронуты стихи, я решусь нагрузить твоё терпение своей писаниной. Вот — нашел в старой тетради.

Заснеженные улицы Смоленска,
Заскольженные тысячами ног...
Плывут в морозе Сказки леса Венского
И чуть поскрипывает мой сапог.

Сапог — и музыка! Белое и черное!
Изящество женщин и ассенизаторский воз!
Какая бессмыслица — звуки просторные
К сапогу присоседить под смоленский мороз!

А — пусть! Не одним же туфлям постукивать
В такт мелодии подошвой каучуковой!
Пора и сапогам грубые руки
Протягивать к нотам, неизученное доучивать!

И еще.

Сутолока людного вокзала,
Тусклый свет перронных фонарей...
Ты меня встречала, снова провожала,
Чтоб опять ночами не смыкать очей.

Вижу твою руку сквозь окошко —
Жест прощанья, первый гром в грозу.
Ты, как бы споткнувшись, поотстав немножко,
В сторону уходишь, чтобы скрыть слезу.

Вот мои "твóры". Как ни зарекался — не писать больше, —
не получается. Тетради дома оставил, зато записная
книжка здесь.

На днях нужно сопровождать Шелупаева «в дальний путь
на долгие года». Кто поедет — не знаю.

Я писал тебе, что Баштовой уже приехал из Кисловодска.
На днях он собирается в Смоленск, обещает привезти
новости. Что ж, подождем.

Я получил по письму от папы и Деборы. Бабушка,
оказывается, серьезно слегла. Как с ней сейчас — не
знаю. Вчера ей исполнилось восемьдесят. Много, прав-

да? Софья, нам с тобой когда-нибудь тоже будет по восемьдесят. Вот интересно! Мы будем ходить по улицам седые и старенькие. Ты представляешь?



Сегодня мы всем гарнизоном поехали фотографироваться, и я прочел твое письмо прямо на почте. Хорошо! Ты знаешь, наверное, это очень много — верить человеку. Знать, что ты мне веришь, — для меня это очень много. И мне кажется, что одна только боязнь потерять эту веру — уже способна оградить от не совсем чистоплотных случайностей судьбы. Не подумай, что я боюсь скандалов или пощечин, нет. Я боюсь другого — быть для тебя бесчестным. Пусть я не самый красивый, не самый умный, не самый сильный и ловкий, но я — честен с тобой. Без тебя плохо, Софья. Я уже, наверное, всем надоел своими разговорами и нытьем. Мне сейчас ненавистно всё-всё, сейчас — особенно, потому что почти ничего не может отвлечь меня от страшной неудовлетворенности своим уделом. Даже сон, и тот мучителен. Я как-то не представляю себе, что когда-нибудь всё это всё-таки кончится, и я снова обниму тебя. Но будет же это в конце концов! Когда — неизвестно, но всё-таки будет же! Все советуют (да и я тоже) набраться терпения, но где его взять? А надо где-то брать и — терпеть. Надо!

Прогулка отменяется... Сколько уже отменено прогулок, Софья? Много. Мне так хотелось, чтобы ты приехала сюда именно сейчас, весной. Тут сейчас хорошо. Везде сухо, верба уже выпустила из почек пушистых разведчиков, солнышко так светит, что нам не хочется уходить в казарму.

Сегодня днем по телевизору шел фильм «Дети капитана Гранта». Пришли смотреть Гранкин с женой и сы-

ном Олежкой. Потом его жене зарябило в глазах, они вышли, Олег остался. А потом и ему надоело смотреть, он пошел домой, а дом заперт. Парень вернулся сюда и — в слёзы. Пришлось с ним идти «искать папку». Найти не нашли, но он больше не плакал: мы облазили с ним все окопы, траншеи, нашли настоящую пулю, вспомнили зиму, лыжи, зайцев, подразнили собаку Баштового. На это ушел почти час, а к этому времени «папка» был уже дома. Олег очень любит своего папку. Вообще замечательный мальчуган. Он по несколько раз на дню появляется в штабе с неизменным вопросом: «Дядя, а вы не знаете, где мой папа?» Наши все его любят. Его и Людочку Флягиных. Может, эту любовь купили их родители своей человечностью? Наверное, немножко есть. Но я себе понравился сегодня. Всё-таки Олег не плакал. Вот и у меня прогресс. Только я не сказкой покорял, а равноправием в разговоре. Но он же мужчина, надо понимать!

Пару дней назад я снова задумался, где же тебе работать? Я уверен в двух положениях: что тебе не нужно работать на Химзаводе; что тебе нужно работать там, где работа по душе. Но что тебе по душе? Стыдно, но не знаю. А сегодня вот пришла мысль: а что если в садике? Или даже в яслях, как Ляля? Я сейчас очень скептически отношусь к обязанности работать по полученной специальности. Главное — чтобы нравилась работа, а требует она для этого отнюдь не диплома о высшем образовании, а — души. Так какая же работа тебе по душе? Библиотечная? Или, может, арматурная? Надо попробовать плюнуть на техникумовский диплом, но так, чтоб об этом не пришлось жалеть никогда.

Прочел «Повесть о любви Херея и Каллирои» Харитона. Памятник литературы, перевод с греческого. Если встре-

тишь — купи, Софья, очень интересный язык, да и само мифологически-правдивое содержание интересно.

Только что звонил из Олсуфьево Костя. Спрашивал, пишешь ли ты. Всё к себе зовет. Боится, что скоро уедет от туда в командировку, и мы с ним не увидимся. Он кончал строительный факультет железнодорожного техникума, и потому сейчас возится с теодолитом — геодезист! Во как.

Эмма Иосифовна передает тебе привет, ребята все тоже. Жалеют, что обсуждение меню так безнадежно откладывается. Людочка сказала, что написала тебе письмо.



Огорчен я, и тебя сейчас огорчу. Так получается, что ехать тебе ко мне нельзя. Мы пробудем здесь еще дней десять. Потом уедем, очевидно, в Олсуфьево. Оттуда же в первых числах мая, наверное, поедем под Рязань в длительную-длительную командировку. Закончится она глубокой осенью, остается только не вешать нос и делать всё зависящее, чтобы для меня она закончилась где-то в июле-августе. Видишь, уж не в мае-июне. Наши наихудшие предположения сбылись: не дождавшись приказа, мы должны уехать. С рассеянными иллюзиями и пошатнувшейся надеждой.

Вот такие, Софья, невеселые новости, главные. Второстепенных, конечно, больше. Баштовой приехал и решил навести порядок — побрить нас, застегнуть, подпоясать и вообще «чтоб всё по-уставному». Нас с Юркой это заявление нашего бравого командира, подкрепленное выразительным движением плечами, конечно, рассмешило, но результаты налицо: «командный состав», то есть

мы с Ю. Н., ходим дежурными по штабу. Я начал с себя. Вот и сижу с Гранкиным. Он только что прочел по моему совету большую статью в «Комсомолке» — «Письмо в синей тетради» — за 14-е. Прочел, сказал: «Да, много еще дряни на свете», — и пошел отдыхать, на мою койку. Статья — ну замечательная. Пишут две сестрички о себе, о семье своей, об отце, матери. Всё как есть, без утайки. Очень интересно и — черт возьми, нет, мы не будем такими родителями, нет, дудки. Ты, если найдешь, прочти, Софья, ладно?

Вчера ты мне снилась, Соник. Знаешь как? Я приехал домой, в отпуск, а ты сидишь с сыном на руках и не можешь обнять меня даже — кормишь его. А он ручонки на грудь положил и жадно так кушает... А потом он почему-то уже большой, лет пять. Глазёнки черные и волос черный, личико круглое. Сидит у меня на коленях, и мы с ним разговариваем как взрослые. А ты рядом стоишь, слушаешь и улыбаешься. Он мне рассказывает, что дорога к какой-то тётке Поле очень грязная, и он решил настелить тротуар, и что немножко он уже сделал, и что «пойдем, покажу, как я сделал». И мы с ним идем. Смотрим. Лежат большие и тяжелые плахи и сплетенный щитами хворост. Я всё недоумевал, как же это он мог такую тяжесть тащить. Вот так. Значит, сын будет, Софья. Чуешь? Сын!

Вчера смотрели по телевизору «Любовью нужно дорожить». Ну — молодцы наши. Хорошо поставили. Да и сценарий написан хорошо. В общем, мы все во время картины яростно курили (благо не в клубе), а после долго молчали, переваривали. А когда легли — проболтали часа два. Обо всём переговорили, что касается любви, чести и женского пола вообще. Долго смеялись над Ваничкой — он утверждал, что свою жену (будущую)

работать никуда не пустит, кроме как учительницей в школу, врачом или «на другие мероприятия». Мы ему эти «мероприятия» вторые сутки вспоминаем.

Вчера днем впервые в жизни видел, как горит в поле сухая трава. Веселое зрелище! Тушили еловыми лапами. Насилу справились.

Заходила сегодня Людочка Флягина. Она меня уже не дичится. Показывала часы. (Она их, как Флягин рассказывает, только "по праздникам" надевает, в кино, например.) Ее здесь, оказывается, «пончиком» зовут.

Сонечка, пожалуйста, запиши в тетрадку еще вот что:

Как молодая роженица,
боль нестерпимую выкричав,
Ждет не дождется, страдальца,
рожденья ребенка на свет, —
Так мы на койках армейских,
терпенье до донышка вычерпав,
Ждем конца нашей муки,
домой безвозвратный билет.

/14.04/

А еще у себя в сердце и в памяти запиши, что если мы, пережив такую мучительную разлуку, будем еще когда-нибудь ссориться или просто так обижаться по пустякам, значит грош нам цена, значит, мы всё забыли. Софья, если сосчитать, сколько за эти почти три года мы задолжали друг другу улыбок, поцелуев и теплых хороших слов, то мы, пожалуй, вряд ли за всю жизнь рассчитаемся. Ведь это надо отдавать сверх "нормы", а у нас такой "нормы" нет. Не было, нет и не надо. Правда?



Здравствуй, Сонечка! Пишу из поезда — еду в командировку с Васей Охотиным и Шелупаевым. Домой вернем-

ся лишь 25-го (домой — т. е. в Сещу). Будем в Москве, в Казани. Не знаю, заходить ли к д. Роберту. Ну — на месте посмотрю. Жаль, не знаю адреса сестры твоего папы. Туда бы я зашел с удовольствием. Вот так, значит. Едем. Скоро Брянск. С дороги буду писать обо всем интересном. Не волнуйся.



Я в Москве, здесь пробудем больше десяти часов, но обстоятельства так складываются, что придется из вокзала не выходить. Жаль.

Снова Казанский, снова знакомые кассы. Ты помнишь? Пока сидели в Брянске, посмотрели «Моряк сходит на берег». Малыш мне тоже понравился, но не только он. И Вольдемар, и Кристина — тоже хороши.

Ну, всё. Из Казани напишу.



Из Казани, как видишь, открытки не вышло: прибежали на вокзал за три минуты до отхода поезда. Нашли здесь нашего Рафика Мурадяна, и он водил нас по городу. Посмотрели (я — еще раз) «Черноморочку». Я цвел: ребятам понравилось.

Итак, едем в Москву. Самое главное и сложное — позади. Шелупаева сдали, довели его «в целости и сохранности». В Суслонгере (это наша конечная станция) смотрели «Путь в высшее общество». Снова встретился с Симоной Синьоре. Вообще весь наш путь этот — путь по кинотеатрам. В дороге свои заботы и тревожнения, а сегодня весь день посвятили Рафику, и снова всё запыло: домой, домой, домой. Посмотрим, что ждет нас в Сеще. Может, ребят уже нет, да и нам вслед за ними.

Ну, всё. Приеду в часть — там уже, наверное, куча писем. Хорошо бы! Наемся за всю эту голодную неделю адресата в отлучке.

[СОНЯ]

Сегодня получила уже третье письмо, а вчера два сразу. Очень-очень довольна.

Рыбка! Я верю тебе, а когда приедешь, расскажу, почему твое письмо о знакомстве с этой девушкой в поезде задело меня.

Уже два часа ночи, только что пришла с работы, устала зверски, работы много, а настроения работать нет. Было сегодня собрание, меня оценили передовиком, но меня это не радует. Видишь ли, мне сделали великое одолжение, что оценили, а то могли и не оценить из-за того, что ругалась с Машей. С ней я не разговариваю.

А сейчас уже работаю на анализах темных. Уже сделала две контрольных работы хорошо. Еще одну осталось. Правда, до конца месяца далеко, так что мои работы еще будут проверяться.

Сеня, я очень жалею, что слишком честная, привыкла говорить правду в глаза. Люди не любят этого. Оттого и страдаю. Так что хочу жить только для нас, а не для кого-то.

У бабушки я еще не была. Всё некогда — то была отработка, то воскресник.

У нас в городе прошел циклон. Пыли было столько, что даже в комнате было тяжело дышать.

Сделала большое дело: починила все зубы.

Сенчик! Купила тебе часы. Не сердись, ведь это от меня подарок. И потом, мои часы стоили дороже, а денег у нас тогда было мало, но ты уверял, что они нужны, так что молчи.

С 1 апреля будут платить по новым ставкам — может быть, буду получать немного больше. В этом месяце я получила 600 руб. чистыми. Неплохо, правда?

Хочу к Маю пошить платье, но на рукав три четверти материала не хватит. Придется сшить японку. Оно уже не получится таким нарядным.

Уже идет вторая серия «Отверженных». Наверное, завтра пойду. Говорят, что вторая серия лучше первой. Смотрела «Белые ночи» Достоевского. Постановка понравилась, а игра не очень. Уж слишком много наигранного. Смотрела вчера картину «Моряк сходит на берег». Там играет такой чудный мальчишка семи месяцев! От такого я бы не отказалась. Эта комедия очень удачно поставлена. На ней можно отдохнуть, посмеяться. Наконец-то смотрела «Свадебное путешествие» в театре. Мы ходили всем драмкружком. Я, оказывается, очень хорошо справилась с ролью. Я даже лучше артистки сыграла, та такая противная, много крутится, а там этого не надо. Она должна быть скромной. В общем, я на что-то способна.

5-го были с Лялей и Неллей в филармонии. Слушали музыку Шопена в исполнении Дмитрия Паперно. Концерт мне очень понравился. Видишь, твоя жена просвещается.

«Янтарное ожерелье» я прочла. Мне не нравится конец. А вообще некоторые места очень точно подмечены.

Так что всё хорошо, но хочу, чтобы ты быстрее приехал, очень скучаю. Это чувствуется во всём. Даже работая, я не перестаю думать о тебе. Рыбонька! Приложи все усилия, чтобы в мае-июне быть дома!

Ну, кончаю писать. Спать хочу — погибаю. Знаешь сколько сейчас времени? 3:30 (утра) ночи. Ты помнишь ту ночь? Я написала «утра», но ведь это глубокая ночь, подходящая к рассвету. Все нормальные люди спят.

Спокойной ночи. Желаю тебе хороших снов.

Двадцать дней и двадцать ночей
Он жить продолжал, удивляя врачей,
Но рядом с ним была его мать,
И смерть не могла его доломать.

Двадцать дней и двадцать ночей
Она не сводила с него очей.
Утром на двадцать первые сутки
Она заснула на полминутки.

И чтобы не разбудить ее,
Он сердце остановил свое...

Я не знаю, чьи это стихи. Но Юрка попросил, чтобы я тебе их послала, так что прочти и напиши своё мнение.



Сейчас у нас уже настоящая весна, так хочется гулять, но тебя нет. И прогулка отменяется. Если бы ты приехал, я бы улыбалась. Я не сержусь на тебя и верю, слышишь, верю!

Ласточка! Очень хорошо было бы, если б вышло так, как ты себе представлял. Но меню, я думаю, нужно обсуждать всем. Было бы вообще неплохо.

Завтра пойду к Ревекке, а как с путевкой будет, не знаю.

Была у бабушки — она чувствует себя лучше. Во всяком случае, ходит и на пасху даже кое-что сготовила. Там произошло выдающееся событие. Таня вдруг перестала меня стесняться. Когда я пришла к бабушке, Таня бросилась мне на шею и сказала, что она меня любит. Прогресс, правда? А ты знаешь, чем я ее покорила? Сказкой.

11-го у бабушки был день рождения. Телеграмму от тебя получили. Я читала и была очень довольна. Дебора купила холодильник «Украина».

Ну что тебе еще писать? Очень надоело работать, а еще там, где твою работу не ценят.

Всё такая же худая. В последнее время опять стало пошаливать сердце. Не знаю, что делать. Хочу, чтобы ты скорее приехал.

В кружке уже в мае идем на каникулы. На этот год хватит заниматься. Но мы отстали на несколько глав, теперь ждем.



17-го у нас был воскресник, так что мне пришлось работать с 9 ч утра до 7 ч вечера. Пришла домой убитая. Очень хотелось поехать к тебе, но, рыбка, пойми, у нас ведь совсем нет денег. Даже если бы деньги можно было одолжить, то мне просто не в чем поехать. Так

что, мой родной, придется потерпеть. Хотя бы уже скорее всё выяснилось.

Вот пишу тебе письмо и перечитываю твое.

Очень тронута вниманием Баштовой и Ю. Н. Приехала бы с удовольствием, но нельзя, правда? Нужно еще немного потерпеть. Материала добирать не надо. Как получится, так и будет.

Стихи некоторые понравились. В тетрадь я их перепису.

Ласточка, родной мой! Я уже извелась, страшно скучаю. Скорее бы время летело!

У меня ничего особенного. Сейчас ни с кем не ругаюсь. Стала умницей, но надолго ли?

Привет от меня всем оставшимся знакомым.

До скорого свидания. Целую тебя крепко-крепко, как в тот день твоего неожиданного приезда.



Только через два дня будет месяц, как ты уехал, а мне кажется, годы прошли.

Ласточка, любимый мой! Сейчас я особенно чувствую разлуку с тобой. Я опять часто плачу, как в Ухте первые месяцы.

Твое письмо окончательно убило меня. Я надеялась на май-июнь. Но ведь если ты подашь документы в институт, тебя должны отпустить?

Сейчас готовимся к праздникам. Идет генеральная уборка. Сегодня стирали, в этот раз мне тоже досталось. Очень болят руки.

Нужно сделать ремонт. Мама уже купила щетку для покраски пола и ждет твоего приезда. Ведь пока эта комната считается нашей.

Хочу одного, чтобы ты поскорее приехал. Я такая несчастливая, просто не хочется жить на свете.

Смотрела «Отверженные», вторую серию. Очень понравилась, очень сильная, сильнее, чем первая. Сегодня смотрела «Великий Карузо», американский фильм. Картина мне понравилась, во-первых, потому, что у него хороший голос (поет Марио Ланца), а во-вторых, потому что сценарий по воспоминаниям его жены, значит, фильм частично документальный.

Прочла «Время больших ожиданий» К. Паустовского в журналах «Октябрь» за 1959 год. Прочитай, если сможешь, мне очень понравилось.

Ну вот и вся моя жизнь. Кончаю писать. Завтра вставать в 5:30, ты же знаешь, что это для меня муки ада.

[СЕНЯ]

Я уже "дома". Приехали вчера вечером, залпом отчитались за поездку, плотно поели (с аппетитом у нас было лучше, чем с деньгами) и легли — аж до десяти утра. Здесь меня ждали четыре письма — от всех по одному: от папы, Деборы, Толика Архипова и даже от тебя. Всего одно! А я-то думал — груда будет.

Здесь никаких хороших новостей, но уедем, очевидно, после 1 мая. Энкин отправил наши с ним документы на парткомиссию. Теперь снова надо ждать вызова. Гранкин получил разрешение уволиться в запас. Сейчас оформляет документы. Собирается поступать в строи-

тельный техникум (вечерний). Ему 34 года, у него сын, и жена ждет второго ребенка.

Макаров сейчас в Москве. Он собирается там жить и хлопочет насчет прописки. Флягин в командировке в Воронеже, скоро вернется. Нашего шофера, Ваню Рыжикова, уже отправили в Олсуфьево. Костя, как говорят ребята, 5 мая должен уехать на объект. Юрка сейчас переживает стадию «разрыва отношений». Это нелегкое дело. Но иначе нельзя. Ваничка Хачатрян ломает голову, что бы еще продать или обменять на самогон из имущества, которое не числится по книгам учета. А в остальном здесь ничего не изменилось. Только немного похолодало. Мы успели вовремя, иначе замерзли бы. Ведь выехали совсем по-летнему, в одних гимнастерках и пилотках. И всюду нас встречало солнышко, даже в таежной Марийской. Вид у нас с Васей все это время был не столько воинский, сколько боевой даже. Представь себе нас в туго перетянутых выцветших гимнастерках, в заломленных новеньких пилоточках, на богатырские груди легли ремни полевых сумок, за спиной у одного зловеще чернеет ствол допотопной винтовки, — и всё это на фоне разодетой воскресной столичной публики, в толпе ГУМа, на ленте эскалатора, в огромном зале Панорамы. Мы нисколько не смущались, мы были выше всех и вся, за исключением разве отслуживших. Но такие — а мы и их встречали — готовы были помочь нам, чем могли. Москву и москвичей я немного разглядел на этот раз. В ней было еще меньше особенного и торжественного, чем раньше.

Был у д. Роберта. Его в Москве нет, он уехал 12-го. (Прокатил Васю на лифте — первый раз в жизни.) С соседкой посидели, поговорили, тебя поругали, что

щитовидку не лечишь. Она, оказывается, приносит вреда больше, чем мы обычно думаем, а в молодости лечится быстрее и без операции. Софья, не слишком ли мы легкомысленно иногда относимся к себе? У Ревекки не была, щитовидку забыла. Плохо.

Посмотрели Казань. Но всё это чепуха. Я пишу, пишу, и чувствую, что всё это — не то, не то, не то, не то, черт бы его побрал. Настроение отвратительное. В дороге были заботы, хлопоты, поезда, билетные кассы, столовые и автобусы, а приехали сюда — нет уже ни холода, ни жесткой вагонной полки, ни голодной слюны, но нет и благодатной занятости. Тина, болото, скользкое и противное до безразличности. Знакомые лица, знакомые улыбки, приторные и неискренние, знакомое (и искреннее!) рычание злобного Винера — как всё это надоело, постыло, как измозолило каждый нерв... Один только Юрий Николаевич смягчает эту жуткую обстановку нестерпимости. Сегодня он, “некурящий”, купил конфет. Я съел несколько штук, смотрю — Юрка несет кружку воды. Знает, чёрт, что не могу я много сладкого съесть. Меня это так тронуло! Он очень хороший, Юрка. Он — верный. Он никогда за спиной моей ничего дурного не замыслит. Мне трудно будет с ним расставаться. Мы уже говорили насчет обмена квартиры. Ведь найдутся же в Одессе желающие сменяться на Ташкент. Мало ли чудачков! Вот было бы хорошо, правда? Сонь, а ты посмотри, вот когда мимо будешь проходить, нет ли таких объявлений. Хотя они в Ташкенте скорее публикуются, чем в Одессе. Ну ладно, это дело будущего.

А пока — плохо, Сонька, понимаешь? За эту поездку видел очень много ребят, попавших под сокращение. Встретили в Москве даже одного салажонка — полгода

всего прослужил, и вот — домой едет. Ну где же справедливость? Мало того, что некоторые “избранные” не служат вообще, так даже те, кто служит, не равны в своих обязанностях. Ему вот полгода можно отбыть, а мы — тяти лямку все три года. Понимаю, что мы с тобой не одни такие, знаю, что раньше флотским приходилось по пять с половиной отдать без греха, но от этого мои три не становятся ни короче, ни легче. Можно бодриться самому и подбадривать окружающих сколько угодно, но червяк подтачивает мое хладнокровие, и выдержка моя скоро прослушает похоронный марш.

Хотел спросить тебя еще раз, что же всё-таки за Юрий просил моего мнения по стихотворению, но и это, только вчера еще важное, сегодня — чепуха. Ведь не может же быть, чтобы мы, вот такое пережившие, могли быть неверны друг другу. Ведь и мучаемся мы сейчас только потому, что мне нужна только ты, а тебе нужен только я, и никто другой или другая не могут, просто не в состоянии заменить собой тебя или меня. Но это кончится. Это ведь обязательно кончится. Сонька, я тебя заранее предупреждаю, что как только я приеду, я напьюсь, как последний алкоголик, и тебе придется тащить меня к постели, разувать и укладывать, первый раз в жизни. Я буду бормотать что-то невнятное, утверждать заплетающимся языком, что я вовсе не пьян, что я сейчас пойду с тобой танцевать и ты, мол, увидишь, что я не пьян. А ты, с виду нахмуренная и злая, будешь добродушно ворочать меня в разные стороны, в душе довольная, что я, большой таковой, лежу беспомощный и бессильный, а ты вот сильнее меня, заботаешься о своем подвыпившем муже, который уже никуда-никуда не уедет. Накроешь меня одеялом и сядешь возле. Я буду искать тебя, спрашивать, почему ты не ложишься, а ты будешь говорить что-нибудь вроде

«молчи уже, молчи, пьяница несчастный. Напился — вот и спи теперь. Сам спи. Могу бутылку тебе предложить. Обнимешь ее, поцелуешь крепко-крепко — вот и хорошо будет». Да? Ух, Софья, как будет хорошо, когда это кончится! Только чтобы ничто не омрачило этой встречи, да? Не омрачит!

Вот мне и легче стало. Главное, что это не бесконечно. Это — как в командировке таежная дорога. Длинная, она тянется — как стрела, прямая, далеко-далеко вперед. Над тобой чистое небо, но вот ветви деревьев уже сплетаются в мрачную крышу с маленьким квадратиком света далеко-далеко. И ты едешь, и метр за метром разрываешь эту крышу, но квадратик остается всё так же недостижимым, и всё так же мрачно высятся по сторонам огромные равнодушные сосны. Проходит час, второй, третий, — и коридор вдруг остается позади, а перед тобой открывается вид на большое красивое озеро. И чем прекраснее оно, тем глубже вздох облегчения и радости, тем скорее забывается мрак страшного коридора. Пусть же оно будет хорошим, это озеро. Да? Да, да, да! Конечно, да! Пусть оно будет хорошим, светлым, чистым.



Сегодня получил от тебя письмо. Еще не раскрыв его, уже расхвастался, что ты у меня самая чуткая и внимательная: знаешь, что 25-го я приезжаю, и к этому времени присылаешь письмо.

Ваничка приехал с почтой, когда я уже спал — отдыхал перед нарядом. Проснулся от Юркиного голоса — он получил очередное письмо из Дубровки и вслух ругал себя, что не послушался моего совета. Стоило мне только раскрыть глаза, как сразу с трех сторон: «Письмо!»

Не буду тебя ободрять и успокаивать — это столь же трудно, сколько и бесполезно. Лучше я тебе передам сегодняшний разговор с Баштовым. Он предложил мне ехать служить в Красный Бор. Я отказался: там тяжелый начальник штаба. Баштовой смеется. Я спросил, что будет с ребятами, которые сейчас в Судакe. Он ответил, что они пробудут там до августа, а в августе вернутся сюда. А те, кто третий год, уедут домой. Так, мол, сказал Смоленск. С нами же, отосланными в другие части, должно быть якобы то же самое. По словам замполита, приказ о демобилизации солдат третьего года службы может быть в июне, но срок ограничивается августом. Поэтому вопрос, кого и когда отпустить, будет решаться командирами частей, в которых нам предстоит служить. Как они решат — видно будет. Единственное, что я могу сделать, это просить Баштового походатайствовать обо мне перед новым командиром (а он их всех знает).

Сегодня звонили из Смоленска — нам с Сашей Энкиным 4 мая надо быть на парткомиссии. А это значит, что здесь мы пробудем еще больше недели. А дальше — видно будет. Здесь всё только видно будет.

Вот так обстоят дела, а это еще не самое худшее. Поэтому — утри слезки и больше не плачь. Ладно? А то не привезу тебе подснежники.

Подснежники... Их так много в Марийской, просто целые поляны усыпаны. И уже распустившиеся.

Сегодня по телевизору смотрели спектакль «Тревожная ночь» Георгия Мдивани. Концовка, на мой взгляд, неубедительная, но сама вещь и написана, и сыграна очень недурно. И — что характерно — образ передового, хорошего юноши Мдивани воплотил не в советском парне, а в китайском, учащемся у нас в аспирантуре. Они нас

обгонят, китайцы, вот честное слово. Во всём. И в изобилии благ, и в уровне морали.

Вчера звонили ребята из Олсуфьево, звали к себе, и поскорей — уже соскучились, мол. Приятно, ничего не скажешь.

И еще одно приятное. Перед нашим отъездом в командировку как раз Пасха была. Сторож (гражданский) пришел навеселе. Винер не преминул заметить его и настаивать, чтобы о нем было доложено Баштовому. Баштовой велел отправить его домой. А тут — не тут-то было, не идет парень домой, и всё. «Я, мол, дежурить буду». С пьяным трудно говорить. Омельяненко (наш brave санлейтенант) бился добрых полтора часа и “приказал” мне выпроводить его силой. Нашел вышибалу!

Думали, что парня снимут с работы. Сейчас приехали — жив, здоров, ждет получку: не уволили. Мне говорит сегодня: «Умеешь же ты уговаривать! Если бы не ты, я бы домой не ушел». А не ушел бы домой — уволили бы. Опять, значит, я хорошее дело сделал.

Сегодня займусь геометрией. В дороге немного читал английский. Браться трудно, но я берусь. Всё же это легче, чем бросить курить, даже если за это агитирует такой репей, как Юрка.

Всё. До свидания, моя родная. Жди меня и крепись.

[СОНЯ]

Ухожу завтра в дом отдыха. Путевка попала мне случайно — одной дали, но она не смогла пойти, а я вдруг решилась.

Я просто тень, шатаюсь от ветра, я не преувеличиваю. Поэтому решила отдохнуть, а когда ты приедешь,

тогда возьму отпуск на остальные две недели. Только бы ты скорее приезжал!

Твои стихи я переписала. Открытки получила, но всего две, а обещал писать каждый день. Что, силёнок не хватило?

Приеду в город на 1 Мая. Да, путевка в Люстдорф. Я довольна, там хороший морской-степной воздух. Постараюсь поправиться.

Ласточка! Пожелай мне хорошо отдохнуть и поцелуй меня на дорогу. Хорошо?

Если тебя отпустят в институт, то должны отпустить в июле месяце, потому что экзамены начинаются с 1 августа. Подал ли ты документы?

Если временно не будешь получать письма, не волнуйся. Я там писать не буду. В город буду приезжать мало, потому что если я начну ездить туда-сюда, то не отдохну.

май'60

[СЕНЯ]

Не знаю даже, с чего начать. Я, что называется, в расстрёпанных чувствах. Перемешалось сейчас во мне несколько настроений, и хороших, и плохих.

Вот краткий "дневник" событий.

30 апреля. Денег нет. Открытки всем отосланы еще 26-го, а Соне надо дать телеграмму. Что делать? Все морщим лбы, ломаем головы. Одалживать не хочется. И Ваничка находит выход. Мы с ним направляемся в деревню, реализуем кое-какое имущество из списанного, и телеграм-

ма почти в кармане. Наконец, в кармане и квитанция. Вдох облегчения и тихая радость.

1 мая. Встаем относительно рано — не по-праздничному. Погода отвратительная. Праздника не чувствуется вовсе. По одному приходят офицеры, поздравляют. Как на грех нет света. Надежда на то, что удастся увидеть парад в Москве, — на волоске. Все — на линию. Мальцев — на столб. Свет появился, но военный парад уже закончился. На экране — демонстрация.

В час обедаем. На праздничном столе тарелка с белым хлебом, кружки с натуральным самогоном, селедка с луком, уксусом и маслом, яичница с колбасой, блины. Лязгают кружки, провозглашаются тосты. Юрка пьет за бригады коммунистического труда (Гагановой он уже изменил), я — за Сонечку.

В два часа Чурылин, пьяный в стельку, в доску, в дым, пробует начать крутить кино. Потуги напрасны. Чурылин в сопровождении Сашки Баштового под зонтиком отправляется домой. Настроение испорчено вконец. В четвертом часу появляется Ваничка с почтой. У него праздник: после двухмесячного перерыва — три письма сразу. Мне тоже письмо, от тебя. Читаю. Улыбаюсь. Доволен. В пять часов заступаю дежурным по штабу. По части дежурит Гранкин. В семь ужинаем без аппетита и обычных шуток. Все трезвы до грустной серьезности. К восьми приходит в себя и в клуб Чурылин. Уговариваю Баштового разрешить ему пускать кино. Идет «Огонек в горах». Гранкин уходит, в дежурке я один с гитарой. Пробую начать поэму об армии — почти ничего не выходит. После кино — по телевизору «Нормандия — Неман». Гранкин снова уходит, я снова один.

2 мая. Погода замечательная. В пять утра обошел всю часть — свежо и тихо-тихо. Лужицы как маленькие озёрца. Поют-заливаются проснувшиеся птички. После завтрака греемся на солнышке. Днем в клубе — «Они встретились в пути». Я — снова в дежурке. Это — “чуткость” Гранкина. Наконец, почта. Перед ее приходом жена Дырnochкина — экое внимание! — осведомляется, поздравили ли меня. Говорю, что жду сегодня. Ваничка вручает телеграмму, я объявляю об этом во всеуслышание, чтобы Дырnochкина успокоилась. В пять сменился с дежурства. Вечером по телевизору кинокомедия «Неподдающиеся», после нее в клубе — «Отверженные». После кино Флягин — уже в третий раз — приглашает к себе. Отказать — значит обидеть. Иду. Юрка не решается. Пришел — Флягин просит, если не трудно, сходить за Ю. Н. Юрка тронут, и мы уже за столом. Эмма ухаживает, Людочка заведует радиолой. Выпили, поболтали, я танцевал. Моя дама — Людочка. Она прелестно двигает ножками. Благодарим и уходим, нагруженные полдюжиной яиц — для ребят.

3 мая. Энкин оформляет документы на наш отъезд в Смоленск. Нужно сняться с довольствия и узнать, будет ли ночью поезд. Машины нет. Решаюсь ехать на велосипеде. Юрка — за компанию. Велосипед для меня — новость. Едем. Ничего, получается. Ю. Н. доволен мной, я тоже. Дорога к почте плохая, я же ни разу не упал. Возвращаемся назад. Юрка отстает. Я замедляю ход — он кричит, что догонит. Медленно еду дальше. Юрка догоняет меня и вихрем проносится мимо. Я нажимаю на педали и набираю скорость. Вдруг слетает цепь. Мне кажется, что она сейчас перекорёжит все спицы в колесе. Я наклоняюсь влево, хочу затормозить ногой, но скорость слишком велика, и тормозить приходится.

ся лицом. Встаю, вижу, что на землю падают крупные капли крови. Подъезжает Юрка. Вытираю платком кровь, выравниваем руль, едем дальше. Приезжаем — все ахают. Смотрю в зеркало — содран большой кусок кожи под глазом и аж до виска. Всё кровоточит и жжёт. Завтра ехать на парткомиссию. Лейтенант Омеляненко в Дубровке, он расписывается со своей женой. (Неужели это становится обычным?) Приходится обходиться без врача. Промываю водой, Юра прижигает йодом. На гимнастерке не хватает двух пуговиц, брюки на левом колене протерты до дыры, на обеих руках ссадины. Но я доволен собой — ведь в часть я вернулся на велосипеде! А Юрка втайне думал, что я на велосипед уже не сяду. К четырем часам направился за деньгами. Встретил Надю, она уезжает в техникум. За все праздники видела Костю всего несколько минут в Олсуфьево. Сюда его не пустили, и даже там не дали увольнения. Надя в брючках. (Неужели это становится обычным?) В шесть часов в клубе «Добровольцы», Быстрицкая. Потом по телевизору «Только женщина», производство «Дефа».

4 мая. Около трех ночи выходим с Энкиным. Ночь тихая и теплая после прошедшего вечером короткого ливня. Рассказываю ему «Только женщина». Незаметно приходим к вокзалу. Уже в поезде заканчиваю рассказ и устраиваюсь на “демократической” (по Анатолию Кузнецову) третьей полке. В Смоленске прямо с вокзала в политотдел. Напряженное ожидание. Три часа кажутся бесконечными. Наконец вызывают Энкина. По доносящимся оттуда урывкам разговора чувствую, насколько плохи наши дела. Серьезной помехой становится Шелупаев. С большим скрипом, учитывая возраст (Энкину уже 29 лет), его принимают. Следующий — я. Рассказываю автобиографию. Отвечаю, не с па-

тентом ли работает мой отец. Говорю, кто родители жены. Подтверждаю, что Шелупаев из моего отделения. Освещаю положение в Южной Корее. Но это не главное. Главное — Шелупаев. ЧП на всю нашу воздушную армию. Единогласный отказ. 30 минут ожесточенного спора ни к чему не приводят. Решение собрания не утверждено. Всё. Едем обедать. Потом — в кино. «Великий Карузо». В гостиницу. Телевизор. «Страница жизни» о Чайковском. И — спать. Наутро (5 мая) завтрак, фотография, час в ожидании снимков Энкина, снова политотдел, минут на сорок моя беседа с председателем парткомиссии, резкая и чуть откровенная. Наконец Энкин получает кандидатскую карточку. Поздравляю его, идем обедать в солдатскую столовую и пешком (в кармане деньги на книгу для Лавровой и рубль двадцать мелочью) — в город. Энкин любит автоматами газированной воды, и я демонстрирую их работу. Наш карман худеет на 60 копеек. Покупаем Лавровой «Книгу молодой хозяйки» и едем на вокзал. В шесть часов вечера берем курс на Сещу. В полдвенадцатого звоним Амелину, а минут через десять к нам подъезжает наш “одноглазый циклоп” — учебная машина. Юрка не спит. Я его огорчаю. Мое настроение явно никудышное. Открываю тумбочку — там письмо. От тебя. Пробегаю глазами, торможу Юрку. Парткомиссия, бессонница, голод — всё как не бывало. Юрке, конечно, не понять, да и моя партийная неудача очень его огорошила. Но я — я уже в норме. Соник любит, Соник переживает. Значит — всё хорошо и можно улыбаться, даже если велосипедная награда при этом морщится и болит. Всё хорошо и — не волнуйся.

Сейчас уйдет машина, и я боюсь, что не успею отправить письмо. Баштовой говорит, что здесь мы будем еще

долго. Значит, 10-го не уезжаем. Это хорошо. Отсюда по вызову уехать легче.

Ну, всё. Привет от Ю. Н., от Флягиных (они благодарят за открытку), от Нины (это она мне бумагу дала на письмо, наказала, чтоб всю исписал, а мне даже мало). До свидания, родная моя. Не скучай. Ведь осталось немного. Поправляйся.



Получил твое письмо — в партии такие, как я, не нужны; ты не будешь писать из дома отдыха.

Я не спрашиваю, любишь ли. Я знаю, ты скажешь, что «да». И будешь уверена, что говоришь правду. Но ты говоришь и то, что можешь не писать, хочешь не писать, пока отдыхаешь, что отдохнуть надо не только от работы и от домашних забот, но и от писем ко мне. И уверена, что и здесь говоришь правду. Но ведь в одном сердце не могут ужиться два таких разных чувства, как «не могу без тебя» и «отдохну от тебя». Знаю, что второе не может появиться, если живет первое, зато первое можно произнести, даже когда живо второе. Не из желания обмануть (ты не стала бы сознательно обманывать, да и зачем тебе?), а из подсознательного стремления выдать желаемое за действительное.

Я хотел быть ехидно-ироничным — ничего не получилось. Впрочем, попробую. Давай-ка на минутку поменяемся местами. Я говорю: «Сонечка, дорогая моя, делать нам сейчас нечего, отдыхаем. Так что я тебе недели две писать не буду — ты же, конечно, не против того, чтобы я немного поправил свои разболтанные нервы». Что ты ответишь мне? Нет, ты скажи, чем ты ответишь мне? Четырнадцать письмами? Неужели?

Коротко о себе. Очень доволен, что выздоровела, что была у бабушки. Получил письмо из института. Документы принимают с 20 июня, а не с 1-го.

В партии только такие, как я, и нужны, но я не унываю. Пока написал письмо Члену Военсовета. Теперь жду. Недавно получил письмо — неожиданно — из «Сокола». Просили что-нибудь прислать. Написал на скорую руку, но от души — «Летчику Пауэрсу, американскому шпиону». Как тебе нравится вся эта кутерьма?

Занимаюсь плохо, особенно последние дни. Очень скучаю по тебе.



Вчера я отправил тебе письмо. Сегодня — отправляю второе. Здравствуй.

Должен сказать тебе, что я, очевидно, схожу с ума. Я стал невыносимым. Я часто не хозяин своих моралей, а их раб. Я больше и больше начинаю походить на старую скрипучую перечницу. Вчерашнее письмо — взрыв глухого эгоистичного бешенства, реакция на твою или оплошность, или нечуткость, — не знаю. Но я не должен был это письмо отправлять. И — это не значит, что ты во всем права. Ты не должна была отказываться от писем ко мне, не должна была задерживать ответ на мое письмо. Вот это я хотел сказать. Зачем? Не знаю. Я хочу, чтобы всё или стало на свои места, или полетело ко всем чертям. Эта высокологичная дипломатия насытила меня по горло. Давай проще: любишь — люби, нет — скажи прямо. Ты понимаешь меня? Вот и всё. Только — пожалуйста, слышишь, пожалуйста — не задерживай ответы. Неужели ты не понимаешь, что значат твои письма? Впрочем, пиши, когда вздумается. Неволить не хочу.

Я раздражен и взвинчен. Может, и это письмо не надо отправлять. Может. Но — я отправляю. Ты должна всё понять.

До свидания. Целую тебя. Твой Сеня.

[СОНЯ]

Как тебе не стыдно, ничего ведь страшного не случилось, когда ты не писал мне десять дней? Ну конечно, тебе можно всё, ты же муж.

А несмотря на то, что я сказала, что не буду писать, пока буду отдыхать, я написала два письма. Я хотела отомстить и тоже не писать, но видишь, не выдержала.

Я поправилась на два килограмма, но благодаря только лежанию и ограничению во всех играх и прогулках.

Пришла из дома отдыха и сразу заболела. Сегодня уже вышла на работу, но чувствую себя еще неважно. Кашляю сильно, а рентген хороший.

Вчера у меня была Дебора, и я договорилась встретиться с ней и бабушкой у мамы. Так что сейчас отправляюсь к маме. У нее уже сделали наружную антенну, телевизор работает прекрасно.

Читаю сейчас «Гойю». Очень увлекла меня.

Приезжал Д. Ойстрах, но мы не могли достать билеты. Ляля слушала его по телевизору, а я себя плохо чувствовала и не могла пойти. Теперь, говорят, должен приехать Ван Клайберн. Нам обещали достать билеты.



Когда я получила от тебя письмо, меня всё так возмутило, что я хотела ответить тебе грубым письмом, но

немного погодя я остыла и поняла твое состояние. Ты тоскуешь, тебе всё надоело, тебе хочется быть со мной. Глупенький! А мне разве не хочется этого? Мне так же тоскливо и так же надоело всё. Но теперь я не дождусь 20 июня сначала, а потом июля. Я уверена, что тебя отпустят в институт, и ты в июле будешь дома. Рыбочка! Я виновата перед тобой, но я написала, ничего не думая плохого. Я надеюсь, что ты меня прощаешь.

24-го получили от тебя телеграмму — текст очень странный. Я думала, что 25-го ты поздравилшь Майю с днем рождения, но второй телеграммы не было. Неужели ты забыл? Ты перестаешь быть внимательным к моим родным. Это значит, что теперь тебя это меньше интересует.

К Майе пришли Лиля с Лёней (она с ним встречается давно) и Борис с Неллей. Это было очень внимательно с их стороны. Тебе от них привет. Все спрашивают, когда ты приедешь совсем.

Да, Сенчик, твоей жене преподнесли ужасный комплимент: мне дали 33 года. Ты представляешь, какой это ужас? Конечно, когда женщина бывает в обществе, смотрит за собой и пользуется вниманием, она выглядит моложе, а если сидит в подвале и тоскует в ожидании, то она стареет и увядает.

Пиши обо всем и не надо больше ругаться, хорошо? Чувствую себя неважно, всё еще кашляю. Но ничего, это пройдет.

Вчера мою контрольную передали на арбитраж. Получилось хорошо. Я довольна, но не знаю, как другие мои работы.

Сенчик! Если достанешь 3-й том Бальзака нового издания, прочти «Онорину». Я так потрясена была! Но сейчас, конечно, такого нет.

[СЕНЯ]

Вчера ночью мы с Юркой долго не могли заснуть. Ворочались молча, потом он выругался вполголоса. Я окликнул его. Мы закурили. Он сказал, что ему чего-то хочется особенного. Потом понял — морсу. А я ничего не хотел. Я хотел только, чтобы ты лежала на моем плече, чтобы я чувствовал, как моргают твои реснички, чтобы спросил: «Любишь?» и услышал тихое-тихое «Ага!». Юрка только вздохнул. Он — добрый, и понимает меня. Мы заснули в пятом часу. А днем принесли письмо от тебя.

Мне очень тяжело, Софья. Целый день я только и делаю, что думаю о тебе, о доме. Больше здесь делать нечего. Я хочу быть с тобой, ходить с тобой по улицам, целовать тебя. И — не могу. Должен ждать! Целых два месяца! Пойми меня, я не совсем один виноват, что я плохой.

Позавчера ночь была темная-темная, хоть глаз коли. И очень тепло было. А ты там, я здесь, и прелесть ночи ничего уже не стоит. Она может только терзать, терзать. Как я живу? Большим событием было наше с Юркой решение следить за собой, не опускаться. Теперь бреемся через день.

В свое время я писал генералу насчет приема в партию, помнишь? Так вот, получил ответ. Конечно, он согласен

с решением парткомиссии. Конечно, я не успокоился и написал ему еще одно письмо, довольно резкое. Баштовой с интересом смотрит на меня и улыбается: что, мол, за переписка с генералом? Он же перед ним навтыяжку стоит — как бы должности не лишили.

«Сокол» напечатал моё «Пауэрсу». Сократили на две трети, кое-что упростили — в общем, как всегда.

Занимаюсь, но начинаю сомневаться, что запомню всё, что написано в этих умных книгах. Несколько дней не занимался вообще.

Ну, будь здорова. Крепись, мой Соник, на свете всему приходит конец, и ожиданию тоже.



Состояние — ты знаешь это состояние — не плачевное — отчаянное. Время тянется, ползет, не торопится, — и ты ничего не можешь с этим поделать. Руки за голову, глаза в потолок и жди, жди, жди.

Я с тобой исходил уже всю Одессу. Мы с тобой были в Лузановке, купались, загорали — почти одни. Мы с тобой как-то рано-рано утром, в воскресенье, пока трамваи пусты, уехали на Куяльник, и я тебе показывал грязелечебницу, санатории, киоск с мороженым. Однажды мы доехали 29-м трамваем до самого конца и пошли пешком далеко-далеко, добрались до какой-то рощи с густой и мягкой травой. Расстелили скатёрку, достали рюмки, выпили за нас с тобой, потом уснули, обнявшись. Мы как-то взяли Таньку и пошли с ней в зоопарк. Катали ее на пони, ты с ней кормила обезьян конфетами. Потом мы сидели в кафе «Мороженое» на Дерибасовской и Танька держала стакан с коктейлем двумя руками. Мы гуляли

с тобой всю ночь и катались на детских лодочках-качелях, а потом с бульвара смотрели, как встает солнце. Я носил тебя на руках, я ухаживал за тобой в театре, я приносил тебе с работы цветы и конфеты... Разве всё перескажешь, Софья, если это — каждый день, каждый час.

Рядом со штабным крылечком какая-то пичуга свила себе гнездышко. И сразу со мной рядышком появилась ты, подняла ко мне улыбающееся личико и сказала: «Ой, Сенька, какая она маленькая! И близко-близко! Я ее даже руками могу достать! Можно?» И засмеялась, зная, что не будешь ее доставать — она ведь может испугаться и улететь!

Вот так каждый день. Ходишь, вздыхаешь, страшно ругаешься и смотришь на часы — скоро ли кончится этот длинный день? Я недаром писал тебе, что схожу с ума. Это начинает походить на правду. Вот уже три дня у меня болит голова. С перерывами, целый день.

Привет тебе от Флягиных, от Ю. Н., от Кости (я получил письмо).



Вот уже кончился день, “пан” Ечюс выключил телевизор, а Ваничка с Васей упрятались под одеяла. Тихо. Нам никто не мешает.

Сегодня получил сразу два письма — твое и Ильи (тебе привет). Как-то так совпало, что к тому же и день сегодня на редкость красивый, что ли. Я Юрке сказал, что день как в Одессе. Днем, до обеда, у нас шла вторая серия «Поднятой целины», мы выходили из клуба, и вид был почти как на главную аллею Лермонтовского курорта в погожий день. Не хватало только самого курорта. (Кстати, курорт не через два «р» пишется?)

Я мечтатель и фантазер. От этого и легче, и — труднее. И всё же лучше быть мечтателем, чем ограничить понятие о счастье коркой хлеба. А?

С телеграммой просто непонятный казус. Я отправил ее с Ваничкой 24-го днем в расчете, что принесут ее 25-го. Но сам-то текст не должен был быть странным. Соник, ты напиши, как же телеграмма выглядит?

Что у меня нового? Да почти ничего. Разве что на вечернюю картину запоздал минут на 15 (ужинал), так Дырночкин проворчал, что, мол, не надо было открывать мне дверь. Я не нашел ничего другого кроме как выйти и хлопнуть этой дверью. Ведь какой хам — не видел вначале, кто вошел; ему Баштовой говорит, мол, Кравец это, — всё равно — «пусть не опаздывает». Вот шаромыга! Ну, я с Юркой по телевизору «Даму с собачкой» смотрел. А на-строение уже исковеркал.

Как подвигается учеба? Вот короткий отчет: прочел всю алгебру, геометрию, тригонометрию. Физику за 8-й и 9-й классы. Но — дела идут туговато. В задачнике по алгебре нашел раздел «Задачи по всему курсу алгебры» — из задач, бывших в свое время на выпускных школьных, на приемных вузовских экзаменах и на математических олимпиадах. Очень удобно. Знать это — это знать всё, что нужно. Сегодня взялся за задачи. Четыре решил, пятая — ни в какую. Ну вот, рук не опускаю, но бодрая улыбка не выходит. А в общем — прорвемся! Машины не будет. Будет работа, будут новые дома, ты будешь довольна арбитражем своих контрольных, будет много будничного, простого, обыкновенного. Машины не будет. Будет трамвай. Самый лязгающий. И в трамвае будем мы. Вдвоем. Нам будет хорошо. Даже без машины. Это — будет. К этому мы обязательно прорвемся.

Всё еще кашляешь? Но — не унывай. Это действительно пройдет. И — знаешь — мне кажется, что стоит мне приехать, как с тобой ничего не будет больше случаться. И кашля тоже. Тебе не кажется?

«Онорину» я вряд ли прочту. А впрочем — попробую.

Привет тебе от Ю. Н., от Эммы Иосифовны. Людка молчит, но улыбается беспрестанно.

Добрых снов, Софья. И я тоже сейчас закурю, разделюсь и выключу свет. Сегодня целый день не ложился на койку, чтоб устать. И вот — глаза уже болят, но чувствую, что опять не засну.

Р. С. Соник, сегодня в «Красной звезде» интересное письмо. Что ты о нем скажешь? Почитай. И — кстати — в «Комсомолке» был небольшой уголок — отклики на сообщение о проекте коммунистического города. Понимаешь, восемь студентов-архитекторов предлагают проект города, такого, каким должен быть город при коммунизме. Во всех отношениях. Уровень предприятий коммунального хозяйства, планировка самого города, устройство быта — в общем абсолютно всё как при коммунизме. Там есть письмо мужа и жены, молодых, конечно. Они просят включить их в строителей и жителей этого города. Правда, говорят, у них маленькая дочка, но если там яслей сразу не будет, они смогут оставить девочку в Москве, у родных. Молодцы, правда?

Ну всё. Уже второй час ночи, уже 30-е. Кончается май. Осталось немного — в обычном измерении.

(Пришел с гулянья Юрий Николаевич. Вся семья в сборе.)

Ложусь.

Не скучай, Софья. У меня такое ощущение, будто если я сейчас ложусь без тебя, — это значит, что я тебе немножко изменяю. Смешно, да?

июнь'60

[СОНЯ]

Вчера пришла с ночной и легла спать, а ответить тебе на письмо решила потом. Еще лежа в постели получила второе письмо, так что отвечаю на два сразу. (Рыбонька! Я вот написала, что сначала легла спать, а потом думала ответить на письмо. Не сердись, ведь ты же знаешь, как я устаю на работе. Ты не сердишься, правда?)

Потом встала, пообедала. Собралась писать письмо тебе — пришла Белла, стали говорить о Бальзаке, о жизни, об уме женщин — в то время и в наше.

Пришел к Ляле один парень, Толик, мне он очень нравится и тебе тоже понравился бы, он очень обходительный, приятный, не позволяет себе ничего лишнего ни в разговорах, ни в жестах. Они пошли в город и пригласили меня с собой. Я сначала не хотела, но потом согласилась. Когда подошли к «Хронике», увидели, что идет фильм «Любовь с первого взгляда». Решили пойти. Я смотрела и вспоминала тебя, рыбка. Помнишь, мы смотрели его вместе? После кино (а мы ходили на последний сеанс) они проводили меня до автобуса. Я поехала на ночную.

Вот теперь видишь, что я начала письмо, а не закончила. Сегодня работы меньше, чем всегда, поэтому появилась возможность написать на работе.

Новостей у меня никаких. Работаю, со сходимостью, кажется, благополучно, а вот с Машей ругаюсь по-старому.

Рыбка! Удивительное совпадение. У меня тоже три дня болела голова ужасно, просто раскалывалась от боли. Вчера первый раз после дома отдыха была в кино. Собираемся 4-го в театр на «Привидение» Ибсена.

Рыбонька, мой хороший, мой самый лучший! Я так люблю тебя и в мечтах побывала с тобой уже везде. Хочу, чтобы ты скорее приехал и носил меня на руках, ты ведь знаешь, как я люблю.

Дни, как резиновые, тянутся слишком долго. Сейчас мне каждый день кажется годом, а месяц — вечностью. У меня вся надежда на то, что тебя отпустят в институт. Готовься, но если не попадешь, не страшно, стыдно будет, но ничего, ведь ты будешь со мной, а это главное.

Рыбочка! Мне понравилось стихотворение, даже очень. Хорошо, просто и ясно написано, без всяких выкрутасов. Ляле оно тоже понравилось.

Насчет того, как принимаю твои письма: я счастлива, мне мой муж пишет такие чудесные, милые, теплые и любящие письма, если, конечно, не просто слова, а слова, идущие от сердца.



Очень прошу, прости меня за задержку письма. Объясню, как всё вышло.

7-го я пришла в два часа ночи с работы и застала от тебя письмо, которому очень обрадовалась, впрочем, как всем твоим письмам. Прочла, но отвечать некогда было, потому что в 5:30 утра уже надо было встать,

а в семь наша группа от завода уже выехала в Херсон на их Химзавод. Там писать абсолютно не было возможности, весь день так был был заполнен, что у нас даже не хватило времени позавтракать и поужинать.

Когда ехали в Херсон (автобусом туда и обратно), то останавливались в Николаеве — ненадолго, так как было ограничено время поездки — 48 часов. Николаев мне не понравился: грязный, пыльный, небольшой городок, но теперь он застраивается. Проезжали через Южный Буг по Варваровскому понтонному разводному мосту.

В Херсоне завод больше, чем наш, но наш чище и зеленее. Лаборатория и постановка работ мне совсем не понравились, у нас лучше.

Были в самом городе (завод за городом), пробежали по центральной улице, зашли в парк. Парк у них красивый, очень много роз.

В первый день ходили на заводской вечер. По случаю присуждения коллективу драмкружка звания театра народного творчества они показали два отрывка из пьесы. Мне понравилась их игра, нам и не сравниться.

На второй день было совещание у главного инженера. На заводе есть свой катер, и они предложили покатать нас. Мы поехали в Каховку. Какая прелесть Днепр! Его берега так живописны, особенно правый! Каховка мне очень понравилась, очень чистый, новый город. Много зелени, роз, красивые здания. На шлюзах мы не были, потому что было мало времени.

Вернулись в Херсон в 12 ночи и сразу же отправились в Одессу. Ночь промучились в автобусе, утром 10-го

приехали домой. Устала страшно. Я всю ночь еще мучилась от страшных болей в животе, вот и сейчас болит, не знаю, отчего.

Спать хочу — умираю.

Ласточка! Дай мне свои губы, я поцелую тебя и усну. Хорошо? Вечером я напишу тебе всё остальное.

Как бы я хотела быть с тобой! Приезжай скорее, слышишь? Я страшно скучаю и ужасно выгляжу. Я очень люблю тебя, слышишь? Я говорю это тихо, будто во сне. А впрочем, я уже усypаю. Видишь, сколько ошибок?

Родной мой! Прости меня за слабость.



Я знаю, ты очень сердисься, ну и пусть. Ведь ты через месяц будешь дома, это прелесть! Я как сумасшедшая, понимаешь? Я так счастлива, так счастлива, что нет слов для выражения.

Ласточка, родной мой, мне даже не верится, что ты теперь никуда не уедешь, а будешь всё время со мной. Но этот месяц с чем-то мне дастся очень тяжело, потому что для меня это вечность. Конечно, я понимаю, что еще немного, но это понимает разум, а сердце хочет быть с тобой немедленно.

Отвечу тебе на оба письма сразу. Не сердись на меня, хорошо? Просто днем меня разбудили, надо было вещи выветривать и наводить порядок, а я совсем мало поспала и перед ночью не спала, так что свое обещание не выполнила. Я очень устала, ты ведь знаешь

мою работу. За всю ночь я даже не присела, веришь? Сегодня выходная, и вот пишу.

Очень жаль, что ты не сможешь привезти цветы, ты ведь знаешь, что я их очень люблю и благодарна тебе за внимание. Но ничего, приезжай сам, а когда ты будешь, у нас должно всё цвести.

Ласточка! Насчет работы — ты меня не сманишь. Но говорят, что железобетонные конструкции отходят, так как железобетон гораздо дороже бетона. Мне кажется, что на тебя очень подействовала «Верность» Локоткова, тебе не кажется?

Вчера вечером получила документы. Очень довольна твоими характеристиками.

Сегодня воскресенье, а завтра — понедельник и тринадцатое число, а я суеверна, так что 14-го Борис и я отнесем документы в институт. Как только придем из института, сразу напишу обо всём. Только прошу — не волнуйся и готовься.

В Херсоне видела Свету Миропольцеву, она сказала, что Света Семененко разошлась с Павликом Малишенко, будто он пил и гулял. Она сейчас живет у своих родителей. Жалко сына. Дети всегда остаются жертвами. Твоя Марго живет в Сочи. Вот все последние новости.

Ну, будь здоров. Желаю успехов и воли к подготовке. Сейчас читаю Ремарка «Жизнь взаймы», есть умные изречения. На очереди много книг, но хочу читать пока только Бальзака. А тебе ничего нельзя читать, ага!

[СЕНЯ]

Обычно я жду, пока «наступит в мире тишина», и лишь потом сажусь за письмо. А сегодня — не хочу.

Вот Шульженко — по телевизору мешает — «Сколько раз я ходила на этот вокзал...» Мешает писать. Хотел о другом, а теперь — сколько раз ты ходила на этот вокзал? «Свидания, прощания, сердечные признания, любовные страдания...» Наверное, у людей слишком много общего. И в нас с тобой ничего необыкновенного нет. Нет, неправда.

Хочу, чтобы никакие другие впечатления не ворвались во впечатления от твоего письма.

Сонечка, ты знаешь, а Толик мне уже заочно нравится. Ты ведь хорошо знаешь, какие мне не нравятся, значит — хороший парень. И знаешь о чем я еще подумал? От того, какой у Ляли будет муж, в некоторой степени зависит и твое отношение ко мне. Ты ведь ее чтишь, как божество, ты прощаешь ей даже то, чего не простила бы себе. На нее глядя, судишь о многом, и даже понятие «достоин любви» будешь заново переоценивать, сравнивая меня с ее избранником. Так ведь?

Софья, у нас сирень цветет. Прямо под окнами. Пахнет так хорошо! Когда я буду ехать домой, ее уже не будет. И ландышей не будет. Жаль.

Вот у тебя всё на работе хорошо кроме отношений с Машей. А у меня — нет. Я, правда, не ругаюсь, ругают меня. Я же молчу и посапываю в две дырочки. Недавно перед заступлением в наряд лежал в ленкомнате, отдыхал и — курил. Баштовой зашел, разнес в пух и прах за беспорядок в казарме. Действительно, смешно: пять человек — и всё вразброс. Но это и понятно: обстановка разлагает. И вот наш «умнейший из мудрейших», «слуга

народа» Винер, сто чертей ему в печенку, делает “дипломатический” ход — под батину горячую руку подсовывает на подпись мою служебную характеристику. Я не валю с больной головы на здоровую, но подождать он же мог? Мог, шаромыга. Ну, Баштовому ничего не осталось делать кроме как дать мне недельный испытательный срок — подпишет через неделю, если беспорядка не будет. Прошло три дня — пока порядок. Впереди еще четыре. Подпишет Павел Логвинович, куда он денется от своей доброты?

Соник, как только всё будет готово, я вышлю тебе документы. Хочу, чтобы Борька попытался сдать их раньше 20 июня. Я ему написал, он должен к тебе зайти. Хорошо, если вы сможете пойти вместе.

Сонечка, я готовлюсь. Честное слово. Вот Юрка мне физику за 10-й класс привез из Дубровки, пройду ее — и снова за задачи — по математике, по физике. Света Флягина принесла вчера «Молодую гвардию» — читаю на перекурах. Боюсь сочинения. Вот. Английским не занимаюсь, хотя очень не уверен, что Ляле удастся натаскать меня за две недели.

Всё-таки очень не хочется проваливаться. Дело ведь не только в том, что стыдно. Вчера вот в «Комсомолке» была статья одного академика «Вечный камень» — о цементе, бетоне и железобетоне. Прочел — и физику взял в руки с твердой решимостью поступить в институт во что бы то ни стало. Бетон — это захватывающее будущее. Железобетонные самолеты — странно звучит, правда? Оказывается, можно. И очень может быть, что делать их придется и нам с тобой, супруга инженера железобетонной специальности. Не всякому на этом свете всё же дано свой камень ставить навечно. Может, и ты свои

пробирки бросишь, начнешь испытывать кубики бетона на твердость по Бринелю? (Я говорю таким тоном, будто мне уже завтра защищать диплом, правда?)

Значит, мой Пауэрс тебе понравился? Ты так редко хвалишь мои стихи. Я кое-что написал к 21-му, но не знаю, посылать ли. Рифмы и размеры так связывают, что порой очень трудно сказать то, что хочешь, и так, как хочешь. Боюсь рассмешить, если не расстроить.

Что-то я еще хотел. Да, об уме женщин во времена Бальзака и сейчас. Не знаю, как во времена Бальзака, но раньше, по-моему, женщины в духовной жизни были более жадными и взыскательными. Как ты думаешь, моя «серенькая обывательница»? Да, вот что я еще хотел. Флягина увольняют в запас. Это уже почти точно. На днях поедет в Брянск на комиссию. Жаль. Ему ведь до двадцати пяти всего три года осталось. Поедет под Москву, в Егорьевск, в райцентр. Там его родина.

Буду заканчивать. Я сейчас «в форме» — спокоен. Целыми днями меня не трогают, и я занимаюсь, занимаюсь, занимаюсь. Это — и необходимость, и некоторое спасение. Всё. До следующего письма.



Сегодня получилось как раз так, как я предполагал: получил письмо от тебя и ответ от Баштового. Видишь, всё складывается не так уж плохо.

Мне всегда немного стыдно быть ласковым, и в жизни, и в письмах. Ты заметила? Я же мужчина, а мужчины сдержанны, иначе они не мужчины. Чувства у нас много, но оно почти никогда не выходит наружу полностью.

Телеграмма нас всех здорово рассмешила. Ведь это же анекдот! «Молча поздравляю», «пardon, целую». Если

судить по этому случаю, десятка через два телеграмм я буду изъясняться не только на французском. Смех смехом, но я представляю, какое впечатление произвела телеграмма в Одессе. Чего только не напридумывают остроумные телеграфистки! Ваничка собирается завтра на почте учинить скандал. Ведь это тень на его почтовую репутацию! Но сейчас всё всем ясно?

Софья! «Дама с собачкой» мне, конечно, понравилась и, конечно же, затронула. Юрке я тогда сказал: «Странная вещь: я поборник супружеской верности и ценитель чести — здесь против и верности, и чести». Жалко их. Так, конечно, жить нельзя, а на развод вряд ли они решатся, особенно он. И я вправе жалеть, потому что со мной такого уже не случится. Значит, я и сильнее, и богаче. Но мне тогда немного страшно стало: а вдруг с тобой такое произойдет? Понимаешь, Соник, до сих пор никак не могу убедить себя, что то, что ты любишь меня, — это на веки вечные, это незыблемо, как «дважды два — четыре». Мне всё кажется, что придет такой день, и всё кончится, как чудесный сон, что появится что-то, более значительное, чем я, и если придется выбирать, ты выберешь это другое. Самое страшное то, что я могу оказаться таким же бессильным, каким был муж «дамы с собачкой».

Сонечка, я должен признаться, что успехи в занятиях склонны идти на убыль. Чем ближе к дому, тем тяжелее укладываются в голову напряженности и углы преломления. Но я еще держу себя в руках.

Когда приблизительно смогу быть дома? Скорее всего числу к 20-му июля. Но важно, чтобы вызов пришел сюда поскорей. Авось Баштовой отпустит пораньше, чтоб подготовиться. Соник, ты чувствуешь, что скоро конец? Даже не верится.



Вижу по твоему письму, что ты действительно счастлива. Не рада, не довольна, а именно — счастлива. (Странно, миледи, что Вы не боитесь этого слова: ведь оно тоже относится к разряду “громких”.) И я счастлив. И потому, что Баштовой меня отпустит, и потому, что ты так это восприняла. Софеей, всего месяц, ты чувствуешь? Месяц! Не три года, не год, а — месяц! Каких-то тридцать дней. Пусть они длинные, пусть они ужасные, бесконечные, но их — всего тридцать. А потом... У меня никак не укладывается в голове, что я тебя скоро увижу. А ведь это будет. И — готовься! — уж я с тебя спрошу за все оскорбления, на которые ты не скупилась в письме. «Бумага всё выдержит», да?

Дорогая супруга! 15 рублей — это немало. Учтите: тот, кто распишется 3 января 1961 года, уплатит уже не 15 рублей, а всего 1 рубль 50 копеек. Всего! А это значит, что Вы — в любом смысле дорогая. И посему позвольте мне называть Вас так, как мне заблагорассудится. До сих пор ты не чувствуешь, любима ли ты... Значит, я грубиян и эгоист и не умею вести себя с женой, с женой и красивой, и умной. Красивой — потому что красивой, а умной — потому что глупый человек уже даже грубости и эгоизма не увидит, не почувствует. Вот. И не обвиняй меня в лести. Да и вообще, синьорина, Вы верите, что Ваш супруг немного разбирается в людях?

Соник, ты знаешь, у меня сейчас отличное настроение. Я — весел. Я даже не смог бы язвить, хотя при желании можно найти повод. Но у меня нет такого желания. Я хочу улыбаться и чувствовать, что ты счастлива. Давай вприпрыжку через площадь к Потёмкинской? Побежали?

Соник, ты помнишь, я как-то сказал, что написал кое-что тебе? Так вот — уже отправил. Послал, как говорили в старину, — «с нарочным». “Почтальон” этот известен всему «бессмертному гарнизону» одной неискоренимой странностью: он очень любит спать на левом боку, а когда его внезапно перевернешь на спину, — он издает редкий звук не менее редкого недовольства. И главное — неисправимый!

Сонечка, о Локоткове еще рано говорить, приеду — его роль сама выяснится. А вот что железобетон отходит — это тебе неправду сказали. Он дороже бетона, это верно. Но дешевый бетон не может заменить армированную конструкцию. Это в какой-то степени аналогично чугуну и стали. Чугун-то дешевле, а вот по свойствам он — далеко не сталь.

Ну и, наконец, самое главное: не нужно никаких извинений. Я сейчас знаю: не написала — значит, не смогла. Так оно и случилось. Ждать я ждал, очень ждал. Но — не обижался, не сердился. Как никогда! Ты замечаешь во мне перемены?

Самые важные новости. У нашей мухобойки вывелись птенчики. В казарме появился приبلудный котенок, бело-черно-рыжий. Я немного загорел (уже три раза был на речке). В общем, приеду — расскажу обо всем, о чем только захочешь слушать. А сейчас — молчу.

Заканчиваю. Ваничка уже спрашивает, сколько можно писать. Надо тушить свет.



Сонечка, родная моя! Ты даже не представляешь, какие мы с тобой счастливые. Ведь совсем недавно, буквально

несколько часов тому назад мы с тобой были на краю новой мучительной неизвестности. Но — всё по порядку. Вчера, в день твоего рождения, который мы собирались празднично отметить, — в этот самый день пришла телеграмма из Смоленска, в которой нам — Юрке, Ваничке и мне — предписывалось до 28 июня отбыть в Могилёв для прохождения дальнейшей службы. Праздник омрачился. Для ребят рушились надежды, что в августе они обязательно уедут, для нас же с тобой рождалась новая неизвестность: отпустят меня из Могилёва или нет. Вчера я дал Борьке телеграмму — просил выслать вызов немедленно. А наутро здесь стало известно, что нас вовсе не собираются держать до 25-го, что нам предстоит уехать в ночь на 23-е. Я совсем было сник. Ведь по моим расчетам вызов мог в результате телеграммы прибыть не раньше 24-го, а тут — ехать... Документы уже были готовы. Юрка уже снял всех троих с довольствия. И вдруг — почта. Ваничка привозит два твоих письма, теплых, замечательных два письма, — и в одном из них — вызов. Я сразу пошел к командиру. Баштовой позвонил в Смоленск, но там уже начался обеденный перерыв. Потянулись мучительные минуты. Наконец — три часа. Энкин с Ниной нашли прошлогоднюю директиву об увольнении в запас досрочно, и в 15 минут четвертого Баштовой позвонил в Смоленск. Довольно активно позвонил, молодец. И вот — результат: в Смоленск идет срочная телеграмма, что двое убывают в Могилёв, а третий (это я) в связи с поступлением в ВУЗ и с прибытием вызова — остается. Неизвестность сменилась улыбающейся реальностью: в июле я буду дома, с тобой, рядышком. И кончится кошмар трех бесконечных лет. Кончится! Ты представляешь, Софья? Нет, ты не представляешь. Я тоже не представляю.

Сегодня устроили ребятам прощальный ужин. Конечно, выпили. Ваничка сказал, что то, что я остаюсь, — это счастливая случайность. А я говорю — не случайность это. Если бы сегодня не пришел вызов — я бы ночью уехал, и кто его знает, встретились бы мы с тобой скоро. Если бы 20-го ты не пошла в институт, вызова сегодня не было бы, он был бы завтра и — поздно. И учитывая, что 20-е — понедельник, а понедельник — “тяжелый день”, то — если бы твоя любовь не сломала предрассудки и суеверия, — ты бы не пошла в институт 20-го. А она — сломала! Ну разве же это случайность? Нет! Это счастливая закономерность, и эта закономерность — и радость моя, и мое счастье.

Борису — спасибо. Большое.

С Юркой расставаться тяжело. Мы шутим, а на сердце кошки скребут. В четыре утра уезжает. Тебе он просит передать привет — огромный. Сидит рядом, курит.

Ну, до свидания. До скорого — в июле. Мы будем вместе, Соник. Соник, мы будем вместе.



Я так ждал твоего письма, так волновался, вовремя ли прибудет мой “нарочный”. Скажи откровенно, он тебе нравится? У него не слишком вульгарная физиономия? И — не охрип ли он по дороге?

Мне, знаешь, очень, очень приятно, что стихи тебе понравились. Хочется верить, что ты говоришь это не для того только, чтобы не обидеть меня. Я несколько раз возвращался к ним, и всё равно не достиг той простоты слов, к которой стремился. Значит, правду говорят, что над стихами можно работать бесконечно. А вот то, что плакала... Я знал, что они расстроят тебя, и всё же не

хотелось, чтобы ты плакала. Особенно в такой день. Но сейчас — увы — ничего не сделаешь. После драки кулаками махать бесполезно.

Юрка с Ваничкой уже в Могилёве. Будут строить там жилой дом, и срок службы будет зависеть от «дисциплинированности и производительности труда».

Соник, родная моя! Я хорошо тебя понимаю, знаю, что ты сейчас работаешь за другую для того, чтобы потом больше быть со мной. Но ты ведь переутомляешься. Не надо больше так, ладно? Работай нормально и — побольше отдыхай. Хорошо?

Начал считать часы. Их легче считать — они всё же быстрее проходят, чем дни. Но — всё равно — их остается еще много. Жду, слоняюсь из угла в угол. Получил письмо от Кости, тебе привет. Он тоже послал документы, ждет вызова. Еще новость — из гнездышка, что рядом со штабом, уже разлетелись птенчики. А ведь совсем недавно они так интересно вытягивали вверх свои голодные клювики. Уже выросли. "Отчий дом" стал им тесен, и они покинули его, эгоистичные и жадные до жизни. Мне тоже давно тесно здесь, но я не волен, как они, и — сижу.

Написал мало, но больше писать не хочу. Я уже не могу писать. Ты понимаешь меня? Потому — закончу. Передай привет всем дома. И — не волнуйся. Всё будет хорошо.

[СОНЯ, 19 июня]

Сегодня получила от тебя письмо и очень боялась его распечатывать — боялась, что ты опять меня будешь ругать, а я не хочу, хочу только мира.

Ласточка! Я чувствую, что остался только месяц, но мне кажется, что это долго-долго. Когда я буду с тобой

и у нас будет наконец-то медовый месяц, мне покажется, что он очень быстро пробежал. А когда ждешь, ожидание кажется бесконечным. Но я не ропщу, ведь и так нам выпало счастье.

Я жду твоего возвращения и боюсь, что не справлюсь с домашними работами, что не буду ничего успевать. И мне страшно становится. Я такая трусиха, правда? Ты ведь будешь мне помогать?

Сегодня я иду в ночь, в первую. 22.06 выходная. Прибавляя 10 дней, будешь знать, когда я выходная. Я работаю на каждой смене по два дня, так что можешь составить мой график.

Завтра утром идем с Борисом в институт сдавать документы. Завтра, может быть, узнаю, когда смогут выслать. Ты только готовься. Даже не написал, как у тебя с подготовкой.

Рыбка! Смотрела «Рапсодию», американский фильм. Когда ты приедешь, мы должны обязательно пойти, слышишь? У нас уже есть несколько картин, которые мы должны вдвоем посмотреть. Пойдем?

Меня премировали билетами в театр. 22-го с Лялей идем на «Мертвую хватку» Голсуорси. О впечатлении напишу.



Ласточка! Я очень-очень тебе благодарна за мишку, стихи и телеграмму. Ты у меня — прелесть! Я так рада подарку, и получила я его 21-го утром. Ты меня самый первый поздравил. Стихи мне понравились, но я так расстроилась, что плакала.

День выдался совсем неудачный: с утра до ночи моросил мелкий дождь. А в довершение всего пришел Борис, но не поздравить, он забыл, но это полбеды. Он принес телеграмму от тебя. Я очень волнуюсь. Я послала тебе вызов 20-го обыкновенным письмом (хотела, чтобы быстрее дошло), а теперь беспокоюсь, чтобы оно не пропало. Но не должно пропасть, правда? Рыбка, а куда тебя собираются переводить, и почему не написали, что тебя отпускают в институт?

Вчера была Дебора с Леночкой и своим женихом. 25-го они расписываются. Я должна прийти в загс, потому что вечером я их поздравить не смогу, работаю с 13 до 19 часов и с 1 до 7 утра. И на следующий день так же. Я работаю за одну лаборантку, а она потом, когда мне надо будет, поработает за меня.



Получила письмо 28-го, а видишь, когда отвечаю. Я надеюсь, что ты не обидишься, ведь ты знаешь, что работала эти дни, как каторжная. Я даже дома почти не бывала, а если приходила, то только поспать.

Сенечка! Меня эти вахты так измотали, что я еще больше похудела, но зато будет пять свободных дней. У меня есть идея! Если ты сдашь экзамены, я хочу, чтобы мы поехали в Кишинев на четыре дня. Хочу быть только с тобой и хочу погулять. Ты согласен? Скажи «да», а то я совсем упаду духом.

Неужели Баштовой не может тебя отпустить до 20 июля? Напиши, когда приблизительно ты сможешь приехать.

Была в загсе, но Дебору там не застала, поехала к папе, они были там. Дебора была довольна.

Рыбка! Совсем не хочется писать, хочется говорить с тобой. Наверное, чувствую, что скоро будешь дома. Придешь, всё узнаешь.

Будь здоров. Жду с нетерпением. Целую крепко. Твоя Софя.

Я с мишкой сплю и даже разговариваю. Говорю ему: «Скоро наш папка придет», а он отвечает рёвом: «Да». Хочу быть с тобой. Твоя Сонечка.

ЭПИЛОГ

Прошли годы. Прошли десятилетия. Ушли в историю большие и малые события пятидесятих-шестидесятых годов двадцатого века. Постарели взрослые спутники молодых участников описываемых событий, повзрослели сами молодые участники, в том числе и Сеня с Соней. Ведь молодость устремлена в будущее не только в мечтах, но и в реальной жизни. В реальной жизни, которая далеко не всегда подстраивается под мечты.

Семен Кравец не стал широко известным писателем (даже в узких кругах). Однако написал рассказ, который мы приводим здесь вместо эпилога.

ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

Он сказал ей: «Я не создан для семьи».

Она сказала: «Я не буду ждать, пока ты отслужишь».

Они пошли в городской загс и подали заявление. Через неделю их расписали. И это событие вечером они отметили в кругу друзей. Стол накрывали у Светы с Жорой — они не так давно поженились. Петя Кропоткин пришел с цветами, а Боря Швыдкой был в галстук и с шампанским.

Это была их первая свадьба, можно даже сказать — нулевая, потому что это была скорее не свадьба, а тайная вечеря — они еще не получили благословения родителей. А на столе было то, что вполне подходило для того негурманного времени, — селедка с нарезанным луком под подсолнечным маслом и картошка в мундире.

Через месяц была настоящая свадьба, с родственниками жениха и невесты, и они стали мужем и женой. Или женой и мужем, всё равно. А осенью его призвали в армию на срочную службу — сроком на три года.

Первая свадьба — она просто свадьба, а вот когда начинаются годовщины, то там уже у каждой новой годовщины свое название. И ситцевая свадьба, и деревянная есть, но тогда они об этом не знали, а знали только про серебряную да про золотую. А это их не касалось, это всё у уже пожилых людей, к которым они не относятся и не скоро еще будут относиться.

Но вот прошли годы, отмечена уже и серебряная свадьба, и золотая, и подошла очередная юбилейная — бриллиантовая, шестьдесят лет. Свадьбу устроили в ресторане, всё было очень красиво и приятно, а чуть попозже они простились с честной компанией, оставив их догуливать, а сами двинулись потихоньку домой, растроганные и, к своему удивлению, не уставшие.

Бриллиантовая свадьба... Бриллианты — это ограненные алмазы. Это когда на камне шлифуется новая грань, потом еще и еще, и алмаз уже отражает свет не так, как вчера, а совсем по-другому, и не только по-другому отражает, но и начинает излучать свой, внутренний. То есть получается, что бриллиантами не рождаются, бриллиантами становятся...

Они недавно обратили внимание, что на них обращают внимание. Уже издали тепло улыбаются и не отрывают взгляда,

пока не разминутся. А одна женщина, поравнявшись, выговорила вслух: «Приятно на вас смотреть». В ответ она тогда кокетливо улыбнулась: «Спасибо!», а он сразу подобрался весь и головой кивнул коротко: «Благодарю!» Если б не на ходу, то и каблуками б, наверно, прищелкнул.

Вообще-то военной выправкой он не отличался. Армия для него была совсем не мечтой, а только, как когда-то говорили, воинской повинностью. Но демобилизовался в звании сержанта. Она помнит, как он ей в письмах тогда шуточно присвоил звание ефрейтора, чтоб не подумала ненароком, будто она в их семье главный командир. Не хотел, чтоб она им командовала.

А письма, между прочим, сохранились. Лежали себе в книжной “стенке” в уголке, завернутые в газету и перевязанные ленточкой. Она на них недавно наткнулась, а теперь время от времени брала, чтобы перечитать. Какой мелкий у него тогда был почерк! А ведь она его разбирала безо всяких очков...

Вот письмо без даты.

«Стыдливая моя, робкая, когда хочешь моей ласки... Я люблю тебя... Понимаешь? В этом — всё. И тоска по твоим милым и часто детским чертам, по твоей обидчивости даже... И гордость за тебя. И теплое чувство слабости, когда ты нежно касаешься моих волос мягкими руками. И страшная, обидная боль злости, когда ты хочешь убедить меня, что ты обыкновенный обыватель! Ты не обыватель, нет. Но ты не хочешь в это поверить. А я верю. И это, я знаю, тоже потому, что я — люблю тебя. Я люблю твою деловую походку, твою левую руку в кармане и чуть-чуть склоненную головку. Я люблю тебя, забравшуюся с ногами на диванчик с книгой в руках. Я люблю тебя, заглядевшуюся вдаль, когда ветер треплет твои волосы. Я люблю тебя, снующую по дому, озабоченную, самозабвенно колдующую над кастрюлькой с супом. Я люблю

тебя. И хочу любить тебя всю свою жизнь. Не привыкнуть к тебе, не смириться с тобой, а — любить. Вот это я и хотел тебе сейчас сказать, когда из приемника передача «Театр у микрофона» и слова: «А причина того, что я закоренелый холостяк, проста: я не встретил женщину, о которой можно сказать "родная душа"». А вот я уже не холостяк, потому что встретил тебя, тебя, о ком я хочу всю свою жизнь говорить: родная душа...»

Она не помнила этого письма.

Они тогда много читали, и он, и она. Читали то, что советовали, что попадало случайно — часто всего на одну ночь. Тогда им было по двадцать, они были взрослые и, конечно, умные. А умные потому, что читали умные книжки...

А это письмо с датой.

«Здравствуй, моя маленькая! Ты видишь — я улыбаюсь. Мне так же хорошо сейчас, как дома, с тобой. Я ничего тебе не говорю, я только смотрю на тебя, улыбаюсь, вижу твою улыбку — и мне хорошо.

Я прочел «Три товарища». Прочел залпом, почти в один прием. Книга хороша, слов нет, но я настроен против нее. Ведь это после нее ты решила, что тебя ждет конец Пат. И это не случайно».

Это письмо она помнит. Тогда ее болезнь опять вернулась в фазу обострения, и она была уверена, что на этот раз ей не вернуться.

«Было бы, конечно, преступно сказать, что Ремарк написал ложь. Нет. Это правда. Но почему Ремарк преподнес именно эту правду? Или другой правды тогда не было? Была. Ленц — не Роберт, он тоже жил, и умер, но это был не Роберт. Это тоже правда. А ведь жизнь трех друзей и Пат — ну ее к черту, такую жизнь! Я вообще-то их уважаю, они хорошие ребята,

а уж товарищи — настоящие, но жить так нельзя. Можно чувствовать себя отверженным, можно испытать унижение, оскорбление, но чувствовать себя обреченным — так нельзя. Конечно, были люди, болевшие этим чувством. Прошедшие войну, познавшие страх перед смертью и получившие в награду страх перед жизнью, они не могли уже верить во что-то. Они не верили в благородство людей, а сами были благородны. Они не верили в бескорыстие и добродетель, а встретились с профессором, лечившим Пат. Они смеялись уверенным смехом над великим самообманом — любовью — и вынуждены были признать любовь Роберта к Пат. У них много противоречий, но выглядят они всё же обреченными. И красноречивее всего об этом говорит Пат — она просто умирает. Выздоровей она — и книга уже не была бы книгой Ремарка. Это его болезнь — обреченность. Но ты ведь не хочешь умереть. И я не хочу. Умереть мы умрем, все умрем. Но умирать, всю свою жизнь ждать своей гибели — этого не хочет никто. Неужели нет других, радостных ожиданий и радостных свершений? Есть, конечно. Так пусть мне Ремарк расскажет, как быть счастливым, как жить, чтобы жизнь радовала, а не осеняла на каждом шагу могильным крестом. А как быть несчастным, это я и сам хорошо знаю».

Смотри, как разошелся! Вот бы Ремарку услышать...

«Так вот, книга очень хорошо написана. А ты — ты попробуй только умереть, только попробуй, — я тебя воскрешу, слышишь? и заставлю жить, уже только потому, что я без тебя не могу».

Она почувствовала, как наворачиваются на глаза слезы.

«Робби не сумел этого сделать, а я сумею. Я не дам тебе умереть, слышишь? не дам.

Вот тебе и «Три товарища». Книга обыкновенной толщины, а отобрала себе почти целое письмо. Ну ладно, хватит о ней.

Что тут у нас, в скользком от грязи сещенском захолустье?»

Телевизор тогда только входил в жизнь. Он писал: «Видимость, конечно, паршивая, игру лица, во всяком случае, не увидишь». Писал о товарищах, с которыми служил. Она знала их — и Юру, и Костю: она ведь приезжала к нему в эту самую Сещу. Юра тогда приходил в гости, варил настоящий узбекский плов... Через много лет он приезжал в Одессу и снова, как тогда в Сеще, готовил фирменное свое ташкентское блюдо — настоящий узбекский плов. А Костя как-то передал из Баку в Одессу фотографию с женой — у них было уже двое детей...

Вот еще письмо.

«Здравствуй, моя дорогая! Сегодня, наконец, могу написать письмо пообширней последних.

У нас свирепствует вирусный грипп, и, за недостатком людей, я вынужден был назначить себя в караул. А посему могу писать без спешки.

Ты ответила без задержки, чтобы не извиняться, и все-таки извиняешься? Но зачем? Я, право, не обижусь, «что так сухо». Ты недовольна, что наша встреча откладывается? Это ты всерьез или супруга изволит шутить?»

А тон, какой тон! Мало того, что раздражен, так еще и издевается... У них тогда был напряженный период.

«Ты предполагаешь, что я сам не хочу тебя видеть. Ведь я, видите ли, здоров, а ты замучена работой! Я интересен, а тебя пугаются! Я найду другую — это ты тоже обо мне? Что ж, я нижайше кланяюсь.

Ты говоришь, что постоянных людей нет вообще, любви якобы не существует, и так как это относится и ко мне, ты мне уже не веришь. И — все мужчины одинаковы».

Это она ему так писала? Наверное! Интересно.

«Ты пишешь, что очень любишь мои письма, особенно теплые, хочешь ответить тем же, но тебе далеко до поэта, красивые письма — не твоя стихия? Во-первых, красивые письма подчас и вредны. Что же касается теплоты — для этого не нужно быть поэтом. Если есть тепло в сердце — оно поневоле окажется и на бумаге. Но я не удивляюсь. Я тебе даже сочувствую. На двух адресатов тепла не хватит. Либо одному, либо другому, либо каждому понемногу».

О чем это он? К кому-то ревнует? Конечно! К Ляле, ее сестре! Он всегда хотел, чтобы письма она писала только ему...

«Ляля, говоришь, уже работает. Что ж, очень хорошо. И очень хорошо, что у тебя, наконец, кончилась волынка с болезнью. Хорошо, когда хорошо! В таких случаях даже петь хочется. К сожалению, в последнее время такие случаи слишком, слишком редки.

Светушка беременна... Счастливый Жорка мечет телеграммы... Как хорошо! Да...

А ты, действительно, права, что не веришь в мой отпуск. Если командир части будет ждать, пока «новый помкомвзвода наведет порядок», то мы увидимся, пожалуй, уже когда меня демобилизуют. Но отпуск объявлен, и я надеюсь...

На меня тут возложили драмкружок. В гражданской библиотеке я случайно наткнулся на нашу одноактную «Линию жизни» и обрадовался. Здесь ее согласились поставить — она понравилась. А во мне она вызвала много воспоминаний, а образ Нины Михайловны — много тяжелых размышлений. «Милый, ну я такая. Люблю успех, люблю поклонников». И еще: «А я вот

никого не люблю — ни его, ни другого». Память мне, кажется, не изменила. Я ведь, как и ты, почти всю пьесу наизусть знал». Надо же! На этой пьесе в драмкружке они и познакомились. Он играл там отца, а она — его дочь. Господи, как давно это было!.. «Что ж, пора заканчивать. Я уже и так исписал слишком много бумаги. Ну, еще две новости. Получил от Толика Бондарева письмо из Находки. Он уже демобилизовался, сейчас плавает. Вторая новость — мое стихотворение напечатали в районной газете и просили выслать еще несколько стихов и фото. Пока всё.

Жду письма».

Им было по двадцать. Он был такой умный! Она была такая мудрая! Они не понимали тогда, что эта умность и эта мудрость, как одежка с чужого плеча — от чужого ума и чужой мудрости. От прочитанных книг о чужих жизнях, от услышанных рассказов из чужих жизней. Что-то подсмотрели, что-то подслушали — а откуда еще? Конечно, они отбирали для себя то, что по вкусу, по душе именно им, или что удобно принять. Но всё равно это было еще не их. Их личный семейный опыт только начинался. И начинался он с того, что наживали они этот опыт врозь. Их свадебное путешествие закончилось скорой разлукой...

А сейчас они шли по длинному, как день, Строгановскому мосту, их обходили пешеходы и объезжали велосипедисты. Вот обогнала их стайка горластых мальчишек, видимо, приезжих, видимо, небогатых — судя по скромным спортивным костюмам. Последний, с баночкой пива в левой руке, воздетой в приветствии, с восторгом оглядывался на них, тыча в их сторону правый кулачок с оттопыренным большим пальцем — «Во!» — так они ему понравились!

А как-то их остановила миловидная молодая женщина:

— Извините, можно вас спросить, — улыбаясь, сказала она. — Вы давно вместе?

— Шестьдесят, — приветливо ответил он.

— Шестьдесят один, — из честности уточнила она.

— Как вам это удалось? — женщина солнечно улыбалась.

— А это просто, — неожиданно резко отозвался он, — мы каждый день завтракаем вместе.

Она же, чтобы упредить неловкость, ответила женщине мягко:

— Терпение и уважение, — и повторила: — Терпение и уважение.

Миловидная любознательница, продолжая улыбаться, кивнула прощально.

В тот раз она удивилась, с чего это он про завтраки вдруг. Ну не в том же смысле, что пуд соли нужно вместе съесть, ведь так? Она так и спросила его — с чего это он вдруг так резко.

Он, еще не остыв, объяснил. Оказывается, его задело ее «Как вам это удалось?». То есть как будто в общем-то так быть не должно, но вот как-то изловчились люди, и у них вышло. Что же это за молодежь такая? Неужели сплошь одни разводы? Терпение и уважение. Он тоже так думает?

Древние греки, большие любители размышлять обо всём, что есть вокруг человека и в нем самом, размышляли о любви тоже. Они насчитали более десяти разновидностей любви — от восторженной влюбленности до одержимости. И где-то между — обозначилась любовь супругов. Она у них отметилась нежностью и дружбой...

Были ли он и она нежны друг к другу? И да, и нет. Были ли они дружны друг к другу? И да, и нет. Любили ли они? И любят ли сейчас?

Любовь — таинство, любовь таится. Она таится слов тоже.

В урочный час он напомним ей: «Ты не забыла закапать свои чудодейственные капли?» А когда ночь наступит на отяжелевшие веки, она заметит ему: «Опять у тебя холодеет рука. Давай я положу ее себе на грудь». И добавит: «На то, что от нее осталось».

Вот и всё.

По-прежнему лежат в книжной "стенке" старые письма, перевязанные уже другой ленточкой. А рядом лежит толстенькая тетрадь, куда своей аккуратной рученькой записывала Сонечка стихи своего Сенечки — и те, что ей очень нравились, и те, что не очень. И те, что можно читать со сцены, и те, что лучше не читать. Но попали туда и другие стихи, которые можно было не только читать, но и петь, но и — судя по названию — даже танцевать.

ВАЛЬС НА ДВОИХ

Солнце катилось над летним заливом, / Тени накрыли склоны обрыва, / В тених блеснули стальные перила — / То старая лестница тайной манила — / Вверх-вверх, вверх-вверх, / Раз, два и три.

Сказочный замок! Пустая ограда, / В ярком сиянии окна фасада, / И под распахнутым небом квартала — / Музыка праздника, музыка бала — / Раз-два-три, раз-два-три, / Раз, два и три.

Мы на асфальте, не на паркете... / Но нас только двое на целой планете! / Это для нас музыканты играли! / И мы танцевали, мы танцевали, / И ты мне сказала, / Что я твоя жизнь. Годы проносятся, лето за летом, / Нам не подняться уж лестницей этой. / Но не забыты музыки звуки, / Но, как и прежде, сомкнуты руки — / Ты моя радость, ты мои муки, / Ты — моя жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	3
КУРСАНТЫ	
ЗИМА	5
ЛЕТО	66
СЕРЖАНТЫ	
ЗИМА	108
ЛЕТО	175
ПОСЛЕДНИЙ ГОД, ОН ТРУДНЫЙ	
ЗИМА	209
ЛЕТО	310
ЭПИЛОГ	371

*Лирические отступления: Рядовой Пинюгин (119); Мечь (151);
Стреляли (232)*

Літературно-художнє видання

Лейдерман Леонід Мойсейович

**СЕНЯ І СОНЯ,
або ТРИ РОКИ ТИ МЕНІ СНИЛАСЯ...
ТИ МЕНІ СНИВСЯ**

**Епістолярна мелодрама у трьох частинах
з прологом, ліричними відступами та епілогом
(Рос. мовою)**

Редактор *Олена Тихонова*
Дизайнер обкладинки *Олена Кунтарас*

Формат 84×108/32. Ум.-друк. арк. 12,0. Тираж 100 прим. Зам. № 174.

ПП «Політехперіодика»,
65044, м. Одеса, а/с 17

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3232 від 09.07.2008

Оригінал-макет виготовлено у видавництві «Політехперіодика»

Надруковано у типографії Видавництва «Астропринт»,
65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.

ISBN 978-966-2666-37-3



Ты мне снится...

Ты мне снится

